

Харьковский национальный университет имени В. Н. Каразина
Харьковское областное историко-археологическое общество

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ И АРХЕОЛОГИИ УКРАИНЫ

МАТЕРИАЛЫ

VIII Международной научной конференции

9–10 ноября 2012 года

Харьков
ООО «НТМТ»
2012

УДК 93/99

ББК 63.4(2)26+63.4(2)273+63.3(0)3+63.4(0)44+63.4(2)43+63.3(2Ук52)

П78

Художник *С. Э. Кулинич*

П78 **Проблемы истории и археологии Украины: Материалы VIII Международной научной конференции (Харьков, 9–10 ноября 2012 г.).** — Харьков: ООО «НТМТ», 2012. — 100 с.
ISBN 978-617-578-105-0

УДК 93/99

ББК 63.4(2)26+63.4(2)273+63.3(0)3+63.4(0)44+63.4(2)43+63.3(2Ук52)

Харьковское областное историко-археологическое общество выражает благодарность сотрудникам ДП ОАСУ «Слобожанская археологическая служба» за финансовую помощь в издании материалов конференции.

Наукове видання

ПРОБЛЕМИ ІСТОРІЇ ТА АРХЕОЛОГІЇ УКРАЇНИ

Матеріали VIII Міжнародної наукової конференції

9–10 листопада 2012 року

Відповідальний за випуск *С. В. Д'ячков*

Художній редактор *С. Е. Кулинич*

Комп'ютерна верстка *Ю. І. Цитковська*

Коректор *І. Л. Д'яченко*

Свідоцтво ДК № 1748 від 15.04.2004

Підписано до друку 30.10.2012. Формат 60×84/8. Папір офсетний.

Друк офсетний. Облік.-вид. арк. 12,09. Наклад 300 прим.

ТОВ «НТМТ». пр. Леніна, 58, к. 108, м. Харків, 61072

ISBN 978-617-578-105-0

© Колектив авторів, 2012

Харківський національний університет імені В. Н. Каразіна
Харківське обласне історико-археологічне товариство

ПРОБЛЕМИ ІСТОРІЇ ТА АРХЕОЛОГІЇ УКРАЇНИ

МАТЕРІАЛИ

VIII Міжнародної наукової конференції

9–10 листопада 2012 року

Харків
ТОВ «НТМТ»
2012

УДК 93/99

ББК 63.4(2)26+63.4(2)273+63.3(0)3+63.4(0)44+63.4(2)43+63.3(2Ук52)

П78

Художник *С. Е. Кулинич*

П78 **Проблеми історії та археології України: Матеріали VIII Міжнародної наукової конференції (Харків, 9–10 листопада 2012 р.).** — Харків: ТОВ «НТМТ», 2012. — 100 с.
ISBN 978-617-578-105-0

УДК 93/99

ББК 63.4(2)26+63.4(2)273+63.3(0)3+63.4(0)44+63.4(2)43+63.3(2Ук52)

Харківське обласне історико-археологічне товариство висловлює подяку співробітникам ДП ОАСУ «Слобожанська археологічна служба» за фінансову допомогу у виданні матеріалів конференції.

Наукове видання

ПРОБЛЕМИ ІСТОРІЇ ТА АРХЕОЛОГІЇ УКРАЇНИ

Матеріали VIII Міжнародної наукової конференції

9–10 листопада 2012 року

Відповідальний за випуск *С. В. Д'ячков*

Художній редактор *С. Е. Кулинич*

Комп'ютерна верстка *Ю. І. Цитковська*

Коректор *І. Л. Д'яченко*

Свідоцтво ДК № 1748 від 15.04.2004

Підписано до друку 30.10.2012. Формат 60×84/8. Папір офсетний.

Друк офсетний. Облік.-вид. арк. 12,09. Наклад 300 прим.

ТОВ «НТМТ». пр. Леніна, 58, к. 108, м. Харків, 61072

ЭПОХА КАМНЯ И ПАЛЕОМЕТАЛЛА

С. И. Берестнев (Харьков)

ОБ «ИНСИГНИЯХ ВЛАСТИ» ЭПОХИ ПАЛЕОМЕТАЛЛА

1. В материалах энеолита — бронзы существует категория изделий, априорно наделяющаяся свойствами социальных индикаторов. Речь идет о так называемых «инсигниях власти» — внешних знаках могущества, власти или сана. Для эпохи палеометалла к ним обычно относят каменные зооморфные скипетры, навершия булав и проушные топоры, в бронзовом веке подобной функцией наделяются изделия из металла — наконечники копий, литые топоры, а также средства передвижения — остатки повозок или колесниц. Их присутствие в составе погребальных комплексов служит основанием для выводов о высоком социальном статусе покойников, о погребениях «вождей» или «духовных лидеров». Положение о взаимосвязи определенного рода не-утилитарных категорий сопровождающего инвентаря и социальной структуры архаических обществ никто никогда доказательно не аргументировал, оно существует в виде аксиомы.

2. Наделение нетипичных и редко встречающихся изделий значением социальных маркеров определяется стремлением объяснить их присутствие в составе закрытых комплексов в ходе интерпретации полученных данных. Если предмет не имеет выраженного практического предназначения, то его включение в состав сопровождающего инвентаря должно иметь другую мотивацию, вполне понятную исполнителям обряда. В частности, удостоверить особую прижизненную социальную позицию погребенного индивида. Отношение к захоронению как к исключительно погребально-поминальному объекту замыкает смысл проводившихся ритуально-обрядовых действий на личности покойника и на процедуре его перевода из земного состояния в потустороннее. Причисление к сонму «предков» означало утрату прежних качеств, вхождение в обезличенную, лишенную индивидуальных характеристик массу ушедших сородичей, имевших возможность влиять на судьбу социума. В таком случае присутствие знаков при-

жизненного статуса утрачивает свое значение и не соответствует содержанию обряда.

3. Погребальное сооружение, останки покойного, сопровождающие его вещи в совокупности представляют определенную семиотическую систему, ориентированную на достижение поставленной цели и органически вписывающуюся в мифологическую картину мира. В ведийской традиции погребение приравнялось к жертвоприношению, сам погребенный именовался «пожертвованным целиком». Жертвоприношение в структуре архаического мышления представлялось основным средством установления канала связи между мирским и сакральным. Поэтому основной смысл проводившихся обрядов виделся в возобновлении диалога с Потусторонним. Частный акт захоронения ритуалом преобразовывался в значимую для всего коллектива акцию.

4. Покойник-жертва наделялся функцией «посланника», обязанного доставить по назначению просьбы, пожелания и материальные дары. В таких условиях сопутствующие предметы неутилитарного характера приобретали значение символов, обозначающих «адресата» культового действия — Высшие силы в целом или конкретное божество, актуальное в текущий момент. Есть основания полагать, что каменные навершия, объединяемые в условную категорию «скипетров», выступали в роли аватаров — предметов, в которых предполагалось присутствие божества и виделось его земное воплощение. Аватары являлись атрибутами культа и не могли быть персонифицированы в качестве личного знака духовной или светской власти. Как объект поклонения их использовали в религиозных церемониях, а в особых случаях включали в контекст погребально-жертвенного ритуала в качестве «проводника» к адресату. Вероятно, политеистичностью и существованием локальных местных культов объясняется многообразие иконографии «скипетров», выступавших аватарами различных божеств в рамках единой мифо-религиозной доктрины.

Ю. М. Бровендер (Алчевск)

**О ПРОИЗВОДСТВЕННЫХ КУЛЬТАХ
ДОНЕЦКОГО ГОРНО-МЕТАЛЛУРГИЧЕСКОГО ЦЕНТРА
(по материалам Картамышского археологического микрорайона
памятников эпохи бронзы)**

Сведения о духовной культуре древних массивов населения всегда несравненно беднее, нежели данные о материальной культуре древних обществ. Однако, несмотря на ограниченность источниковой базы, интерес к ней постоянно растет. Активность исследовательского поиска в изучении проблемы металлопроизводства в эпоху раннего металла, особенно эпохи поздней бронзы, проявившаяся в масштабных работах в горнорудных областях Восточной Европы, способствовала выявлению новых источников, свидетельствующих о производственных культах населения срубной общности.

Важную роль в развитии металлопроизводства Днепро-Донского региона в эпоху бронзы играл Донецкий горно-металлургический центр (ДГМЦ). Одним из наиболее выразительных комплексов горно-металлургических памятников эпохи бронзы на территории ДГМЦ является Картамышский комплекс. Его памятники, как и памятники других производственных комплексов ДГМЦ, представляют все циклы древнего металлопроизводства, основным из которых является горный цикл.

Десять лет полевых исследований в Картамыше позволили выявить ранее не фиксируемые на памятниках ДГМЦ следы производственных культов. Важно отметить, что значительная их часть связана именно с горным промыслом.

Среди открытых на Картамыше культовых мест особое внимание привлекают два камня-жертвенника (алтаря) из кварцитовидного песчаника, найденные на поселении Червоное озеро-1 вблизи построек, расположенных у склона породного отвала рудника Червоное озеро-I. Камень-жертвенник-1 находился в 4 м на С от постройки-1. На верхней его площадке есть углубление, переходящее в желоб. Размеры камня $0,7 \times 0,5 \times 0,6$ м. Внешним видом он напоминает горнодобывающее орудие — молот. Вблизи камня-жертвенника, ближе к СЗ углу каменной постройки выявлена яма овальной формы диаметром 0,9 м и глубиной около 0,3 м, плотно заполненная костями мелких копытных (жертвенных) животных. Аналогичный камень-жертвенник-2 найден

в 2,8 м на ЮЗ от постройки-2, также представляет собой реплику молота. В 5 м на СВ от постройки-2 выявлена яма размерами $2,6 \times 2,5$ м, углубленная в материк на 0,3 м. В заполнении ямы найдено большое количество костей животных. Яму перекрывал мощный каменный заклад. На расстоянии 2,5–6 м от ямы, дугообразно по линии ССВ–ЮЮЗ находился комплекс каменных конструкций в виде шести округлой формы ям, по периметру укрепленных плитами песчаника. Их диаметр от 0,6 м до 1,2 м. Глубина конструкций от 0,14 до 0,2 м. На дне одной из них обнаружен развал нижней части сосуда.

Таким образом, выявленные вблизи каждой из исследованных на поселении Червоное озеро-1 построек алтари дают основание говорить о том, что культы, связанные с производственной деятельностью (горным промыслом) древними рудокопами ДГМЦ отпоявлялись у каждой жилой постройки.

Еще один культовый комплекс обнаружен в СЗ части постройки-2 техногенного участка рудника Червоное озеро-I. Он представлял собой группу компактно расположенных объектов — развала тонкостенного орнаментированного сосуда, а также орудия из камня и кости, используемые в горно-обогательном цикле. Следует отметить, что керамика на техногенном участке является достаточно редким явлением, а фрагменты тонкостенной посуды здесь вообще не известны.

К культовым следует отнести и захоронения мелких парнокопытных как в площади техногенного участка рудника Червоное озеро-I, так и в заполнении вертикального ствола горной выработки-2 рудника Червоное озеро-IV.

Особый интерес в осмыслении культовых обрядов, связанных с древними шахтами, представляет находящееся под мощным каменным закладом захоронение срубного времени в районе горной выработки-1 над фиксируемым стволом шахты рудника Червоное озеро-IV.

Таким образом, исследования Картамышского комплекса горно-металлургических памятников эпохи бронзы дали новые сведения о практически не известных ранее производственных культах древних рудокопов.

К. В. Горбенко (Николаев)

**РАСКОПКИ ПРОИЗВОДСТВЕННОГО ПОМЕЩЕНИЯ
НА «ЦИТАДЕЛИ» ГОРОДИЩА ДИКИЙ САД В 2011 ГОДУ¹**

Городище финальной бронзы Дикий Сад расположено в историческом центре современного города Николаева на высоком плато левого берега реки Ингул. Регулярные раскопки проводятся археологической экспедицией Николаевского национального университета

та с 1991 г. Общая площадь территории городища более 3,0 га (за двадцать лет раскопок исследовано более 70 % площади памятника). Конструктивно городище состояло из трех частей: огражденная ровом «цитадель» — 20 объектов (16 помещений — жилые,

¹ Тезисы подготовлены в рамках научной темы № 0112U000482 «Этнокультурные процессы в Северном Причерноморье в контексте древней и средневековой истории Юго-Восточной Европы по данным археологии».

хозяйственные, производственно-хозяйственные и ритуально-культовые); ритуальный спуск-подъем — пандус в центральный храм поселения; центральная площадка «цитадели»; площадка, примыкающая к оборонительному рву; оборонительный ров; «Предместье» (дальнее и ближнее) — 25 объектов; «Ближнее предместье» — 4 помещения (жилые и хозяйственные); «Дальнее предместье» — 16 помещений (жилые, хозяйственные); центральная площадка, состоящая из 21 ямы (хозяйственные и ритуальные); три хозяйственные ямы возле помещений № 1 и № 15; внешний ров; «Посад» располагавшийся за внешним рвом городища (на этой территории была зафиксирована одна яма № 1-а). Большая часть «посада» разрушена современными строениями.

В 2011 г. работы проводились на участке «цитадель» где было исследовано новое хозяйственно-производственное помещение № 19. Помещение имело прямоугольную форму — 8,0 × 7,0 м с каменными конструкциями. Стены помещения на первом этапе функционирования были глинобитными, а на втором — в западной части — была сооружена каменная кладка, которая облицовывала западный борт помещения. Крыша помещения, исходя из расположения столбовых ям, была односкатной, с наклоном в сторону оборонительного рва. Пол — хорошо утрамбованный, с многократными глиняными промазками.

В заполнении помещения были обнаружены развалы керамических сосудов, бронзовый нож, каменные орудия труда, а под северной кладкой — скопление костей КРС и большое количество фрагментов керамики.

Пол восточной половины помещения был промазан смесью глины и песка, а западной — плотно утрамбованным глеем с примесью известкового раствора. Всего под двумя уровнями промазки пола было зафиксировано 32 ямы (из которых 6 столбовых) и 3 кострища.

Я. О. Дьяченко (Харьков)

К ПРОБЛЕМЕ «МАТЕМАТИЗАЦИИ» АРХЕОЛОГИИ

*Жизнь слишком сложна,
чтобы быть целиком подвластной математике.*

Э. Шредингер

Математические методы давно и прочно стали мерой «научности» всякой науки. Наряду с этим также не прекращаются споры по поводу выявления ложной математики в гуманитарных дисциплинах, их регрессе в условиях тотальной квантофрени. Под математическим методом нередко ошибочно понимают простейшую схематизацию и символизацию теории. Введение формального языка как бы должно говорить о степени научности исследования. Каждая гуманитарная дисциплина сталкивалась с проблемой излишнего субъективизма и уж, коль скоро она называлась наукой — с проблемой меры ее научности и научности ее результатов.

Исходя из расположения и стратиграфии ям, первый уровень функционирования помещения связан с ямами № 5, 7, 8, 12–27, которые можно определить как хозяйственные. После прекращения функционирования ям этого уровня, их месторасположение было промазано в западной части — супесью глины и песка, в восточной — глиной, плотно утрамбованным глеем с известковым раствором.

Ко второму этапу функционирования помещения (второй уровень пола) можно отнести комплекс ям № 1, 1а, b, c, 2, 2а, b, c, 3, 4, 9, 10, 11, 20, 26. Комплекс ям № 2, 2а, 2b, 2с, расположенный в центральной части помещения, и относящийся, вероятно, ко второму этапу функционирования П-19, образовывал некую конструкцию, вероятнее всего печь, где яма № 3 выполняла функции основания для столба (несущего пилона), яма № 10 — воздуходува, а непосредственно кострища — мест для обжига изделий. Плотное глиняное перекрытие над этими ямами может указывать на рухнувший глинобитный свод (купол), толщиной 0,07–0,10 м. Под горелым слоем ямы № 2, в супеси, обнаружены три стоящих вплотную друг к другу плохо обожженных сосудика кернасообразного типа атипичной формы, которые, учитывая функциональную нагрузку ямы, можно связывать с ритуальным приношением. Сосудики подобного кернасообразного типа встречаются в Чернолесской культуре.

Функциональное назначение указанных ям, учитывая обнаруженные в верхнем заполнении артефакты, можно связать либо с производством одноразовых литейных форм или сопел (одно из которых, довольно плохого обжига, было обнаружено под северной кладкой). Однако, учитывая скопление под той же кладкой костей КРС, МРС, эти ямы могли использоваться для обработки туш и приготовления пищи. Отсутствие керамического брака и большого количества как спандила, так и фрагментов керамики исключает возможность использования данных ям для керамического производства.

Для археологии одной из основных проблем является задача классификации, типологизации наличного материала и переход от эмпирических и условных типов к более высоким таксономическим единицам. Страх признания тех или иных явлений продуктом субъективистского и ненаучного подхода ведет к формализации теорий. Но возможно ли доказать непротиворечивость таких теорий силами одних этих теорий? Здесь мы сталкиваемся с весьма знаменитым в науке геделевским аргументом, в соответствии с которым:

а) во всякой достаточно богатой непротиворечивой теории первого порядка существует такая замкнутая

формула F , что ни F , ни $\neg F$ не являются выводимыми в этой теории. Иначе говоря, в любой достаточно сложной непротиворечивой теории существует утверждение, которое средствами самой теории невозможно ни доказать, ни опровергнуть;

б) во всякой достаточно богатой непротиворечивой теории первого порядка формула F , утверждающая непротиворечивость этой теории, не является выводимой из нее. Иными словами, непротиворечивость достаточно богатой теории не может быть доказана средствами этой теории. Однако вполне может оказаться, что непротиворечивость одной конкретной теории может быть установлена средствами другой, более мощной формальной теории. Но тогда встает вопрос о непротиворечивости этой второй теории, и т. д.

Из этих двух теорем вытекает проблема непротиворечивости тех смыслов, которые были выведены внутри одной формальной системы. Смысл — это всегда деятельность, при которой осмысляемое соотносится с чем-то внешним, то есть формируется так называемый контекст, это всегда движение во вне актуально данного. Именно в процессе этого движения появляется риск впасть в крайнюю степень субъективизма, но так же страх возникновения субъективизма приводит к описанию актуально данного лишь только методами данной теории. Степень формальности такого механизма несколько не говорит о степени его научности. Даже в случае полного соответствия законам матлогики, мы не можем достоверно утверждать непротиворечивость выводов, вращаясь в рамках одной формальной системы. В свое время известный социолог Питирим Сорокин также указывал на опасность ложной ма-

тематизации психосоциальных наук, которая, в конечном счете, приводит к формальной классификации актуально данного с неадекватным привлечением терминологического аппарата математики и физики. Такое привлечение обычно приводит к тому, что наука подменяется исключительно деятельностью статистика. Также стоит обратить внимание на вопрос о том, на каком уровне археологии следует применять формализацию. На уровне микротeorии структурной археологии, когда речь идет об изучении явлений в статике, необходима предельная точность классификации, которую помогает обеспечить формализация методов и данных. Однако стоит ли в той же степени применять формализацию на уровне процессуальной археологии? Статистика и искусственная формализация являет собой опасность для контекста, поскольку контекст является продуктом интерпретации конкретного исследователя. Остро стоит вопрос заимствования теорий из других наук. Потенциальная степень их формальности в собственно науке, из которой ее заимствуют, не всегда соответствует таковой же степени формальности в археологии. Ни одна предельно формальная схема перехода от низших к более высоким таксономическим единицам не даст в себе самой ту самую непротиворечивость, которую потом археологи смогут преподнести как доказательство предельной «научности» археологии. Чрезмерная увлеченность строгостью классификации не позволяет сделать археологу шаг от наличной данности к собственно той археологической культуре, реконструкцией которой в своем сознании занимается археолог.

О. Н. Загородняя (Алчевск)

НОВЫЕ ДАННЫЕ О ФУНКЦИОНАЛЬНОМ НАЗНАЧЕНИИ ОРУДИЙ ИЗ КОСТИ КАРТАМЫША

Исследования памятников Картамышского археологического микрорайона эпохи поздней бронзы в Донбассе позволили выявить представительную серию свидетельств, связанных со всеми этапами металлопроизводства — от добычи руды до металлообработки. Одним из составляющих микрорайон памятников является техногенный участок рудника Червонэ озеро-І. Его можно охарактеризовать как памятник с выраженной производственной специализацией, в пределах которого осуществлялось обогащение медной руды. В 2001-2008 гг. археологами совместной украинско-российской экспедиции осуществлялись его исследования. Общая вскрытая раскопками площадь составила 210 кв. м.

На данный момент серия изделий из кости, происходящих из раскопок Червоного озеро-І, составляет 402 экз., в т. ч. из ребер животных (322 экз.), лопаток (51 экз.), трубчатой кости (9 экз.) и другие. Трасологическое изучение костяных изделий (15 экз.) были начаты В. В. Килейниковым. Характеристика признаков износа позволила выделить новый функциональный тип орудий из ребер и трубчатой кости

КРС — рудодобывающие копалки. Изделие из лопатки было отнесено к землекопным совкам. Заключение В. В. Килейникова были дополнены В. Б. Панковским, осуществившим технологический и функциональный анализ изделий из кости из раскопок 2002 г. (106 экз.). Поскольку следы сработанности на орудиях из ребер отличались от следов копания, он предположил возможность их использования в ходе скобления медистого песчаника с целью извлечения руды, т.е. в качестве горно-обогащительных.

Дальнейшие исследования коллекции орудий из кости техногенного участка были продолжены автором. Материал изучался с позиций комплексного анализа, включающего технико-морфологический, трасологический и экспериментальный методы. Способы изготовления орудий из ребер достаточно просты. Естественная форма ребра часто не требовала дополнительной подработки, поскольку оно являлось легко приспособляемым материалом в различных видах хозяйственной деятельности. Исходя из различий расположения рабочих поверхностей, были выделены: 1) орудия с одним рабочим краем на

вентральном або дорсальному кінці ребра; 2) оруддя з двома робочими кінцями. При цьому розташування та форма робочого краю залежали від способу попереднього членення ребра.

Для даного типу оруддій форма робочого краю та характер срабатанності досить стійкі. Слідки використання в більшій ступені фіксуються на торці, каудальному та краниальному кінцях: перпендикулярні або розташовані під кутом до лінії кромки лінійні слідки в формі поверхневих царапин. Подібний знос міг виникнути від абразивного впливу мелкодисперсного матеріалу на кістку. Округлість кромки та наявність яскравої заполировки, проникаючої по всьому рельєфу поверхності, вказують на контакт з м'яким еластичним матеріалом, ймовірно, шкірою. Звернемо увагу, що аналогічні слідки прослідковані та на поверхнях більшості оруддій із лопаток, трубчастий кістки та фрагментах щелепи.

З метою верифікації функцій археологічних оруддій із кістки в польових умовах були виконані експерименти з використанням аналогічних реплік у різних операціях: проходка горної породи — аргіліта; вибухання шару перетертого медистого

песчаника; дроблення руди на шкірі в воді; розмішування дрібнофракційної медної руди в шкіряній ємкості в воді.

Отримані на оруддях слідки зносу були вивчені трасологічно. Порівняння мікропризнаків срабатанності на поверхнях експериментальних оруддій із ребер та артефактів привело до їх ідентифікації. Звичайно, оруддя із ребер мають стосунки до остаточного етапу збагачення руди — флотації, де ними вироблялося розмішування перетертої рудної маси в шкіряних ємкостях з водою. Це не суперечить наявності в площині пам'ятника відходів виробничої діяльності в формі шару перетертого медистого песчаника, а також переважання каменних оруддій горнозбагачального циклу.

Результати експериментів з проходки горної породи опровергли існуючу точку зору щодо використання оруддій із ребер як рудодобувальних копалок. Трасологічні спостереження показали зовсім інший вид срабатанності робочого краю (як на макро-, так і на мікроуровні), характерний для землекопних оруддій.

О. Є. Кислий, Е. М. Іслямів (Сімферополь)

ІНФОРМАТИВНІСТЬ ДЕКОРАТИВНОГО МИСТЕЦТВА ЕПОХИ ЕНЕОЛІТУ—БРОНЗИ

1. Можливість передачі інформації через декоративне оздоблення є предметом вивчення в мистецтвознавстві, культурології та ін. Можемо говорити про різні напрями аналізу (далі «інформація в декорі» — ІД). 1) Рівень вертикальний. Пов'язаний з поступово виникаючою у процесі антропогенезу здатністю до абстрактного мислення, далі — з розвитком конкретних культур. Тут потреба ІД розвивається поступово зростаючи, потім зменшуючись з виникненням писемності та інформаційних систем сучасності. 2) Рівень горизонтальний. Пов'язаний із можливостями продукування ІД на рівні однієї особи, сім'ї, культурної групи, етносу... Тут потреба і можливість ІД розвиваються дифузійно. При виробленні соціально значимої системи декоративного оздоблення починається розширення у часі та просторі її використання.

2. Археологічні дослідження епохи енеоліту-бронзи Північного Причорномор'я дозволили прослідкувати декілька парадоксів ІД. Висунуті такі ланки розуміння ІД. 1) Геометричний чи малюнковий орнамент має певну семантику. Він з'явився у верхньому палеоліті, відомий на кераміці, в т.ч. на кераміці епохи енеоліту-бронзи та ін. ужиткових речах. 2) Особливе значення мають окремі елементи орнаментальних мотивів (Гольмстен В. В., Отрошенко В. В.). 3) Мистецтво степової зони Північного Причорномор'я малоінформативне, бо реалістичних зображень обмаль (Формозов О. О.). 4) Окремі елементи орнаменту мають значення зображень (Отрошенко В. В.). 5) Окремі знаки та елементи орнаменту є зачатками писемності (Городцов В. О., Турчанінов Г. Ф., Формозов О. О., Отрошенко В. В.). Мусимо розділяти орнамент і власне знаки виникаючої писемності, що осо-

бливо поширені на посуді зрубної спільноти (1953, О. О. Формозов).

3. Нарешті О.Є.Кислим запропоноване як системне розуміння ІД у племен степових, гірських, аридних зон, так і пояснення смислу «незображення» у життєдіяльності таких племен.

Значна частина орнаментів пов'язана зі статевим символізмом культури. Прямо чи опосередковано з ним варто пов'язати орнаментальні символи на посуді багатьох культур енеоліту-бронзи. На посуді зрубних племен значно збільшується, порівняно із попереднім періодом, кількість композицій, де тісно переплітаються знаки «чоловічої» та «жіночої» символіки. Предметне порівняння орнаментальних композицій та композицій з окремих знаків чи малюнків наглядно підтверджує зроблений висновок.

Це дає змогу констатувати, саме епоха бронзи й особливо період зрубної культури були часом крайнього напруження економічного розвитку. Оскільки ідеологічні уявлення розвивались услід за змінами економіко-демографічного стану суспільства, мистецтво енеоліту-бронзи, а подальше і раннього залізного віку, опосередковано дає змогу виявити динаміку соціальних відносин у бік подальшої їх маскулінізації.

Від значно переважаючої кількості чоловічого потомства залежало життя всього племені. Таким, «антиприродним» (соціальним) чином вирішувались демографічні протиріччя, що супроводили кризу. Ідеологія нових патріархальних стосунків слугувала економічним потребам утвердження влади чоловіка. У складних умовах виживання створюється образ чоловіка-творця всього сущого. Протиріччя з реальними процесами і безпосереднього відтворення життя

знімалися заборною на пізнання. Землеробські племена розвивалися в менш екстенсивних умовах, криза була здолана швидше, тому традиції «незображення» менш виражені. У відношенні мусульманської культури цей ефект О. А. Грабар назвав «візуальною туманністю».

Горизонтальний аналіз показує, як реальні потреби відтворення життя, що виникають поступово в зонах

ускладненого переходу до відтворюючого господарювання, продукують потребу загального інформаційного поля і більш цілеспрямованої передачі життєво важливої ІД. Візуально наявне інформаційне поле могло знаходити вираз в символах на жіночих чи чоловічих ужиткових речах. Проте керамічний посуд був загальноживимим. Вірогідно, що він деінде грав роль своєрідного мас-медіа.

О. А. Максимова (Воронеж)

БЫТОВЫЕ ПАМЯТНИКИ СРУБНОЙ КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОЙ ОБЩНОСТИ В БАСЕЙНЕ СЕВЕРСКОГО ДОНЦА В ОЦЕНКЕ УКРАИНСКИХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ ПОСЛЕДНЕГО ДЕСЯТИЛЕТИЯ XX СТОЛЕТИЯ

Изучение памятников срубной культурно-исторической общности эпохи поздней бронзы, насчитывающее более ста лет, начинается с раскопок в бассейне Северского Донца под руководством выдающегося отечественного археолога В. А. Городцова. Интерес к их осмыслению проявляется на последующих этапах развития отечественной археологии, и прежде всего в современный период их осмысления, относящийся ко времени, следующему за распадом СССР.

Это проявилось и в украинской археологии, когда особенно масштабными становятся раскопки бытовых памятников срубной культурно-исторической общности в бассейне Северского Донца, существенно повлиявшие на характер и направленность в изучении этой культурно-исторической общности и культуру ее образующих.

В украинской археологии в рамках этого периода достаточно четко выделяются два этапа. Первый из них в основном охватывает 90-е гг. XX ст. и самое начало нового столетия. Этап характеризуется возросшим вниманием к изучению поселенческих памятников в бассейне Северского Донца и все возрастающим признанием значимости изучения рудоразработок срубного времени в пределах Бахмутской котловины.

Осмыслением срубной культурно-исторической общности в целом в рассматриваемое время наиболее активно занимаются исследователи, работающие в Институте археологии Национальной академии наук Украины (С. С. Березанская, В. В. Отрощенко, Я. П. Гершкович, В. И. Клочко, И. Н. Шарафутдинова, О. П. Журавлев), в Харьковском национальном университете (С. И. Берестнев), в Восточноукраинском национальном университете (С. Н. Санжаров), в Донецком национальном университете (Р. А. Литвиненко), в Днепропетровском национальном университете (И. Ф. Ковалева, В. А. Ромашко), в Донбасском горно-металлургическом институте (Ю. М. Бровендер), в Донецком областном краеведческом музее (А. Н. Усачук, В. В. Цымиданов), в Алчевском краеведческом музее (С. И. Татаринов).

Под руководством этих, как впрочем и других исследователей, в бассейне Северского Донца ведутся раскопки нескольких десятков бытовых памятников этой культурно-исторической общности. Исследования ведет Центрально-Донецкая экспедиция Института археологии НАН Украины (руководители

С. Н. Санжаров и Ю. М. Бровендер), совместная экспедиция Института археологии НАН Украины, Донбасского горно-металлургического института и Воронежского госуниверситета (руководители с украинской стороны — В. В. Отрощенко и Ю. М. Бровендер, с российской стороны — А. Д. Пряхин, В. И. Беседин), экспедиции Харьковского, Киевского, Восточно-Украинского, Донецкого национальных университетов, ряда краеведческих музеев (Донецкий, Артемовский и др.).

Если же попытаться в целом оценить сделанное в изучении памятников срубной культурно-исторической общности по полученным результатам конечно выделяются раскопки такого рода памятников совместной украинско-российской археологической экспедицией, что нашло свое отражение в ряде совместных статей, написанных как украинскими (В. В. Отрощенко, Ю. М. Бровендер), так и российскими (А. Д. Пряхин, В. И. Беседин, А. С. Саврасов) исследователями. Речь идет как о поселенческих памятниках срубной общности Донетчины (прежде всего I и II Капитановские поселения), так и о памятниках, связанных с металлопроизводственной деятельностью (Картамышский комплекс горно-металлургических памятников).

Следует подчеркнуть значимость проведения на базе этой экспедиции в 1995–1999 гг. пяти совместных украинско-российских полевых семинаров по проблематике эпохи бронзы Донетчины и Подонья, где оценке древностей поздней бронзы рассматриваемых пространств уделялось первостепенное внимание. В ходе проведения семинаров формировалось взаимопонимание в определении подходов и в оценке культур эпохи бронзы доно-донецкого региона, прежде всего в оценке срубной культурно-исторической общности и культуру ее образующих.

Если же возвратиться к общей оценке итогов изучения поселенческих памятников срубной культурно-исторической общности Донетчины, то проведенные украинскими учеными в бассейне Северского Донца на протяжении 90-х гг. XX ст. — в самом начале XXI ст. исследования знаменовали собой качественно новый этап их осмысления, что серьезно повлияло на их изучение в пределах как восточноукраинской степи и лесостепи, так и применительно к пространствам восточно-европейской степи и лесостепи в целом.

А. С. Пробейголова (Луганск)

КЕРАМИЧЕСКИЙ КОМПЛЕКС ДАВЫДО-НИКОЛЬСКОГО ПОСЕЛЕНИЯ ФИНАЛА ЭПОХИ БРОНЗЫ (по материалам 2007–2011 гг.)

Давыдо-Никольское поселение на р. Северский Донец исследуется на протяжении пяти лет, начиная с 2007 г. Вскрытая площадь составила около 1000 кв. м, получена значительная серия обломков сосудов и целых форм. Стратиграфические наблюдения позволили выделить три горизонта позднего бронзового века. Наибольший интерес представляет верхний горизонт, представляющий материалы финала эпохи бронзы. Керамический комплекс из указанного горизонта и связанных с ним построек можно разделить на четыре группы.

В первую группу вошли немногочисленные фрагменты посуды, имеющие аналогии в белозерской культуре (керамика «западного» происхождения по Я. П. Гершковичу). По форме выделяются обломки кухонных (горшки) и столовых (кубки) сосудов. В орнаментации используется разомкнутый валик, иногда опущенный вниз в виде «усов», каннелюры, наклепные «шишечки». Поверхность многих сосудов лощеная.

Во вторую группу включена посуда бондарихинской культуры (керамика северо-восточного происхождения по Я. П. Гершковичу). Представляется, что керамика третьей группы не однородна по времени. К раннему этапу относятся обломки сосудов с признаками малобудковской традиции (расчесы по внешней поверхности сосуда, орнаментация среза венчика) и несколько фрагментов маклашеевского облика. Однако подобных фрагментов немного. Остальная часть более всего соответствует позднему этапу культуры: подлощенная поверхность, бантичные зацепы, сквозные проколы под венчиком, прочерченный геометрический орнамент.

К третьей группе отнесены обломки и некоторые реконструируемые целые формы сосудов, связанные своим происхождением с восточным блоком культур валиковой керамики по Е. Н. Черныху. В основном это фрагменты горшков и горшковидных сосудов с воротничковым оформлением венчика, нередко сочетающегося с валиком на плечике. В некоторых случаях вместо воротничка, венчик приостренный

в профиле. Нередко валик сочетается с расположенным ниже прочерченным геометрическим орнаментом. Аналогии посуде второй группы прослеживаются в керамических комплексах ивановской, саргаринско-алексеевской, отрадненской культур (керамика восточного происхождения по Я. П. Гершковичу).

Последнюю, четвертую группу можно охарактеризовать как синкретический тип, сочетающий старые срубные традиции и новые приемы орнаментации. Сюда отнесены горшки и баночные сосуды, орнаментированные «жемчужным» орнаментом. Венчики некоторых сосудов имеют характерный Т-образный профиль, хорошо известный на керамике из более ранних горизонтов Давыдо-Никольского поселения. Вопрос о появлении «жемчужин» на посуде ряда культур в финале эпохи бронзы восточноевропейской лесостепи является дискуссионным. В качестве истоков нового приема орнаментации исследователи называют бондарихинскую (малобудковский этап), приказанскую, поздняяковскую, маклашеевскую культуры (Ю. В. Буйнов, С. И. Берестнев, В. Н. Горбов, А. В. Корохина).

Таким образом, культурная атрибуция горизонта финала эпохи бронзы Давыдо-Никольского поселения затрудняется в силу неоднородности керамического комплекса. На подобную многокомпонентность, прослеженную на примере других поселений, неоднократно указывалось ранее Я. П. Гершковичем. Применительно к Давыдо-Никольскому представляется все же, что основой выступала керамика последней, четвертой группы — синкретические «пережиточные» срубные формы посуды. Наиболее близкой к четвертой является третья группа, объединяющая все те же срубные формы и способы орнаментации с «восточными» элементами, такими как воротничок, сочетание валика и прочерченного орнамента, приостренный в профиле венчик. Первая и вторая группы выглядят инородными, пришлыми на общем фоне материалов памятника.

А. Д. Пряхин (Воронеж)

К ОБОСНОВАНИЮ ЦЕЛЕСООБРАЗНОСТИ ЗАКРЕПЛЕНИЯ ЗА ОДНОЙ ИЗ КУЛЬТУР СРУБНОЙ КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОЙ ОБЩНОСТИ НАЗВАНИЯ «МОСОЛОВСКАЯ СРУБНАЯ КУЛЬТУРА»

Выступая на предыдущей международной научной конференции, посвященной 150-летию со дня рождения академика В. П. Бузескула, я предложил именовать одну из двух выделенных В. В. Отрощенко срубных культур, которую он вначале именовал «покровской срубной» (Отрощенко В. В., 2002, с. 15–17), а вскоре и «покровско-мосоловской» (Отрощенко В. В., 2003, с. 73, 76–80), признав, что Мосоловское поселение металлургов-литейщиков эпохи поздней

бронзы в левобережье Дона является наиболее представительным памятником этой культуры (Отрощенко В. В., 2003, с. 77). Именно это поселение является базовым при выделении прежде всего воронежскими исследователями «донской лесостепной срубной культуры» (Пряхин А. Д., Матвеев Ю. П., 1988, с. 136–163).

Представляется целесообразным упразднить параллельное употребление терминов «покровско — мосоловская срубная культура» и «донская лесостепная

срубная культура», замінив їх на названі «мосоловська срубна культура». Тем самим упразднюється використання різних названь для масива пам'яток, базовим об'єктом для виділення яких являється одне і те ж поселення епохи пізньої бронзи.

К тому ж використання подвійного названня культури «покровсько-мосоловська» не сприяє наданню чіткості представлення об одній із срубних культур, основний масив пам'яток якої знаходиться в лесостепі Подоння — лівобережжя Донця і на приграничній території доно-вожської міжуреччя. Наявність же в названні цієї культури і терміна покровський, орієнтуючого на результати вивчення Покровських курганів в Заволж'ї, які різними авторами інтерпретуються як з позицій виділення покровської (покровсько — мосоловської) срубної культури, пам'яток покровського культурного типу, пам'яток покровської абашевської і доно — вожської абашевської культур (Пряхін А. Д., 2011, с. 70–72; др. раб.) не вносить ясності в розуміння пам'яток, по відношенню до яких використовується цей термін.

Якщо ж орієнтуватися на результати вивчення зокрема Мосоловського поселення — є можливість виділення трьох послідовних етапів в розвитку культури, перший із яких відображає трансформацію доно-вожської абашевської культури в срубну, а другою і третьою відповідають часам розвитку срубників (Бесєдін В. І., 1993, с. 94–103). К тому ж на Мосоловському поселенні немає пізньоневалікового пласта: тут єдиничні фрагменти посуду з наліпними валиками (Пряхін А. Д., 1993,

с. 81), як втім і посуд з воротниковим оформленням венчика.

Пізніше тут здійснюється серія бескурганних захоронень (погребення 4–10), залишених уже іншим населенням, по відношенню до якого краще використовувати термін постсрубники.

Ці погребення, за винятком погребення 11, вносять в культурний шар основного поселення пізньої бронзи або навіть в заповнення котлованів, що належать до цього часу напівземляночних споруд. Як правило це розчленовані захоронення, супроводжувані посудом, мають інший вигляд, ніж керамічна серія, що відповідає третьому етапу існування Мосоловського поселення пізньої бронзи. Іншими словами, є підстави вважати, що між завершенням функціонування Мосоловського поселення пізньої бронзи і часом здійснення серії бескурганних постсрубних захоронень існує певний хронологічний розрив, що дозволяє конкретизувати пізні стратиграфічні позиції мосоловської срубної культури, передбачаючи поширення в лесостепне Подоння нової хвилі населення, що має «срубні» корні.

В світлі сказаного особливий інтерес представляє порівняльний аналіз даних по Мосоловському поселенню і по поселенню тієї ж культури Капітаново І в лівобережжя Донця (розкопки під керівництвом Ю. М. Бровендера), де зафіксована багатослойність пам'ятника і наявність там серії бескурганних захоронень пізньої бронзи (Пряхін А. Д., Бровендер Ю. М., 1995, с. 24).

А. А. Семенова (Київ)

ДО ІНТЕРПРЕТАЦІЇ ФУНКЦІОНАЛЬНОГО ПРИЗНАЧЕННЯ ПРИКРАС З МУШЕЛЬ МОЛЮСКІВ (за матеріалами комплексів пізньопалеолітичних стоянок Східної Європи)

Одним з різновидів фауністичних залишків, що зустрічаються на пізньопалеолітичних стоянках, є мушлі молюсків, які належать як до наземних, в основному місцевих видів, так і — в більшій мірі — морських (*Cerithium vulgatum* та *Nassa reticulate*).

Наприкінці ХХ — початку ХХІ ст., в результаті дослідження нових палеолітичних пам'яток на території України, виявлено низку стоянок, серед матеріалу яких також присутні означені вироби: Буран-Кая, Солоне Озеро ІХ, Семенівка ІІ і Семенівка ІІІ та Бармаки. Виявлення нових матеріалів дозволяє повноварті підійти до питань про обмін, семантичне навантаження, призначення цих виробів.

На основі опублікованих матеріалів виділено комплекси, в яких присутні прикраси з мушель молюсків, які можна розділити на декілька регіонів: пам'ятки Криму (Сюрень, Буран-Кая), півдня Східної Європи (Амвросіївка, Роголик І, Осокорівка, Дубова балка, Кайстрова балка), Подністров'я та Волині (Бармаки, Городок ІІ, Лисичники, Молодове V), Середнього Подніпров'я та Подесення (Семенівка ІІ, Семенівка ІІІ, Мізин, Межиріч, Юдіново, Гінці).

Отримана інформація дає уявлення про рівень зв'язків та шляхи обміну між колективами у пізньому палеоліті. Звертає на себе увагу те, що кількість прикрас з мушель морських молюсків на стоянках, значно віддалених від моря, набагато більша, ніж на стоянках, які знаходяться в безпосередній близькості до природного середовища, характерного цим видам.

В етнографічних дослідженнях прикрасам з мушель молюсків відводиться роль «первісних грошей». Звичайно під цим терміном не слід розуміти «гроші» в сучасному розумінні, адже для тогочасного населення це не було універсальним еквівалентом. Тубільці з Соломонових островів, як і їхні сусіди, використовують мушлі для своїх мінових угод, при цьому завжди дотримуються найсуворішої специфікації цих угод (при укладенні шлюбу; для сплати компенсації за мерців під час війни).

Так, мінові операції в архаїчних суспільствах мали складні обрядові форми і являлися «неекономічними» формами обміну, які в першу чергу мали на меті виконати певні соціальні функції. Прикладом цього може слугувати звичай «мербок», прив'язаний до різних

церемоній і зборів, що «являв собою складну систему циркуляції матеріальних цінностей». Людина, яка приймала участь в цій системі, була пов'язана як мінімум з двома партнерами, від яких вона отримувала і котрим передавала певні речі.

Схожі системи обміну зафіксовані Б. Маліновським на Тробріанських островах. Це система ритуального обміну «кула» престижних речей «мвалі» (браслети з білих мушлей) на «сулава» (намиста з червоних мушлей), що рухаються в протилежному напрямку. Її особливістю є те, що речі ці затримуються у людини, якій їх передали, тільки певний обмежений відрізок часу, після якого вона повинна передати їх далі. Крім цього, не всі чоловіки брали участь в «кулі»; жінки ж взагалі не мали права участі в мінових операціях. Таку ж ситуацію відмічає Ф. Роуз для аборигенів Австралії, аналізуючи мінові операції між племенами.

Сама «кула» — це церемоніальне дарування і система, що регулює суспільне життя населення Тробріанських островів. Обмін такими дарунками, так чи інакше, створює соціальні зв'язки та зобов'язання,

тому доцільно говорити про економічну сторону як про другорядну, адже основним є саме соціальний фактор. Цієї точки зору притримувався М. Мосс («Есе про дарування»).

Пам'ятки Семенівка II та III інтерпретовані як сезонні короточасні стоянки, і з огляду на відсутність «жіночих» знарядь праці заселена вона була дорослими чоловіками-мисливцями. Таким чином, можна зробити припущення, що мушлі морських молюсків були саме «чоловічими» прикрасами. На користь цього говорить і той факт, що більшість поховань у Європі та в Росії з цими прикрасами — чоловічі.

Можливо простежити певні прояви етнічної диференціації. Так, на стоянці Межирич тільки в одному житлі були знайдені прикраси з мушель молюсків, тоді як в інших знайдено серію оброблених зубів вовка.

Таким чином, знахідки прикрас з мушлей молюсків є важливим та досить інформативним джерелом, що дає змогу простежувати певні соціокультурні відносини та зв'язки первісних колективів палеолітичного населення.

І. А. Сніжко (Харків)

ВИЗНАЧЕННЯ ЧАСУ ІСНУВАННЯ СТОЯНКИ БІЛЯ с. КАМ'ЯНКА

Одним з найважливіших результатів дослідження археологічної пам'ятки є визначення її хронологічної позиції. Для встановлення віку палеолітичних пам'яток застосовуються різні методи датування в залежності від стану збереженості та вмісту культурного шару.

Пізньопалеолітична стоянка біля с. Кам'янка Ізюмського району Харківської області розташована на високому місці при впадінні в р. Сіверській Донець правої притоки р. Суха Кам'янка. Культурний шар визначається рівнем розповсюдження знахідок, не має специфічного забарвлення. Містить крем'яні артефакти, фрагменти кісток тварин, шматочки вохри та вугілля. Планіграфічна структура демонструє скупчення, що відповідають робочим місцям з обробки крем'я. Крем'яний інвентар характерний для стоянок-майстерень, що знаходяться поблизу виходів сировини. Його складають призматичні, торцеві та конічні нуклеуси, відщепи, пластини, технічні сколи. До виробів із вторинною обробкою належать бокові та серединні різці, кінцеві скребки, скребловидні, виїмчасті та стамесковидні знаряддя, пластинки з ретушованими виїмками, мікропластинки з притупленим краєм. В цілому набір знарядь характерний для пам'яток східного епігравету.

Для визначення часу існування пам'ятки застосовано стратиграфічний та палінологічний методи, оскільки кісткові рештки та вугілля представлені дрібними фрагментами, що не дають можливість провести аналіз на C^{14} .

Стратиграфічні дослідження. Культурний шар пам'ятки пошкоджений внаслідок дії наступних постгенетичних факторів: відсутність консервації артефактів після завершення функціонування пам'ятки; переміщення артефактів вгору внаслідок

процесів замерзання та відтаювання; вплив делювіальних процесів; діяльність риючих тварин. Тому важливо визначити ініціальний рівень відкладення культурних решток і його зв'язок з певними літологічними горизонтами. Для цього використано метод мікростратиграфії, що дозволив визначити рівень первинного відкладення артефактів як одноактний процес і пов'язати його з жовтуватопалевим лессовидним суглинком верхньопричорноморського літологічного підгоризонту.

Палінологічні дослідження. Палінологічний аналіз 9 проб було виконано Н. П. Герасименко в лабораторії Київського Національного університету. Для всіх зразків були одержані достовірні дані про склад споропилкових спектрів і на їх основі реконструйовані фази розвитку рослинності. Оскільки ініціальний рівень відкладення культурних решток пов'язаний з жовтуватопалевим суглинком та верхом причорноморського лесу, природне оточення існування давньої людини на пам'ятці було реконструйоване на підставі дослідження зразків 7 та 8.

Пробу 8 було взято з лесових відкладень. Під час формування горизонту територія знаходилась в межах степової зони з субперигляціальним кліматом. Деревинна рослинність представлена сосновим рідколіссям з чагарниковою березою в підліску. Вздовж русел в невеликій кількості росли вільха та верба. Трав'яниста рослинність представлена різнотравно-злаковими асоціаціями. Підвищений вміст пилку рожевих пов'язаний з наявністю куртиноутворюючих форм, типових зараз для сухих степів Чукотки. Даний інтервал можна віднести до кінця пізнього валдаю – ранньопричорноморському стадіалу, що передуює пізньюльдовиків'ю (давніше 13 тис. р. т.).

Пробу 7 було взято із жовтувато-палевого суглинку, з яким пов'язана основна кількість знахідок. Під час формування відкладів район також знаходився в межах степової зони. Індикативним є поява шилку ялинки, що розповсюдилась в середній частині долини р. Сіверський Донець в алерьоді (11,8–11,1 тис. р. т.). Поява деревовидних беріз, збільшення щільності трав'янистих ценозів свідчать про підвищення во-

логості, але клімат лишився засушливим та більш холодним, ніж зараз. Відклади сформувались в умовах переходу від стадіалу до інтерстадіалу і відносяться до самого початку пізньольодовиків'я.

Отже, існування пам'ятки припадає на причорноморський етап пізнього плейстоцену і знаходиться в межах переходу від ранньопричорноморського стадіалу до початку пізньольодовиків'я.

О. Б. Супруненко (Полтава)

ЕНЕОЛІТИЧНА ГРОБНИЦЯ-ЦИСТА З ПОНИЗЗЯ СУХОГО КОБЕЛЯЧКА НА ПОЛТАВЩИНІ

Влітку 2011 р. Полтавська експедиція ДП НДЦ «ОАСУ» ІА НАН України дослідила курган у с. Петрашівці Салівської сільради Кременчуцького р-ну Полтавської обл. В цьому стратифікованому насипу виявлено 20 поховань (в т.ч. 4 енеолітичних), рештки 8-ми ям, стела і вогнище, чимало об'єктів нового і новітнього часів. Курган висотою 1,0 м і діаметром 34 м входив до складу групи на краю піщаного мису правого берега р. Сухий Кобелячок (ліва притока Дніпра).

У східній частині споруди, в первинному насипу круглої в плані форми з темного гумусованого супіску та мулу в основі, дм. 7 м і висотою 0,5 м, містилася раньоенеолітична «кам'яна скриня» (пох. 3), влаштована на рівні похованого ґрунту. Це була п'ятикутна в плані кам'яна гробниця-циста, складена з брил сірого граніту, перекрита стелоподібними плитами з того ж каменю, зорієнтована в меридіональному напрямку. Її утворювали поставлені у вертикальному положенні плитчасті блоки рваного граніту, простір між якими був заповнений меншим камінням. Гробницю перекривали три товсті стелоподібні плити: дві — прямокутної форми зі скругленими кутами, одна — п'ятикутна, як виявилось, зміщена від попереднього положення у XVIII ст. Для встановлення гранітних каменів стінок цисти у мулистій підсищі і ґрунті відкопувалися канавки по контуру споруди — шириною 0,25–0,80 м і завглибшки 0,25–0,30 м. Вага використаних каменів становила — від 1–5 кг до 220–250 кг.

За формою блоку, дві плити перекриття відповідають обрисам стел з округлим головним виступом чи без нього, типу III В, за Є. Ю. Новицьким. На одній з них наявне фалічне зображення (в рельєфі). Ще одна масивна п'ятикутна плита, з природним уступом на зовнішній пласкій поверхні, подібна до стел із загостреним верхнім краєм, типу II Б.

Зовнішні розміри цисти — 1,45 × 2,38 м, розміри внутрішнього обсягу — 1,72–1,80 × 0,62–0,96 м, його площа — близько 1,1 кв. м, висота гробниці від основи — 0,72–0,83 м.

Південна частина заповнення поховання була зритою на площі 0,5 × 0,7 м грабіжницькою ямою XVIII ст. Стелоподібна плита над перекопом виявилася зміщеною з попереднього положення на схід, поза цисту.

Щільне заповнення гробниці двошарове — безпосередньо вміст захоронення і підсіпка в основі, на якій було влаштоване рівне дно поховання. Підсіпку утворював мішаний супісок з численними вуглинами, горілими гілочками і стеблами болотної рослинності, уламками ліпного посуду, окремими шматочками кісток дитини, — рештки тризної відправи і супутньої влаштуванню поховання жертви.

Захоронення було влаштоване для чоловіка у віці 35–40 років, останки якого збереглися більше ніж наполовину. Встановлена випростана на спині позиція небіжчика горілиць, з руками вздовж тулуба і, вірогідно, підігнутими ногами. Все дно могили встилав тонкий шар зотлілих решток кори, поверхня якої була всуціль всипана буро-коричневою вохрою, помітною і на кістках скелету. У північно-західному кутку гробниці знаходилася округла пляма яскраво-червоної вохри дм. 11 см. Поряд з нею та на кістках скелету відзначені кілька невеликих грудочок такої ж вохри, вохристі шматочки місцевого залізного кварциту.

Більша кількість знахідок містилася у підстиляючому дню поховання шарі «ущільнення» деталей гробниці. Звідси походило 12 уламків ліпного посуду, крупинки яскраво-червоної вохри, дрібні шматочки мушлів річкових черепашок, численні вуглини, зуби й уламки черепа дитини у віці 6–7 років. З-поміж них виділяється частина шийки ліпного горщика із заглаженою поверхнею, прикрашеного відбитками гребінця, а нижче — двома смугами високого зигзагу, між яким вміщені скошені відтиски того ж штампю. В тісті більшості черепків — органіка, «білі волоски» і сліди вигорілих мушель. Є фрагменти пласких денець кількох ліпних горщиків, грудочки залізного кварциту рожево-червоного кольору.

Основне поховання петрашівського кургану віднесені до кола енеолітичних скелянських степових старожитностей і виступає свідченням просування на терени Полтавщини носіїв цієї групи пам'яток на початку IV тис. до н. е.

Зараз ця рідкісна для просторів лісостепового Лівобережного Подніпров'я мегалітична кам'яна споруда доступна для огляду відвідувачів Полтавського краєзнавчого музею.

ПОХОВАЛЬНІ КОМПЛЕКСИ ЗРУБНОГО ЧАСУ НИЖНЬОЇ ТЕЧІЇ ПСЛА

На сьогодні на Нижньому Пслі ми маємо до 40 підкурганних поховальних комплексів зрубного часу; ще стільки ж — значно зруйнованих чи малоінформативних. З них тільки 4 на правобережжі Псла.

Стратиграфічна їх позиція майже винятково впускна, двічі — основна, досипки рідкісні. Планіграфічні закономірності не простежені, одного разу виявлене кругове планування. Кількість поховань у могильниках — від 2–3 до 6–7 могил, лише в 5-ти випадках трапилися поодинокі могили в кургані.

Основним обрядом виступає інгумація, принаймні у п'яти випадках — кремація. Згодом, останні тут відображають переважно не поховання представників служителів культу, а іншокультурний прошарок. У деяких насипах досліджені комплекси з вираженими ознаками вогняного ритуалу. Зокрема, окремі могили супроводжувалися скупченнями попелу, особливо — навколо та в горщиках.

Форма могил звична — проста яма, лише в двох випадках поховальна споруда мала і заплічки. У принаймні 6-ти випадках простежені сліди легкого дерев'яного перекриття.

Єдина позиція для цих поховань — скорчена на боці. Превалює сильна ступінь зігнутості ніг у тазостегновому та колінному суглобах, з підведенням колін до ліктів рук. Слабка чи помірна скороченість ніг, покладення з розворотом на спину, схрещення рук на тубі представлені одиничними випадками. Видові варіації простежуються лише у виборі покладення на той чи інший бік. Жодних статево-вікових диференціацій за цією ознакою не простежено. Для підкурганних поховальних комплексів цього часу дуже рідкісні жіночі могили (лише 2 з 25 чітко визначених за статтю). Звісно, це відображає не реальну картину статевого складу населення, а лише традиції статево-вікової виокремленості чоловіків та дітей: певно, більшість жіночих поховань вміщувалися до безкурганних могильників.

У просторовому орієнтуванні небіжчиків абсолютно превалює північно-східний напрям (16 з 32 чітко визначених); 7 — на схід, лише 2 на північ, ще 7 рівномірно в проміжних між ними положеннях. Превалювання північно-східного сектору не можна розглядати як сезонне відхилення. Причина такої особливості криється, як здається, в етнічній основі формування зрубного населення цього регіону (на основі дніпро-прутської бабинської культури (за Р. О. Литвиненком), для якого теж характерне проміжне (на південний схід) просторове орієнтування).

Супровідний інвентар представлений бідно, але часто: більш ніж у 2/3 випадках поховання супроводжувалися глиняним ліпним посудом. Таку своєрідну «виражену і обмежену» інвентарність можна вважати візитівкою цієї групи пам'яток. Помітної різниці наявності/відсутності посуду за статево-віковою озна-

кою не фіксується. Два горщики в похованні зрубної культури трапилися лише одного разу, у випадку, коли один з них виконував роль урни для кремації. Посуд з поховань зрубного часу доволі однотипний: горщики банкових форм закритого типу, рідше — відкритого (чаші, «стакани»), рідкісними є чаші з підгострореберними пропорціями.

Інший різновид супровідного інвентарю надзвичайно бідний. Лише одного разу поховання супроводжувала жертвна їжа, двічі виявлено астрагали, одного разу — уламки залізного виробу.

Таким чином, на лівобережжі Нижнього Псла поховання зрубної культури представлені досить масовими рядовими підкурганними похованнями розвинутого етапу існування спільноти. Лише одного разу було виявлено ґрунтовий безкурганний комплекс на периферії селища. Хоча, як здається, саме останній обряд захоронення був основним у середовищі осілого населення доби пізнього бронзового віку в часи існування тут доволі численних поселень зрубної культури. Принаймні, тільки таким чином можна пояснити низьку відносну загальну кількість поховань у порівнянні з кількістю та площами поселень, а також малу кількість жіночих захоронень.

На окресленій території майже немає поховань з вираженими ознаками високого соціального статусу небіжчиків: усі охарактеризовані комплекси представлені, переважно, рядовими захороненнями зі стандартними обрядовими рисами. Єдиним з комплексів, що може претендувати на наявність рис високого соціального статусу є основне поховання доби пізньої бронзи Компанійцівського могильника.

Хронологічно комплекси зрубного часу регіону розподіляються доволі складно. Старожитності раннього етапу розвитку зрубної спільноти доволі рідкісні в регіоні та представлені лише двома комплексами, що приурочені до корінних терас річок. Переважна ж більшість інших як поховальних, так і поселенських пам'яток носить яскраві риси розвинутого та пізнього етапу існування зрубної спільноти. На Правобережжі Псла та Псільсько-Сульському межиріччі відомо лише 3 поховання, діагностованих як зрубні: за поховальним обрядом вони цілком відповідають лівобережжю.

Поховальні комплекси зрубного часу лівобережжя засвідчують факт масштабного освоєння цієї низинної ділянки Нижнього Псла в добу пізньої бронзи переважно землеробським осілим населенням. Помітна етнічна неоднорідність населення та доволі низька соціальна диференціація. Майже усі курганні старожитності низинної ділянки лівобережжя представлені похованнями розвинутого етапу існування зрубних племен, тоді як поодинокі ранньозрубні пам'ятки відомі лише на високих корінних терасах Псла та Сухого Кобелячка.

И. А. Шутелева, Н. Б. Щербаков (Уфа)

**КАЗБУРУНОВСКИЙ I КУРГАННЫЙ МОГИЛЬНИК:
САКРАЛЬНЫЙ КОМПЛЕКС СРУБНО-АЛАКУЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ
БАШКИРСКОГО ПРИУРАЛЬЯ (первоначальные результаты исследования)¹**

Казбуруновские I курганы, вместе с кустом памятников Казбуруновские II курганы, Казбуруновские III курганы, Усмановское I поселение были открыты в 1969 г. отрядом А. Х. Пшеничниока (1970) в рамках программы «Археологическая карта Южного Урала». На Казбуруновских I курганах была выявлена курганная группа из шести курганов, из которой в 1969 г. был раскопан один курган № 14 В. С. Стоколосом (1970). В 1969 г. этим же отрядом А. Х. Пшеничниока (1970) были открыты два II Казбуруновских кургана, один курган был исследован, было обнаружено погребение, сопровождающееся сосудом, относящееся к срубной культуре. Также в этом же 1969 г. на открытом III Казбуруновском могильнике было выявлено 16 земляных насыпей, из которых в 1970 г. было раскопано два кургана, где было обнаружено абашевское и срубное захоронение.

Курганный могильник Казбуруновские I курганы занимает всю господствующую над поймой р. Уршак высоту, протяженность площадки с юго-запада на северо-восток составляет 980 м, с запада на юго-восток — 850 м. Казбуруновские I курганы расположены на возвышенности (высота мыса от подошвы 5,0–8,0 м) и расположены на площадке площадью 0,7 кв. км. На сегодняшний день это второй крупный курганый могильник в Башкирском Приуралье после Старо-Ябалаклинского могильника. Курганы образуют четыре скопления: юго-западное скопление включает в себя девять курганов; северо-западное скопление включает в себя также девять курганов; центральное скопление представлено тремя насыпями, образующими треугольник; юго-восточное скопление представлено шестью насыпями, скопление пересекается

шоссейной дорогой Усманово (Казбурун) — Турумбет.

Исследованный курган № 16 находился в северо-западной части могильника. Диаметр насыпи кургана по линии север-юг 9,0 м, по линии запад-восток — 10,0 м, высота кургана — 0,20–0,23 м. Насыпь была земляной и имела округлую в плане форму, поверхность ее задержана. В центральной части кургана, на глубине 0,35 м было зафиксировано северо-западное «изголовье» каменного ящика, который наклонно углублялся в материковую поверхность. При зачистке всего каменного ящика было выявлено, что стенки не являются границами могильного пятна, а располагаются практически по его центру. Погребенный располагался скорченно на левом боку, по линии север-юг. В северо-восточной части погребения, перед головой погребенного, был обнаружен развал алакульского орнаментированного сосуда.

В юго-западном секторе кургана также было обнаружено могильное пятно размерами 1,15 × 0,96 м, на глубине 0,55 м. На дне могилы были обнаружены фрагменты костей черепа и четыре фрагмента ребер ребенка в возрасте 7,5–9,5 лет.

В настоящий момент в могильнике нами выявлено 33 кургана, из которых 5 раскопаны ранее (остались задержанные кольца отвалов), разрушены 6 курганов. Рассматривая материалы могильника и сравнивая их с материалами одновременных поселений, расположенных как рядом с могильником, так и в 12 км. южнее, представляется возможным сделать вывод о родственности населения, оставившего описываемые памятники. Судя по погребальному инвентарю и обряду, захоронение кургана 16 относится к алакульской культуре и датируется XV–XVI в. до н. э.

¹ Материалы подготовлены при финансовой поддержке РГНФ, проект № 12-11-02007 а/У.

РАННИЙ ЖЕЛЕЗНЫЙ ВЕК

Л. И. Бабенко (Харьков)

О СОДЕРЖИМОМ АМФОРЫ НА ПЕКТОРАЛИ ИЗ ТОЛСТОЙ МОГИЛЫ

Пектораль из Толстой Могилы, не имеющая равных среди скифских древностей по объему мифологической информации, является объектом самого пристального интереса исследователей, изучающих как семантику ее композиции в целом, так и отдельных сюжетов и образов.

Не остался без внимания и факт употребления в одной из сцен «доения овец» в качестве одного из сосудов амфоры: был определен производственный центр (ранний тип гераклейских амфор), что дало дополнительный материал для датировки изготовления пекторали и погребения в целом; выдвинуто предположение о возможности вторичного употребления амфор в быту скифов, что требовало большей осторожности при использовании даты амфорной тары в качестве позднейшей в комплексе и др.

Между тем, собственно дойки в амфору не происходит — сцена истолкована так условно, по аналогии с парной ей на другой стороне пекторали. Сомнительность пригодности амфоры для употребления в качестве сосуда для дойки послужила основанием для предположения об ее использовании в этой сцене в качестве тары, «в которую, очевидно, слито надоенное молоко», действие же юноши трактовано как закрывание горловины амфоры травяным пучком, либо очистка амфоры. Выдвинуто также предположение о возможном сбивании слитого в амфору молока.

Совершенно по-иному — как «вынимание затычки», «откупоривание амфоры» — истолковал динамику движения руки юноши В. Ю. Михайлин. Сцена трактована исследователем как этап приготовления амриты путем смешивания сока сомы с молоком, и в этом контексте, вероятно, В. Ю. Михайлин полагал возможность использования амфоры для хранения очищенного через сито из овечьей шерсти сока сомы/хаомы.

Между тем, широкий номинативный перечень сакральных напитков у скифов расширяет их выбор и для предполагаемого содержимого амфоры. Не следует пренебрегать и наиболее очевидным вариантом, предполагающим нахождение в этом сосуде

первичного продукта — вина. В этом случае разность сосудов может быть тождественна разности напитков и в контексте традиционного противопоставления правое-левое (которое для пекторали может быть решено двояко — как для ее носителя, так и зрителей) воплощать различное состояние при опьянении сомой («блаженство, просветление») и алкоголем («гнев, неразумие»). Хотя вызываемые сомой радостное состояние, эйфория, чувство приобщения к миру богов, а при неумеренном потреблении — наступающая болтливость и сон близки по сути и последствиям употребления вина, масштабы которого в Северном Причерноморье в скифское время были впечатляющие, что прекрасно задокументировано археологическими источниками. Возможно, что именно у европейских скифов в IV в. до н. э. в качестве своеобразного суррогата сомы в ритуальной практике вследствие легкой доступности начинает использоваться виноградное вино (по меньшей мере, в погребальных и поминальных ритуалах (а также в обряде побратимства) оно получило широчайшее применение), что нашло отражение и в сцене на пекторали. Подмена могла произойти и вследствие отсутствия в северопричерноморских степях нужного для приготовления сомы растения. Замена традиционного вида «сомы» некоторыми другими растениями — травами, злаками, кустарниками широко практиковалась.

В качестве сакрального напитка могло использоваться и кислое молоко. Употребление кисломолочных напитков предполагается в погребальной практике скифов. Интересно, что чаша кислого молока подносилась персидскому царю во время коронации (Плутарх, Сравнительные жизнеописания, Артаксеркс, III). Поэтому можно допустить, что в амфоре могли содержать также и закваску для приготовления кисломолочного напитка. У тувинов такая закваска могла храниться с осени и использовалась для приготовления первого весеннего хойтпака, а по общепризнанному мнению сцены пекторали изображают именно весенний новогодний праздник скифов.

Л. И. Бабенко (Харьков), С. Б. Вальчак (Москва)

ЕЩЕ РАЗ ОБ АТРИБУЦИИ ЧЕРНОГОРОВСКИХ УДИЛ: 20 ЛЕТ СПУСТЯ

Ровно 20 лет тому назад, на конференции, посвященной 90-летию XII археологического съезда, один из авторов настоящей работы выступил с докладом, посвященным атрибуции беспаспортных удил из ХИМа, в которых были опознаны удила из эпонимного памятника — кургана у хут. Черногоровка, исследованного В. А. Городцовым в 1901 г., а обнаруженная ранее не замеченная орнаментация на звеньях в виде двух рядов выпуклых прямоугольников позволила сопоставить и синхронизировать уздечный набор и весь черногоровский комплекс с целым рядом других предскифских комплексов юга Восточной Европы, предложить и уточнить их относительную и абсолютную хронологию.

Однако изложенные выводы нашли поддержку не у всех коллег. Отдельной критике была подвергнута черногоровская атрибуция удил, по мнению оппонентов, малодокументированная и основанная на догадках и предположениях.

Исследования последних лет, посвященные истории археологических коллекций Харькова и обнаружение интересного документа — «Инвентарной описи культурно-исторических ценностей и материалов Украинского Исторического Музея в Харькове, разграбленных и уничтоженных немецко-фашистскими захватчиками в период временной оккупации 1941–43 гг.», составленной И. Ф. Левицким и С. А. Семеновым-Зусером, позволили восстановить «цепочку» перемещения предметов черногоровского комплекса до их попадания в коллекцию ХИМа, опираясь уже на документированные источники.

После выставки, посвященной XII Археологическому съезду, черногоровский комплекс поступает на хранение в Музей изящных искусств и древностей Харьковского Императорского университета (с начала 20-х гг. XX в. — Археологический музей, директор А. С. Федоровский). В начале войны, в числе прочих коллекций, предметы комплекса не удалось эвакуировать из города. В 1942 г. археологические коллекции Украинского государственного исторического музея и Археологического музея университета были перемещены в здание педагогического института (Сумская, 33) и использованы при создании в оккупированном Харькове археологической выставки (комната

№ 6, тема «Греция и скифы»). В ночь с 14 на 15 февраля 1943 г. выставка сгорела, ее пожарище было разобрано в 1943–45 гг. И. Ф. Левицким, а предметы переданы на хранение в Харьковский исторический музей (по записям инвентарной книги, составленной в 1952 г., из сожженной выставки в музей поступило 7 бронзовых удил), где удила оставались неопознанными до начала 90-х гг. XX в.

Полную тождественность удил — черногоровских и хранящихся в музее — наглядно демонстрирует и сравнение их фотографий, сделанных в идентичных ракурсах и масштабах. Помимо уже отмеченного затека в щель литейной формы на одном из стержней удил полностью совпадает форма не удаленных литников на подножках стремян, рельефный бортик на подножке «стремени», едва заметное утолщение посередине правого звена удил, форма перехода от стержня в дужку стремечек и другие мелкие детали. Достичь подобного совпадения у двух разных предметов при их литье по утрачиваемой модели, любой другой литейной форме, просто не представляется возможным. Наконец, более внимательное рассмотрение фотографии удил в публикации В. А. Городцова позволяет совершенно отчетливо увидеть на их звеньях тот же рельефный орнамент в виде двух рядов выпуклых прямоугольников. Поэтому, даже в случае неприятия оппонентами выводов об атрибуции удил из ХИМа, игнорирование столь очевидной особенности их морфологии при построении хронологических концепций предскифского периода, можно объяснить лишь самообманом, вызванным стремлением исключить не вписывающиеся в те или иные построения очевидные и непроверяемые факты.

Таким образом, уже вторично (через двадцать лет), но с использованием более широкой и разносторонней доказательной базы, на основании всех имеющихся данных и проведенных исследований, можно констатировать безусловную принадлежность некогда беспаспортных бронзовых удил, хранящихся в фондах Харьковского исторического музея, как принадлежащих эпонимному комплексу из погребения 3 кургана 1 у хутора Черногоровка, который был раскопан Василием Алексеевичем Городцовым в 1901 г.

Ю. Н. Бойко (Винница)

КУЛЬТ ДИОНИСА В СЕВЕРНОМ ПРИЧЕРНОМОРЬЕ И НА ЕГО СКИФСКОЙ ПЕРИФЕРИИ

Дионис — один из древнейших эллинских богов. При этом, чтимый по всей Элладе, он не был признан олимпийским. Вместе с Аполлоном его считали «приходящим». Оба встретились в Дельфах, но лишь один из них стал владыкой святилища, другой — его хозяином на три зимних месяца. Триножник Пифии — это жертвенник Диониса в загробном мире.

Только в Афинах Диониса встречали и провожали каждый год, последовательно справляя четыре праздника во главе с Большими Дионисиями. В других общинах и святилищах он сохранил свою древнюю триэтеричность, двойственность исчезновения и явления, через два года на третий. Начало нового цикла, переход Диониса из мира живых в мир мертвых,

сопровождалось мистериальными вакханалиями. Участие в таинствах мужчин становится заметным лишь с распространением орфизма. Оба бога имели множество эпиклез, для Диониса, например, их известно не менее 50. Нам интересны лишь два имени, пережившие не только культ, но и религию Диониса.

Дионис Вакхий (Бахус) — имя явное, другое — Загрей (Охотник, Ловец живых существ), тайное, которым звали посвященные настоящего бога. Дионис-Загрей в крито-микенские времена ловил животных для принесения в жертву через растерзание. Согласно мифу, он сам растерзанная жертва, воскресенная из сохранившейся части тела. Атрибутами и воплощениями Вакха были фаллос, плюц, особая головная повязка, тирс, виноградная лоза, вино, канфар для питья и возлияний богу, театральная маска, кошачий хищник (лев, пантера, барс). В греческом искусстве Диониса-Вакха изображали бородатым мужчиной с канфаром в правой руке. Загрей мыслился иначе. Его важнейшая эпифания — бык (реже черный козел), атрибуты — бычья (козлиная) шкура с головой и рогами, высокие охотничьи сапоги. В античной иконографии Загрей всегда молод. Изотерический характер культа Загрея, в отличие от Вакха, определил сравнительную редкость его изображений. Кое-где полагали, что Загрей первым научил людей запрягать быков в плуг. Так, на второй день афинских Анфестерий Дионис-царь с невестой-басилинной направлялся из святилища Леней в Буколей («Бычье стойло»), где совершались таинства священного брака. Участники процессии за свадебной колесницей несли деревянное рало с привязанным ярмом.

Дионисийский культ пришел в Северное Причерноморье вместе с малоазийскими греками. Их боги всегда путешествовали с ними, помогая оставаться эллинами. Всеобщим любимцем был Вакх, хотя с VI в. до н. э., по крайней мере в Ольвии, общины орфиков чтити и Загрея. Греки не занимались миссионерством, а их близким и дальним соседям по Скифии, судя по всему, должно было хватать своих жрецов и богов. Полукровка Скил этого не понял и пал жертвой интриги другого полускифа (Herod. IV, 79–80).

Ю. В. Буйнов (Харьков)

ЭТНОСОЦИАЛЬНАЯ АТРИБУЦИЯ ПОГРЕБЕНИЯ СКИФСКОГО ВРЕМЕНИ В КУРГАНЕ 11 У ПОС. СТАРЫЙ МЕРЧИК В ХАРЬКОВСКОЙ ОБЛАСТИ

Вопрос об этническом и социальном составе населения Лесостепной Скифии всегда был и остается одним из наиболее актуальных и остро дискуссионных в отечественной археологической науке. Для его решения привлекаются письменные, археологические и этнографические источники. Вторые из них постоянно пополняются и вносят свои коррективы в видение данной проблемы. В связи с этим, автор доклада делает попытку дать этносоциальную атрибуцию одного из самых значимых погребальных памятников IV в. до н. э., исследованных в 1999 г. совместной экспедицией ИА НАНУ (рук. А. В. Бандуровский) и Харьковского национального университета имени В. Н. Каразина (рук. Ю. В. Буйнов) у пос. Старый Мер-

Легкий оттенок «дионисизма» можно распознать в греческом граффити на раннем «варварском» сосуде с Немировского городища. Здесь впервые в Восточной Европе зримо столкнулись два близких, но уже слишком разных способа знаковой инкультурации — эллины пишут на чужом, делая его своим.

По разным причинам некоторые сообщества греков время от времени вынуждены были селиться в инокультурной среде далеко от морских побережий. В Скифии такими невольными изгоями, по сообщению Геродота, стали некоторые из «гелонов», в его время уже обитавшие в глубинах Левобережной лесостепи в городе Гелоне: «...там есть святилища эллинских богов со статуями, алтарями и храмовыми зданиями из дерева, сооруженными по эллинскому образцу. Каждые три года будины справляют празднество в честь Диониса и приходят в вакхическое исступление. Жители Гелона издревле были эллинами. После изгнания из торговых поселений они осели среди будинов. Говорят они частично на эллинском языке, частично на скифском» (Herod. IV, 108). Б. А. Шрамко неоднократно обращался к дионисийским мотивам археологических источников с Бельского городища. После публикации им перстня с уникальным изображением Диониса Загрея в подобию царя-жреца, приносящего жертву самому себе, отпали последние сомнения в наличии эллино-гелонов, по крайней мере, среди обитателей Восточного укрепления Бельского городища. Мне тоже пришлось несколько раз по разным поводам касаться этой темы. К написанному ранее хочу добавить, что как-то уж слишком синхронно оформление регулярной городской планировки Ольвии и Восточного Бельска, с его теменосом и деревянным храмом к началу V в. до н. э., появление веком позднее немногочисленных лепных канфаров на укрепленном поселении Глубокая Пристань в низовьях Днепра, Восточном Бельском и Басовском городищах, комплекса Большой Близицы на Таманском полуострове. Ощущается приближение эпохи эллинизма, которая для Скифии в целом так и не наступила.

чик на Харьковщине. Географически он расположен в междуречье Ворсклы и Северского Донца. Ранее краткое описание результатов раскопок этого уникального памятника мы давали дважды, но многие связанные с ним аспекты не были затронуты.

В данном случае основное внимание уделено кургану 11, который по размерам был самым большим, в третьей (из четырех) группе этого могильника, состоящего из 11 насыпей, вытянувшихся по линии Запад-Восток и ограниченных по краям майданообразными сооружениями. Его насыпь имела высоту 2,4 м при диаметре 32 м, под которой исследовано одиночное погребальное сооружение в виде девятистолбового деревянного склепа, стенки которого были облицованы

горизонтально уложенными досками. Этот склеп размещался в яме прямоугольной формы, размерами $3,8 \times 3,0 \times 1,6$ м, ориентированной по линии СВ-ЮЗ. С Восточной стороны к ней вел вход в виде дромоса. Между стенами грунтовой ямы и склепа зафиксирован промежуток до 0,2 м, который был заполнен частью материкового глиняного выброса. Подобные погребальные конструкции неоднократно встречались в бассейне Ворсклы и особенно часто на Среднем Дону.

Захоронение в значительной степени было ограблено еще в древности. Никаких остатков скелета в склепе не найдено. Судя по погребальному инвентарю, это было парное погребение — мужское и женское. С мужским можно связать следующие находки: акинак с рукоятью, обтянутой тонким золотым листом с изображениями грифонов, пантеры и оленя; железные наконечники дротиков и копья; два колчаных набора стрел; бронзовые поножи; серебряный с позолотой кубок, у которого центральный фриз украшен изображениями трех бычьих голов (букраниев); деталь от двуручной серебряной чаши с позолотой; оселок с окон-

чанием, обложенным золотой обоймой и серебряной подвеской для ношения на поясе, а также часть нагайки с золотой оплеткой. Женский инвентарь состоял из леканы, заполненной хрустальными и стеклянными полихромными бусинами, гончарного лекифообразного сосуда, бронзового зеркала с железной ручкой, золотых нашивных бляшек с изображением Владычицы зверей с пантерами, золотых бляшек полусферической формы и железного крюка для подвешивания котла.

Данный перечень инвентаря характерен для погребений в степных курганах скифской знати всех уровней. Таким образом, имеются все основания связать этот памятник с захоронением местного племенного вождя, наделенного жреческими функциями и его женой (наложницей?). В этническом плане, данный вопрос пока трудно разрешаемый. Этот курган мог принадлежать меланхленам, гелоно-буддинам или потомкам скифов, вернувшимся из переднеазиатских походов и поселившимся в Восточнорусской Лесостепи в начале VI в. до н. э. Последнее предположение более предпочтительно.

Н. Н. Головченко (Барнаул)

К ВОПРОСУ О ТИПОЛОГИИ НАПЛЕЧНОЙ ОДЕЖДЫ НОСИТЕЛЕЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ КУЛЬТУР СКИФО-САКСКОГО МИРА

Начало систематическому изучению наплечной одежды носителей археологических культур скифо-сакского мира было положено около ста лет назад трудами М. И. Ростовцева и П. К. Степанова. В последующие годы изучение этой тематики было успешно продолжено такими исследователями, как Л. С. Ключко, Т. В. Мирошина, К. А. Акишев, Л. Л. Баркова, В. И. Молодин, Н. В. Полосьмак и С. А. Яценко. Однако, несмотря на столь пристальное внимание специалистов к означенной проблематике, общепринятой терминологии и типологии наплечной одежды номадов на сегодняшний день так и не создано, что в немалой степени препятствует эффективному использованию огромного источниковедческого потенциала этого компонента материальной культуры кочевых племен Северного Причерноморья эпохи раннего железного века.

Источниковедческая база нашего исследования представлена находками фрагментов наплечной одежды в курганных комплексах скифского времени: Причерноморья (Чертомлык и Келермес), Казахстана (Иссык), Алтая (Локоть-4а, Катанда, Ак-Алаха и Пазырык), Тувы (Аржан, Аржан-2), Синьцзяна (Субэйси,

Загунлук и Янхай); а также ее изображениями на скифских изваяниях, персепольских барельефах и афинских вазах.

Мы предлагаем следующую типологию наплечной одежды носителей археологических культур скифо-сакского мира. Категория — комплекс вещей одного назначения, в данном случае, — вся наплечная одежда. Категория делится на две группы: распашную (с разрезом спереди) и не распашную (без соответствующего разреза). Каждая группа по способу устройства ворота делится на два отдела: со стойкой и без таковой. Отделы по длине рукавов подразделяются на три типа: с длинными рукавами, короткими рукавами и без таковых. Каждый тип наплечной одежды по способу оформления ее нижнего края в свою очередь подразделяется на виды: с подолом, без последнего и с фалдой. Всего выделено 13 видов, остальные таксономические ячейки остаются пока не заполненными.

Предложенная типологическая схема по нашему мнению позволит точнее определить половозрастную и региональную характеристику одежды носителей археологических культур скифо-сакского мира.

Д. С. Гречко (Киев)

К ВОПРОСУ ОБ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКАХ КИММЕРИЙЦЕВ VII в. до н. э.

Выяснение соотношения археологической культуры и этноса является одной из актуальных задач археологии. Среди проблем археологии раннего железного века важное место занимает выделение памятников исторических

киммерийцев. В последнее время в дискуссии об определении археологической культуры киммерийцев произошли существенные изменения, которые позволяют по иному подойти к решению ряда дискуссионных вопросов.

Долгое время, согласно данным античной письменной традиции, с киммерийцами соотносили только предскифские памятники юга Восточной Европы. В связи с этим, этническая атрибуция погребений середины VII — начала VI вв. до н. э. Прикубанья и Предкавказья у исследователей, начиная с М. И. Ростовцева, не вызывала особых споров. Попытки соотнесения Келермесских и других курганов с меотами были в свое время подвергнуты обоснованной критике, после чего стали достоянием историографии.

Ситуация изменилась после признания значительной частью исследователей того, что киммерийцы были носителями раннескифской материальной культуры келермесского типа. Первыми комплексами РСК VII в. до н. э., которые специалисты идентифицировали как киммерийские, стали малоазийские погребения в Норшунтепе и Имирлере. А. И. Иванчик предположил, что часть захоронений в каменных склепах центрального Предкавказья по аналогии с Норшунтепе могут принадлежать представителям данного племени.

Другие исследователи подошли к переосмыслению данной проблемы. А. Ю. Алексеев справедливо пишет, что трофеи из Келермесских курганов могли быть получены в результате военных акций лишь киммерийцами, поскольку в это время в Малой Азии, в частности в Ионии, действовали лишь они¹. Ионийская золотая пластина была также найдена в Мельгуновском кургане. В целом, этнокультурная близость по-

гребенных в элитных курганах второй половины VII в. до н. э. к северу от Кавказа не вызывает сомнений.

Неясными являются причины того, что скифы, властвуя в Передней Азии в середине — второй половине VII в. до н. э., начинают именно в период апогея своего могущества покидать столь благодатный регион. Скорее можно было бы предположить обратное.

Более логично видеть в «беженцах» из Малой Азии в середине VII в. до н. э. киммерийцев после смерти Дугдамми (Лигдамиса), после чего они прекращают упоминаться в переднеазиатских источниках.

На сегодня ничего не противоречит соотношению большинства погребений², содержащих инвентарь келермесского типа второй половины VII — начала VI вв. до н. э. к северу от Кавказа (выделено мной — Д. Г.) с киммерийцами клинописных источников, хотя и недостаточно фактов, которые бы с уверенностью подтверждали данное предположение. Проблема соотношения предскифских памятников с историческими киммерийцами требует отдельного рассмотрения.

Развивая данную гипотезу, можно предположить, что основная масса скифов в Северном Причерноморье появляется после «кровавого пира» Киаксара, начиная со второй четверти VI в. до н. э. Они принесут в регион материальную культуру уже среднескифского типа. Подобная реконструкция в целом не противоречит на сегодня ни письменным, ни археологическим источникам. Киммерийцы остаются предшественниками скифов в Европе.

А. Ф. Гуцал, В. А. Гуцал (Кам'янець-Подільський), О. Д. Могилов (Київ)

КУРГАНИ СКИФСЬКОГО ЧАСУ

БІЛЯ СІЛ СПАСІВКА ТА ІВАНКІВЦІ НА ЗАХІДНОМУ ПОДІЛЛІ

Крайне західне положення серед скіфоїдних старожитностей півдня Східної Європи займають пам'ятки, що об'єднуються дослідниками в Західноподільську групу. Їх вивчення почалось ще у останній чверті XIX ст. і пов'язане з іменами А. Кіркора, Г. Осовського, Ф. Пуласького, інших вчених. У міжвоєнний період тут активно працює Т. Сулімирський, а після війни — радянські археологи А. І. Мелюкова, Г. І. Смирнова, Б. О. Тимошук, О. Д. Ганіна. У останні десятиліття активні роботи з розкопок курганів на цій території розгорнула експедиція Кам'янець-Подільського університету, що дослідила могильники в Тарасівці, Шутнівцях, Чабанівці, Теклівці, Малинівцях, Колодівці. З 2007 р. роботи ведуться на курганах біля сіл Спасівка та Іванківці Городоцького району Хмельницької області на лівобережжі р. Збруч — лівого притоку Дністра.

Одна курганна група з принаймні 8 насипів розташована за 1 км південніше с. Спасівка на підвищеному пасмі, що тягнеться із північного заходу на

південний схід паралельно лівому берегу р. Шандрова, яка через кілька кілометрів впадає у р. Збруч. Інша (Іванковецька) група з 2-х курганів розміщена лівіше автотраси Сатанів-Чемирівці, за 4,4 км південно-східніше Спасівської групи.

Загалом за 2007–2011 рр. розкопано 9 курганів скіфської доби. Більшість з них пограбована, а насипи — часто знівельовані сільськогосподарськими роботами. Висота насипів від ледь помітних до 4,5 м. Вони, традиційно для Західноподільської групи, складені з каменя. В основі більшості з них було побудовано кільце з великих брил, яке покривалось дрібнішим камінням. Унікальними є насипи 8 та 9. Тут навколо дерев'яних стовпових гробниць було побудовано круглий кам'яний вал, присипаний потім ґрунтом. При цьому, в кургані 8 цей ґрунт зверху додатково викладений шаром каменя. Вірогідно, таким чином будівельники намагались зменшити обсяг каменя для побудови, водночас зберігши вигляд суцільного кам'яного панциря.

¹ При этом, А. Ю. Алексеев не видит альтернативы соотнесения келермесских курганов ни с кем, кроме как со скифами, и считает, что последние получили эти трофеи от киммерийцев, хотя и не исключает, что в числе разнородных групп кочевников, которые переместились во второй половине VII в. до н. э. к северу от Кавказа, могла быть и часть киммерийцев.

² Безусловно, нельзя исключать присутствия групп скифов, меотов и других среди всей массы захоронений.

Могильні ями — як заглиблені в ґрунт, так і на рівні давнього горизонту. Часто гробниці було побудовано з дерева. У ряді випадків від них збереглися стовпові ями. Нерідко, при здійсненні поховання ці гробниці спалювались, внаслідок чого утворилися потужні шари перепаленого ґрунту, а камені іноді перепалено до стану вапна. Підлоги могил часом викладались кам'яними плитами. В обряді поховання переважали тілоспалення на стороні. При цьому кістки висипались на дно могили або склалися в урну. Але відомий й скорчений кістяк зі слідами дії вогню. У кургані 8 зафіксовано 2 супроводжуючих головного небіжчика поховання-тілоспалення.

Інвентар могил, через неодноразові пограбування є досить бідним. Частою знахідкою є кераміка: банкові горщики з валиком із втисненням під вінцями, різноманітні корчаги, миски з відігнутими чи ввігнутими вінцями, черпаки тощо. З озброєння виявлені бронзові наконечники стріл келермеських типів: дволопатеві чи трьохлопатеві з листовидною чи гостролистою голівками. Іноді на їх втулках присутні шипи. Від горигу збереглися кістяні «стовпчики» і «цвяшки» та застібка. Захистний обладунок представлений за-

лізними панцерними лусками. Спорядження коня репрезентовано фрагментом залізних стременоподібних вудил. З прикрас виявлені бронзові булавки з цвяхоподібною голівкою та грибовидні сережки-завушниці. Часті знахідки намистин: простих циліндричних пастових, чи, зрідка, різнокольорових глазчатих. Унікальними є кістяні предмети туалету: піксидка з геометричним орнаментом, рогове блюдо та ложечки, ручка однієї з яких була оздоблена в звіриному стилі.

На окрему увагу заслуговує курган 9. Висотою до 4,5 м, він є найвищим з досліджених на сьогодні курганів Західноподільської групи. Насип діаметром до 60 м був оточений ровом. Під його центром зафіксовано масивну стовпову дерев'яну гробницю, що піддалась дії вогню. Її оточував високий кільцевий кам'яний вал. З південного боку його прорізав вхід до могили, дно якого було викладено колодами. Вся конструкція перекрита зверху земляним насипом. На жаль, поховання неодноразово грабувалось, небагато відліло й від інвентаря. Втім, немає ніякого сумніву, що тут було поховано місцевого «номарха», представника племінної верхівки, що контролювала навколишні території.

С. А. Задников (Харьков)

ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ АНТИЧНОЙ КЕРАМИКИ БЕЛЬСКОГО ГОРОДИЩА

Многолетние исследования Бельского городища позволили накопить огромное количество вещественного материала VIII—IV в. до н. э., в котором особое место занимает греческая керамика. Причем это не отдельные находки, а достаточно представительная коллекция, насчитывающая тысячи образцов второй половины VII — конца IV в. до н. э.

Первым, кто обратил внимание на эту категорию предметов материальной культуры, встреченных при раскопках в 1906 г., был В. А. Городцов. Он попытался атрибутировать обнаруженные фрагменты. Так, обломки амфор, украшенных коричневыми и красными полосами, он соотносил с милетскими амфорами VII в. до н. э., которые были найдены проф. Штерном на о. Березань. Кроме того, среди найденных фрагментов античной посуды он выделил «прохусы, аски, котиллы, фиалы и лампы». Таким образом, он зафиксировал факт их присутствия на поселении и отметил, что подобные находки свидетельствуют о налаженном торговом обмене между античными полисами и лесостепными городищами.

Следующий этап в изучении античного импорта охватывает 50–90-е гг. XX в. В этот период велись масштабные планомерные раскопки на памятнике. В 1958–1959 гг. на Западном укреплении работала совместная экспедиция Б. А. Шрамко и Б. Н. Гракова. Обнаруженная при раскопках 1958 г. античная керамика была определена В. Д. Блаватским и Б. Н. Граковым.

В своей монографии «Племена скіфського часу на Ворсклі» для обобщающей характеристики античных материалов с Бельского городища Г. Т. Ковпаненко использовала результаты определения греческой керами-

ки Н. А. Онайко и И. Б. Зеест из раскопок В. А. Городцова, Б. А. Шрамко, разведок И. И. Ляпушкина, а также своих исследований на селище Царина Могила.

Начиная с 1964 и по 1995 гг. на городище работала экспедиция под руководством Б. А. Шрамко, который основные усилия направил на изучение Восточного укрепления. Кроме того, ученым и его учениками (В. П. Андриенко (1965, 1970, 1971 гг.) и Ю. Н. Бойко (1983, 1984 гг.) проведены разведки на территории памятника, в результате которых были обнаружены новые поселения и курганы. Разведки показали, что античный импорт попадал и на поселения ближайшей округи и на перефирийные селища.

Значительная часть античной керамики, найденной 60–70-е гг. XX в. на городище, была определена И. Б. Зеест и Н. А. Онайко. Н. А. Онайко использовала эти материалы для подготовки свода предметов античного импорта в Приднепровье (1966). Ею также была привлечена большая часть материалов из раскопок и разведок В. А. Городцова, И. И. Ляпушкина, Б. Н. Гракова, Б. А. Шрамко. На основе полученных данных Н. А. Онайко сделала вывод о том, что в Лесостепь поступало большее количество импорта, чем в Степь.

С 1970 г. по 1978 г. определения античного материала Бельска были сделаны И. Б. Брашинским, а 1982–1984 гг. — В. И. Назарчуком, фрагменты, найденные при исследовании вала и рва на Западном укреплении в 1985 г., определены С. Д. Крыжицким. Однако эти результаты не были введены в научный оборот в полном объеме. Краткая информация о них имеется лишь в сводной таблице античной керамики к обобщающей работе Б. А. Шрамко (1987).

Третий этап в изучении античной керамики начался с конца 80-х гг. XX в. и продолжается в настоящее время. В эти годы значительно расширились работы на памятнике. Разными экспедициями из Харькова (Б. А. Шрамко, И. Б. Шрамко, С. А. Задников), Киева (С. А. Скорый, С. В. Махортых, Р. Ролле, В. Ю. Мурзин, Е. В. Черненко, В. П. Белозер) и Полтавы (О. Б. Супруненко, И. Н. Кулатова, П. Я. Гавриш) проведены исследования в разных частях городища. Количество обнаруженной античной керамики значительно увеличилось. Некоторые исследователи самостоятельно атрибутировали обнаруженную при раскопках керамику. Большинство из них дало рисунки найденных фрагментов, однако специальных работ, посвященных изучению греческого керамического импорта, найденного на Бельском городище, до недавнего времени не существовало. В связи с этим необходимо отметить важность работ последних лет на Западном укреплении. При раскопках нескольких зольных насыпей нам удалось обнаружить выразительные образцы ранней

тарной и столовой античной посуды, поступавшей на городище уже в третьей четверти VII в. до н. э. Кроме того, анализ всей греческой керамики, найденной на городище за многие годы исследований, позволил проследить на памятнике несколько хронологических горизонтов, соответствующих четырем основным этапам в истории городища.

Благодаря плановым и охранным раскопкам курганных могильников значительно возросло количество целых форм греческих амфор.

Таким образом, в настоящее время мы располагаем большим количеством античной керамики (несколько тысяч обломков), обнаруженной в разные годы на городище. Однако этот богатый материал слабо опубликован, нет специальной обобщающей работы, посвященной изучению греческого керамического импорта на городище. Обработка огромной коллекции греческой керамики дает возможность приблизиться к решению многих вопросов, связанных с проблемой торговых отношений греческих полисов с глубинными районами Левобережья Днестра.

М. Т. Каууба, М. Ю. Вахтина (Санкт-Петербург)

НЕМИРОВСКОЕ ГОРОДИЩЕ НА ЮЖНОМ БУГЕ — ФОКУС КОНТАКТОВ ВАРВАРСКИХ КУЛЬТУР И РАННЕГРЕЧЕСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

1. Находки раннего железного века из Немировского городища в лесостепи Южного Буга уже при первых попытках их анализа рассматривались как материальные свидетельства контактов между различными народами. Еще А. Спицын в своей статье «Скифы и Гальштатт» (1911) высказал идею, определившую главное направление поисков аналогий для лепной посуды из Немирова, которая являлась материальным свидетельством контактов с населением гальштаттской культуры Средней Европы. В поле зрения ученых, изучающих классические древности на юге России, попала и коллекция раннего греческого импорта.

2. М. И. Артамонов, раскапывающий в середине XX в. городище, находил основной своей задачей выявление особенностей культурно-исторического развития региона в скифский период. И хотя немировские материалы фактически не были введены в научный оборот, был выделен восточноподольский/побужский локальный вариант лесостепной культуры скифского времени. Базовым памятником оставалось Немировское городище. Вырисовались три основных составляющих его материальной культуры: лесостепная культура скифского времени, средневропейский импульс и первые контакты с греками.

3. Дальнейшее изучение в конце XX в. Г. И. Смирновой (варварская часть) и М. Ю. Вахтиной (греческая часть) немировской коллекции позволило уточнить хронологические рамки и особенности имеющихся материалов. Предложенная периодизация: предскифский, раннескифский доколониционный и раннескифский колониционный этапы, — охватывала хронологический промежуток второй половины VIII—VI в. до н. э. В основу схемы развития материальной культуры Немирова было положено несколько компо-

нентов: местный, скифский и греческий. Гальштаттский фактор учитывался лишь как показатель специфики. Было установлено, что гальштаттские влияния в развитии форм и орнаментации лощеной посуды Немирова шли из разных культур. Только некоторые корчаги выводились из Восточногальштаттских культур Средней Европы, но приоритет влияний был отдан культуре Фериджиле-Бырсешть из Южного Прикарпатья. Происхождение черпаков т. н. немировского типа, для которых отсутствуют местные формы, оставалось загадочным. Сформулированная гипотеза об уникальности Немировского городища означала отсутствие синхронных памятников со сходными характеристиками. Соответственно, Немиров не вписывался в общую канву культурно-исторического развития Северного Причерноморья в раннескифский период.

4. Современные знания о гальштаттских культурах дают возможность по-новому оценивать культурно-историческое развитие лесостепных областей Северного Причерноморья в заключительный период эпохи бронзы и начале раннего железного века (XII—VII/VI вв. до н. э.). Выяснилось, что гальштатт в Северном Причерноморье оказался разным: здесь присутствуют как носители гальштаттских культур, ведущих свое происхождение из Карпато-Подунавья, так и группа выходцев из культур Восточногальштаттского круга Средней Европы. Это пришлое население в контактах и связях было в большей степени сориентировано на области своего прежнего пребывания: на Карпатский бассейн, Подунавье, восточные Балканы, а через эти территории и дальше — до Средиземноморья, приальпийских областей и Средней Европы. Такие представления позволяют по-иному рассматривать составляющие материальной культуры Немирова в раннем

железном веке. Зафиксировано пять компонентов: местный (доскифский/позднечернолесский и скифоидный), раннескифский (пришлый раннекочевнический), гальштаттский карпато-дунайского происхождения (культуры Басарабь и Бырсешть-Фериджиле), гальштаттский из Средней Европы (культуры Восточ-

ногальштаттского круга) и греческий (архаическая расписная керамика). Таким образом, в раннескифский период Немировское городище действительно предстает как крупный (административно-хозяйственный, идеологический?) центр — пункт постоянного местопребывания некой влиятельной группы населения.

А. А. Крютченко, К. Ю. Пеляшенко (Харьков)

ЭТАПЫ ФОРТИФИКАЦИОННОГО СТРОИТЕЛЬСТВА НА ЦИРКУНОВСКОМ ГОРОДИЩЕ

Изучение фортификации позволяет разрешить ряд вопросов, связанных не только с техникой возведения укреплений, но и развитием памятника как поселенческой структуры. Традиционно считается, что все укрепления одного отдельно взятого городища скифского времени (включая предградья) сооружались одновременно, а не являлись результатом развития поселения, как следствия увеличения населения или изменения его экономического и политического статуса.

Циркуновское городище относится к группе лесостепных памятников скифского времени бассейна Северского Донца. Расположено на высоком мысу правого коренного берега р. Харьков, защищенного с запада и востока естественными преградами — глубокими ярами.

Раскопки последних лет (2005, 2007–2011 гг.) и детальное рассмотрение материалов исследования оборонительных сооружений Циркуновского городища позволили проследить динамику развития памятника, установить наличие технических отличий в строении укреплений, выделить некоторые инженерные особенности их конструкции.

Полученная информация дает возможность обозначить основные хронологические этапы развития городища, с целью дальнейшего его рассмотрения в общем контексте фортификационного строительства племен Днепровского Лесостепного Левобережья.

Опираясь на данные стратиграфических разрезов и общей планиграфии, выделено два крупных периода в развитии городища, а так же подпериоды, связанные с реконструкцией или усовершенствованием уже существующих укреплений.

Первый период: возведение на памятнике оборонительных сооружений. Небольшая часть мыса была ограждена с севера и юга земляным валом с трапециевидным в разрезе рвом. Восточная и западная части мыса лишь дополнительно защищены эскарпом. Общая жилая площадка «первого городища» составляла 1,1 га. Для сооружения вала часть грунта бралась из рва, часть из внутренней площадки, о чем свидетельствует наличие предвальной выемки, шириной до

3–4 м. Время сооружения первых укреплений определено по золистому заполнению выемки, в которой обнаружены материалы конца VI — начала V вв. до н. э. Более ранних слоев на городище не зафиксировано. Кроме того, в стратиграфических разрезах фиксируются неоднократные следы переноса рвов, и увеличением боевой площадки вследствие досыпки вала.

Второй период: капитальная перестройка городища и увеличение его размеров. Сооружения первого строительного периода были частично сnivelированы: ров, отделяющий южную часть мыса засыпан и на его месте возведен вал, основу которого, большей частью, составил золистый культурный слой предыдущего хронологического этапа. В северной части ров последнего, четвертого подпериода, засыпался грунтом, насыщенным бытовыми остатками конца V—IV вв. до н. э. Площадка городища была увеличена более чем вдвое — до 2,3 га, новые деревоземляные сооружения возведены на 100 м севернее предыдущих и уже имели кольцевую систему.

Помимо основной линии укреплений, с напольной стороны построены дополнительные вал и ров небольших размеров, которые проходили в 40 м от основного вала и на концах соединялись с ним, образуя небольшой двор, в пределах которого отсутствует культурный слой. Южный и северо-восточный входы на городище защищены дополнительной системой валов и рвов. Материалы, выявленные в северной части памятника, датируются в пределах конца V—IV вв. до н. э., что позволяет отнести время второго строительного периода не ранее конца V в. до н. э.

Таким образом, в истории Циркуновского городища прослежены два основных фортификационных периода: начальный представлен возведением первых укреплений, периодической их реконструкцией и усовершенствованием; сооружения второго периода, связанные с необходимостью расширения жилой площадки памятника, и, видимо, усилившейся военной угрозой, что вынудило население воздвигнуть более масштабные фортификационные конструкции.

О. В. Ліфантій (Київ)

СЕМАНТИЧНЕ НАВАНТАЖЕННЯ МІТОК НА НАКОНЕЧНИКАХ СТІЛ СКІФСЬКОГО НАДЧОРНОМОР'Я

Стилістика та семантика декору зброї неодноразово привертала увагу науковців. Але мітки на наконечниках стріл Надчорномор'я майже не досліджувалися.

У розгляді цього питання слід почати з ймовірно походження знаків. В. І. Клочко простежив еволюцію у лінії розвитку втульчастих бронзових наконечників стріл від вістрь андронівської культури через

малоцимбальські до скіфських. Найбільш ранні знаки на вістрях ми знаходимо саме в середовищі цих племен. Крім того, подібну орнаментацию у вигляді паралельних рисочок чи «ялинок» зустрічаємо на предметах передскіфського та скіфського часу: провушинах сокир, рукоятках кинджалів, а також втулках списів та предметах кінської вузди (паралельні лінії, що імітують обмотку). Знаки на наконечниках передскіфського та пізньобронзового часу є в більшості випадків відлитими. Тобто ливарі заздалегідь планували їх форму та місце розташування. Це дає змогу говорити про наявність сталої традиції, яка простежується, вірогідно, з бронзової доби (з синташтинської та андронівської культур). Крім того, стала морфологія відлитої валиків на малоцимбальських наконечниках свідчить про експериментування з формою та бажання вдосконалення знаків.

Відомо декілька думок з приводу символічного навантаження міток: як позначки ливаря — К. Ф. Смірнов, позначки власності — Д. М. Анучін, А. П. Бородовський, соціального статусу власника — М. В. Єльніков, чи його приналежності до певного роду — В. О. Кочеев. А. Ю. Алексеев вважає, що від способу нанесення залежало і смислове навантаження знаків. Тобто, відліті мітки є позначкою майстра. Прокреслені ж позначали власника. На думку Ю. С. Худякова, мітки мали різне значення.

Через невелику питому вагу наконечників стріл з мітками, можна говорити про їх особливу роль. На основі наших спостережень можна припустити, що вістря з мітками притаманні для воїнських поховань. Це може свідчити про те, що їх використовували не в якості амулетів-оберегів, а для підсилювання дії, що більш необхідно на полі бою.

Крім того, як нам вдалося простежити, знаки у вигляді куту на одній з лопатей характерні для поховань

соціальної верхівки. Також виділено деякі знаки, які зустрічаються у одиночних випадках на території Надчорномор'я. Це зображення луку та так звана «пташина лапка», які, ймовірно, теж відрізняються як походженням, так і семантичним навантаженням від поширених на теренах Великої Скіфії.

Подібні знаки зустрічаються на кераміці зрубної спільноти. Наприклад, мітка з наконечників стріл скіфського часу «пташина лапка», нагадує знак, який, на думку В. В. Отроценка трактується як людина зі стрілою. Цікавими є зіставлення знаків на посуді зрубної спільноти з персонажами гіперборейського циклу. З чого вірогідним значенням «пташиної лапки» було зображення стріли Абаріса. Можливо інші знаки також позначають певну легендарну особу. До таких відображень міфів у першу чергу можна віднести досить рідкі у Надчорномор'ї «зображення луку», «пташину лапку» та поширені у царських курганах «кутові» мітки. На користь цього свідчить, по-перше, їх виключність. По-друге, ці мітки не відрізняються від загального масиву і тим, що не тяжіють до втулки. Різниця у розташуванні на наконечнику може безпосередньо свідчити про різницю у семантичному навантаженні, адже зображення міток було досить уніфікованим.

Вірогідно, мітки виконували роль підсилювача дії стріли і водночас позначали її власника. З певною долею вірогідності можна стверджувати, що розповсюджені у Надчорномор'ї у скіфську добу знаки на вістрях походять від звичаю примотування наконечника з черешком до древка стріли. Цей суто технологічний прийом, необхідність в якому відповідає з появою втулки, переходить у традицію. Тобто, знаки не були витвором спонтанної забаганки власника стріли чи ливаря. Це була стала традиція. А традиції певного етносу, як відомо, мають своє обґрунтування і у його міфології.

А. Г. Плешивенко (Запорозж'я)

РАБОТА Б. Н. ГРАКОВА НА БЕЛЬСКОМ ГОРОДИЩЕ

В истории мировой археологической науки почетное место принадлежит выдающемуся ученому — археологу, историку, скифологу, эпиграфисту Б. Н. Гракову. Мысли и идеи, высказанные в его книгах, статьях и заметках, получили продолжение в работах его учеников и последователей. Новые штрихи к портрету ученого добавляет эпистолярное наследие. Переписка с женой — археологом Ольгой Александровной Кривоцовой-Граковой на протяжении более 30 лет раскрывает особенности личности Бориса Николаевича, позволяет рельефно представить историю развития отечественной археологии на разных этапах и по достоинству оценить этого талантливого человека: скромного, смелого, самостоятельного в своих оценках, верного той жизненной позиции, которой, несмотря на все превратности судьбы, никогда не изменял.

Последние несколько писем «дорогой Алюше» датируются 1958 г. В этом и последующем сезоне Б. Н. Граков работал на Бельском городище. В первом письме от 7 августа Борис Николаевич делится впе-

чатлением от увиденного. «Памятник изумительный. Величественные валы со времен Городцова стоят так же, как и в его времена. Ковыль и полынь растут на склонах. Место, действительно очень красивое». И тут же огорчительно работе: «...дело тянется туго, потому что нет рабочих. Шрамко копает со своими. Я копаю со своими студентами и одним рабочим». Из следующего письма Ольге Александровне узнаем, что «дела потихонечку налаживаются. Есть уже четверо рабочих... Ходим купаться не на Ворсклу: она на другой стороне большого городища. Купаемся на пруду или вернее в большом пруду естественном, который образуется речкой Сухой Грунью, протекающей под западным валом, близко от которого находится зольник, нами начатый». Свое суждение о зольниках на скифских городищах, как местах, связанных с культом домашнего очага и предков, Б. Н. Граков изложил в книге «Скифы», которую сам успел подготовить к печати. Борис Николаевич называл эту работу научно-популярным очерком. Таковым она является

по способу и стилю изложения. По содержанию же это научное исследование, в котором ученый представил свое видение основных проблем науки о скифах и окружающих их племенах, используя при этом весь известный к тому времени большой археологический материал.

В письме, написанном 12 августа, Б. Н. Граков упоминает о работе над учебником. «Я пишу понемногу свой учебник: то утром на квартире, то днем в палатке у харьковцев». «Учебником» он называл книгу «Железный век: Культуры Западной и Юго-Восточной Европы». В основу ее был положен курс лекций, которые он читал студентам более 30 лет, постоянно углубляя разработку отдельных тем и дополняя новыми разделами. Основная часть (более 1000 стр.) была написана Борисом Николаевичем. Завершили работу над книгой его ученицы — И. В. Яценко

и Н. Г. Елагина, которые провели необходимую редакционную правку текста и учли новые материалы, опубликованные после смерти Б. Н. Гракова.

В письмах любимой спутнице-соратнице Ольге Александровне он рассказывает о гостеприимстве харьковских археологов, которые, пока не был устроен быт, кормили москвичей, а так же отмечает их трудолюбие и дорожелательность. «Харьковцы очень приветливы и мне вполне приемлемы. Они проще наших, сами копают. К этому их приучила нужда: Харьковский университет не имеет нештатной зарплаты. Наши, пока не было рабочих, копали сами не хуже харьковских, но как только появился десяток рабочих, переключились на наблюдение, хотя их для этого и многовато».

Научная жизнь Б. Н. Гракова и других ученых, ушедших из жизни, в том числе и Б. А. Шрамко, продолжается.

Ю. Б. Полидович (Донецк)

ЗООМОРФНО ОФОРМЛЕННЫЕ ПСАЛИИ ПРЕДСКИФСКОГО ВРЕМЕНИ

Декоративное оформление конской узды доскифского времени связано, прежде всего, с использованием геометрических композиций. Одновременно в предскифское время появилась новая тенденция в декоре псалиев, связанная с зооморфизмом.

Наиболее ранними зооморфно оформленными являются псалии, выполненные в виде фигурок лошадей или дополненные лошадиными головками или копытами. Прежде всего, это 2 пары бронзовых псалиев с тремя поперечными муфтами из комплекса в *Штильфриде* в Нижней Австрии. Псалии данного типа известны как в Центральной Европе, так и в Восточной Европе. Серия псалиев в виде полнофигурных скульптурок коней (тип *Scrveteri*) происходит из центральной и северной Италии. По совокупности признаков, их сопоставляют с «луристанскими бронзами» и также соотносят с горизонтом киммерийских древностей.

Цельнолитой уздечный комплект с трехплетельчатыми псалиями, завершающимися конскими головками, найден на *Верхнекобанском могильнике* на Кавказе. По мнению исследователей, данный уздечный комплект близок по ряду черт к закавказско-иранской традиции. Однако отмечаемые в качестве аналогий закавказско-иранские изделия иные по системе крепления удила и псалиев, их окончания имеют вид львиных головок.

Иной вариант жесткокреплённой узды с псалиями представлен находками из *гробницы 3 Алтынтепе* в Турции рубежа VIII—VII вв. до н. э., где найдены удила, цельнолитые с псалиями с окончаниями в виде протом коней и быков. Они по конструкции представляют собой определенный синтез урартских и закавказско-иранских традиций. Уздечные комплекты с жесткокреплёнными удилами и псалиями, оба конца которых оформлены в виде копыт, найдены в Приаралье в *кургане 26 могильника Уйгарак* и в *кургане 55 могильника Южный Тагискен*.

В определенной степени луристанским изделиям близки псалии, найденные в *погребении 16 могильника*

Трели-II в г. Тбилиси и датируемые рубежом IX—VIII или началом VIII вв. до н. э. С данного комплекса происходит 5 комплектов узды с напускными псалиями, в верхней части украшенные головкой лошади.

Пара трехплетельчатых псалиев в виде полнофигурного изображения лошадей найдена в *погребении 90 Псекупского могильника* на Северном Кавказе. Данные псалии также напоминают луристанские изделия. На территории Луристана в начале I тыс. до н. э. бытовало несколько типов напускных зооморфно оформленных псалиев, в том числе в виде целой фигурки лошади. Однако, псекупские псалии подобны луристанским только в общих чертах, поскольку они воспроизводят иной стилистический образ и имеют иную систему крепления с удилами.

В *погребении 14 могильника Клин Яр-III* (Северный Кавказ) найдены уникальные бронзовые трехплетельчатые псалии, загнутый конец которых воспроизведен в виде головки и шеи лошади.

Кроме того серия предскифских трехплетельчатых псалиев имеет оригинальное исполнение лопасти, напоминающей изображение копыта.

Все рассмотренные псалии предскифского времени, оформленные с использованием мотива лошади, являются уникальными и не имеют прямых аналогий ни в Закавказье, ни в Луристане. На наш взгляд, их появление можно считать зарождением местной традиции зооморфного оформления псалиев, которое следует рассматривать в общем русле зарождения евразийского зооморфного искусства, тесно связанного с новой обрядностью и новым образом жизни. Бытование псалиев с изображением лошади по времени соотносится со становлением традиции сопогребения коня, с оформлением мифологических взглядов о коне как главном перевозчике умершего в мир мертвых.

Вместе с тем, в предскифское время одновременно с псалиями, декорированными изображениями коней, появляются и псалии, концы которых оформлены

в виде голов хищников (гробница 37 кобанского Адайдонского мог-ка), хищной птицы (погр. 39 протомеотского Кубанского мог-ка), барана (погр. 5 мог-ка Чишхо, Прикубанье). Эти предметы, по всей види-

мости, должны были придать посмертному коню свойства, не характерные его природе, превратить его из обычного земного коня в некое мифологическое существо, способное преодолеть путь в мир мертвых.

Ю. Д. Разуваев (Воронеж)

СЕМИЛУКСКОЕ ГОРОДИЩЕ В СИСТЕМЕ СКИФОИДНЫХ ПАМЯТНИКОВ ЛЕСОСТЕПНОГО ПОДОНЬЯ¹

Городища и неукрепленные поселения скифской эпохи в лесостепной части бассейна Дона целенаправленно изучаются более полувека. К настоящему времени уже известно свыше 350 такого рода памятников, из которых более 30 изучались раскопками. Определена общая датировка скифоидных поселков в рамках VI–III вв. до н. э., накоплена информация о материальной и, отчасти, духовной культуре их обитателей. Однако остается практически неразработанной относительная хронология бытовых памятников, далеки от разрешения вопросы их этнокультурной и исторической интерпретации.

В плане разработки обозначенных проблем особое место среди памятников региона принадлежит городищу в г. Семилуки, исследовавшемуся в 1984–1993 гг. экспедицией Воронежского университета, а в 2012 г. —

экспедицией Воронежского педуниверситета. Можно считать установленным, что функционирование городища было прервано довольно внезапно, судя по найденным фрагментам античной посуды, на рубеже IV–III вв. до н. э. Это определило специфику керамической коллекции, не имеющей аналогов в регионе по числу археологически целых сосудов, многообразию вещевых находок.

На территории городища открыты массовые захоронения его обитателей: в площади пяти построек и в девяти хозяйственных ямах были обнаружены останки около 70 человек (целые и разрозненные костяки), преимущественно детей и подростков. Погребения были соотнесены с концом скифской эпохи априори, но полученные сейчас радиоуглеродные даты подкрепляют такой вывод (табл.).

Таблица

Результаты радиоуглеродного датирования постраниальных останков с Семилукского городища

Лаб. № ИГАН	Описание и местонахождение образца	Материал	Радиоуглеродный возраст (BP — лет назад)	Интервал калиброванного возраста на σ : Cal BC — лет до н. э., Cal AD — год н. э. [начало: конец] вероятность
3778	Семилукское городище, погребение 12, центр	коллаген	2150 ± 110	[358 BC:278 BC] 0,299583 [258 BC:241 BC] 0,05592 [236 BC:87 BC] 0,564244 [78 BC:55 BC] 0,080253
3779	Семилукское городище, погребение 13, яма III	коллаген	2110 ± 100	[352 BC:295 BC] 0,18416 [229 BC:220 BC] 0,023265 [211 BC:36 BC] 0,731025 [31 BC:20 BC] 0,028994 [12 BC:1 BC] 0,032556

Интерпретация могильника дискуссионна: проявление это неординарной погребальной традиции или следствие вооруженного столкновения. Семилукские находки стали доказательным аргументом для сторонников концепции военного разгрома Скифии. На других поселениях региона таких погребальных комплексов до сих пор не найдено, что заставляет рассматривать могильник как неординарное явление, к оценке которого следует отнестись предельно взвешенно. Недавно открытые грунтовый могильник у с.Ксизово, детское захоронение на городище у с.Каменка, а также давно известные ритуальные комплексы на Кировском городище и поселении-3 у с.Подгорное свидетельствуют о большом разнообразии погребальной и культовой практики местного оседлого населения.

Причина гибели Семилукского городища пока неясна. Решение проблемы упирается в датировку фортификационных сооружений, работа по которой еще предстоит. Остатки сгоревших деревянных конструкций выявлены при раскопках внешних, возможно, более ранних вала и рва, в настоящее время практически незаметных на местности. Таких явственных следов возможного военного разгрома нет на внутренних фортификациях, которые, впрочем, перестраивались в древнерусскую эпоху. Определение даты разрушения оборонительных сооружений городища имеет существенное значение для оценки исторической ситуации, сложившейся в регионе в конце скифской эпохи. Тем более что, судя по имеющимся пока данным, на других донских городищах в насыпях валов и в заполнении рвов следов разрушительных пожаров этого времени нет.

¹ Работа подготовлена при финансовой поддержке РГНФ по проекту № 12-11-366001e(p).

МУЗИКА ТА МУЗИЧНІ ІНСТРУМЕНТИ РАННІХ НОМАДІВ

З усіх видів художньої творчості номадів раннього залізного віку музика залишається найменш вивченою, оскільки нарративні джерела не акцентували увагу на цьому аспекті побуту номадів, а археологія має мінімум артефактів.

Музика та музичні інструменти скіфів згадуються в **нарративних джерелах** лише побічно. Дві стислі замітки лишив *Плутарх*. З епізоду про царя Атеє випливає, що скіфи не визнавали грецької музики, не любили і не користувалися їх музичними інструментами. Цей же автор звернув увагу і на оригінальний звичай скіфів пощипувати тятиву лука під час бенкету. Таким способом з надр притупленої задоволеннями свідомості воїни закликали мужність. Отже, бойовий лук правив номадам за перший примітивний щипковий інструмент.

Юлій Полідевк залишив інформацію про музичні інструменти скіфів — винайдений ними *п'ятиструнний інструмент та інструменти типу флейти*.

Археологічні знахідки музичних інструментів у пам'ятках скіфського часу в степах Євразії вкрай рідкісні. Вони дозволяють говорити про наявність декількох груп інструментів.

Ударні інструменти представлені двома варіантами.

1. *Тамбурини* (тип інструментів з мембраною) невеликих розмірів виявлені в трьох курганах — Пазирик II, III, V. Призначалися вони для ритмічного супроводу жіночого танцю і співу.

2. *Музичні дзеркала* (тип інструментів із самозвучним корпусом) знайдені у II Пазирикському і V Рогозіхінському курганах (Алтай), у VIII Мечетсайському кургані (Урал), в могильнику Локоть-4 Верхнього Приоб'я. У порожнину всередині дзеркала поміщали застигли краплі олова, тому при стрясанні лунали приглушені ритмічні звуки. Ними задавали ритм під час танців або якихось специфічних ритуальних дій.

Струнні інструменти трьох типів.

1. До числа найбільш давніх належить **щипковий** інструмент *типу арфи* з II Башадарського кургану VI ст. до н. е. Цей чотириструнний інструмент скла-

дався з довгого корпусу, вирізаного з цілісного шматка дерева, з декою-мембраною і знімним держателем струн.

2. Ще один струнний інструмент великого розміру з залізними деталями, *схожий на домру*, походить з VIII Мечетсайського кургану IV ст. до н. е.

3. У V ст. до н. е. кочовики вже користувалися **смичковими інструментами** типу знайденого у II Пазирикському кургані. Його кузов, обтягнений шкіряною мембраною, мав дерев'яну деку. Дві сухожильні струни натягалися одна над іншою між вертикально закріпленими держателем струн і грифом. Характерні потертості на кузові свідчать про використання смичка.

Наявність щипкових інструментів у скіфів, що мешкали в степах сучасної України, підтверджує унікальна **золота пластина** з кургану біля с. Сахнівка (Черкаська обл.). Той факт, що з інструментом зображено чоловіка, свідчить, що музика у скіфів не була привілеєм чи обов'язком жінок.

Духові інструменти у скіфів теж представлені одиничними знахідками.

1. *Пряма флейта* (або сопілка) з полірованої пташиної кістки з одним отвором біля краю знайдена в похованні скіфської амазонки з кургану № 4 біля с. Червоне Нижньогірського району (степовий Крим) начала IV ст. до н. е. Поверхня її прикрашена простим гравірованим малюнком.

2. Уламок *зігнутої флейти* з одним отвором походить з Неаполю Скіфського. Цей предмет нагадує античні флейти-авлоси. Чи замінили з часом такі флейти прості дудки з пташиних кісток або співіснували з ними, залишається не з'ясованим.

Отже, скіфи, поряд з іншими кочовими племенами Євразії раннього залізного віку, займалися музикою. Говорити про якісь переваги або явні уподобання до певного типу інструментів в залежності від статевої приналежності кочовиків поки складно. Проте, можна обережно припустити, що лише жінки користувалися люстрами-брязкальцями, в той час як на струнних та духових інструментах грали і чоловіки, і жінки.

Б. А. Шрамко (Харьков)

ВАЖНЫЕ, НО ЗАБЫТЫЕ ОТКРЫТИЯ

Уже при первых раскопках на Бельском городище Полтавской области были найдены необычные костяные пластинки с притупленными треугольными выемками и круглыми отверстиями для привязывания, которые первоначально были определены как фрагменты костяных гребней. Однако смущало то, что найденные обломки были не вполне выразительными. Но позже, в 1983 г. на Восточном укреплении была обнаружена почти целая костяная пластинка, позволившая уточнить функциональное назначение подобных предметов, видя в них детали оленьей упряжи. Затем при работе в Ленинградском Музее

этнографии народов СССР мы познакомились не только с экспонатами, но и с нынешними оленеводами и показали им находки пластинок с треугольными выемками, найденными на Бельском городище. Все дружно подтвердили, что это детали уздечек оленей и обратили наше внимание на то, что они почти не отличаются от уздечек лосей. Последнее уточнение, а также анализ костных останков животных, обнаруженных в культурном слое городища, среди которых отсутствуют кости северных оленей, но встречаются кости лосей, указывают на то, что мы, скорее всего, имеем дело с деталями не оленьей, а лосиной упряжи.

Известно достаточное количество примеров использования лосиных упряжек. Так, например, в XV в. в шведской армии существовала даже «лосиная кавалерия». Российский академик А. Ф. Миллендорф еще в 1869 г. рекомендовал всеми силами содействовать обращению лося в домашнее животное, но тогда на этот призыв не обратили должного внимания. В 1970 г. в Советском Союзе было проведено Всесоюзное совещание по вопросам развития лосеводства, которое рекомендовало незамедлительно развернуть работы по введению лося в культуру животноводства, особенно выгодного для лесных районов Сибири, ряда районов Севера и Дальнего Востока. Обраца-

лось внимание на то, что лосиное мясо и молоко богато витаминами и может применяться для лечения различных заболеваний. В то же время очень интересные описания лосиных ферм в разных регионах страны появились в центральных изданиях, в газете «Правда» и «Комсомольская правда». Для лесостепных памятников Восточной Европы подобные находки достаточно редки. На Бельском городище зафиксированы наиболее ранние образцы. Сопровождающий материал, особенно античная керамика, позволили говорить о том, что одомашнивание лосей жителями Бельского городища произошло уже в VI в. до н. э.

И. Б. Шрамко (Харьков)

БОЛЬШИЕ ГОРОДИЩА ЛЕСОСТЕПНОЙ СКИФИИ

В последнее время внимание исследователей обращено к проблеме формирования и развития поселенческих структур начала раннего железного века в лесостепном поясе Восточной Европы, среди которых центральное место занимают укрепленные поселения — городища. Самые крупные из них, т.н. «городища-гиганты» возникают во второй половине VII в. до н.э. С их появлением связывают начало нового, последнего этапа раннескифской культуры. Основной причиной возникновения укрепленных поселений в Лесостепи традиционно называют военную угрозу со стороны кочевников, активность которых фиксируется археологически на разных памятниках в различные хронологические периоды.

Во второй половине VII в. до н.э. в Среднем Поднепровье и Побужье возникают крупные городища, выделяющиеся значительными размерами и принципиально отличной от чернолесских системой обороны, усиленной кроме внешнего рва деревянными конструкциями, установленными на вершине насыпного земляного вала. Некоторые городища имеют дополнительные внутренние укрепления. Принято считать, что в ответ на активность скифских племен или в результате этой активности во второй половине VII в. до н.э. в Лесостепи сооружаются укрепленные поселения, среди которых отмечают и Бельское городище в Днепровском лесостепном Левобережье. При этом не учитываются особенности развития памятника, который не имеет никакого отношения к городищам-гигантам раннескифского времени. Исследования последних лет показывают, что в середине VII в. до н.э. Бельское городище представляло собой неукрепленное поселение, занимающее лишь небольшую территорию на одном из мысов правого берега р. Сухая Грунь (бассейн Псла). Сложная система обороны, включавшая мощные дерево-земляные конструкции укреплений в сочетании с эскарпированными склона-

ми возникла около середины VI в. до н.э., когда начал заселяться один из мысов правого берега Ворсклы. К этому времени численность населения значительно увеличилась, появилась возможность и необходимость сооружения двух укреплений, на которых могли проживать различные группы населения. Со временем отдельные укрепления были объединены общим валом протяженностью около 35 км, что свидетельствовало о превращении отдельных укреплений в единую структурную единицу. Развитие Бельского городища на протяжении пяти столетий указывает на постепенное перерастание небольшого поселения, расположенного на перекрестке торговых путей, в крупнейший ранний городской центр лесостепной Скифии — центр союза племен и Ворсклинской региональной системы поселений. При этом необходимо отметить, что создание сложной системы обороны было следствием не военной активности скифов, а роста экономической мощи древнего города, имевшего широкую сеть межплеменных и межкультурных контактов с различными областями Степи и Лесостепи, поддерживавшего на протяжении трех с половиной столетий торговые отношения с греческими колониями Северного Причерноморья. Таким образом, городищем-гигантом Бельское поселение стало во второй половине VI в. до н. э., когда, собственно, и возникло большинство городищ Днепровского лесостепного Левобережья, расположенных вдоль торговых путей. Грандиозные оборонительные сооружения указывали, прежде всего, на статус раннего городского центра, который должен был быть надежно защищен от любой потенциальной опасности, а не только от возможных нападений кочевников. К тому же Бельское городище поступательно развивалось как крупный центр земледельцев и ремесленников со сложной социальной структурой, мощным экономическим потенциалом и древними традициями.

ИСТОРИЯ И АРХЕОЛОГИЯ СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ В АНТИЧНУЮ ЭПОХУ

М. И. Венцова (Донецк)

ПОГРЕБЕНИЯ С УКРАШЕНИЯМИ В НЕКРОПОЛЯХ БОСПОРА

Интерес к материалам некрополей Боспора наблюдается уже более двух столетий. Причина этого заключается в многоаспектности исторической информации, содержащейся в погребальных памятниках, ежегодном пополнении археологических данных, разработке и переосмыслении теоретико-методологических подходов к их анализу. Актуальными остаются вопросы семантики вещественных находок погребений, комплексное рассмотрение разнообразия, количества и качества погребельного инвентаря. Наряду с религиозными воззрениями греков на смерть и посмертное существование, анализ погребений позволяет реконструировать социальную структуру общества и проследить изменения, которые в нем происходили.

Среди всего погребального инвентаря, обнаруженного в некрополях Боспора, можно выделить категории находок, которые были необходимым элементом обряда. Например, разнообразные сосуды могли использоваться в процессе подготовки умершего к захоронению, после чего их ставили в могилу. Также можно выделить находки, которые отражают половозрастные характеристики, имущественный и социальный статус — украшения, орудия труда, оружие, предметы туалета. В рамках данной работы рассматриваются украшения, обнаруженные в грунтовых некрополях Боспора на раннем этапе его истории. Источниковую базу исследования составляют 243 погребения VI — середины V вв. до н. э. (Пантикапей — 110 погребений, Нимфей — 38, Кепы — 27, Гермонассы — 20, Тузлы — 48).

В результате суммарной характеристики установлено, что украшения, представленные разными видами бус/пронизей, подвесок/медальонов, перстней, колец, серег, браслетов, встречаются в 14 (12,7 %) погребениях некрополя Пантикапея, 5 (13,2 %) — Нимфея, 3 (11,1 %) — Кеп, 5 (25,0 %) — Гермонассы, 17 (35,4 %) — Тузлы. При этом в большинстве случаев в погребениях с украшениями рассматриваемых некрополей встречается по одному виду украшений: Пантикапей — 11 (10 %) погребений, Нимфей —

4 (10,5 %) погребения, Кепы — 3 (11,1 %) погребения, Гермонасса — 4 (20 %) погребения, Тузла — 13 (27,1 %) погребений. В основном украшения сделаны из железа, бронзы, меди, драгоценные металлы встречаются редко. В некрополе Пантикапея в двух погребениях обнаружены украшения из золота и в одном погребении украшение из серебра; в некрополе Нимфея три погребения с серебряными изделиями, в некрополе Тузлы одно погребение содержит украшения из золота и серебра, и одно погребение с украшениями из серебра в некрополе Кеп вообще не встречаются изделия из драгоценных металлов.

С целью установления своеобразия рассматриваемых памятников была определена норма распределения — 19,5, а также тенденция признака по каждому некрополю: Пантикапей — 0,7, Нимфей — 0,7, Кепы — 0,6, Гермонасса — 1,3, Тузла — 1,8. Сравнение тенденции признака позволяет отнести погребения с украшениями некрополей Пантикапея, Нимфея, Кеп к локальным, которые характерны лишь для части сравниваемых выборок и свидетельствуют о поливариантности обряда. Погребения с украшениями некрополей Гермонассы и Тузлы относятся к частным признакам, что подчеркивает их своеобразие.

Таким образом, рассмотрение погребений с украшениями некрополей Пантикапея, Нимфея, Кеп, Гермонассы, Тузлы в VI — середине V вв. до н. э. свидетельствует о незначительном использовании данной категории в погребальном обряде. Возможно, не многие жители могли себе позволить украшения и драгоценности. Бусы/пронизы, подвески/медальоны, серьги, браслеты являются типично женскими атрибутами, что вносит ясность в половую принадлежность умерших. Сходство между некрополями Пантикапея, Нимфея, Кеп с низким показателем тенденции признака дают основание предполагать близость погребального обряда, обусловленную социальным, имущественным факторами. Высокие показатели тенденции некрополей Гермонассы и Тузлы отражают их отличие от других памятников.

Д. В. Грибанов (Харьков)

БОСПОРСКОЕ ГОСУДАРСТВО В ЭПОХУ ПРАВЛЕНИЯ ЛЕВКОНА I: ОТ СИММАХИИ К СИМПОЛИТИИ

Эпоху правления Левкона I, без сомнения, можно назвать определяющим этапом в истории формирования Боспорского территориального государства. Причем это связано не только с тем, что в данный период держава Спартокидов достигает почти максимальных исторических пределов, инкорпорируя в свой состав все греческие полисы, расположенные в районе Керченского пролива, и значительную часть синдо-меотских племен, но и с тем, что именно в это время происходила качественная трансформация государственного устройства Боспора.

Эти изменения в государственном устройстве Боспора проявились, в первую очередь, в появлении т. н. «общевоспорского» гражданства, которое фиксируется по спартокидовским проксениям, начиная с эпохи Левкона I. Вопреки распространенному в историографии мнению, институт проксений характерен не только для полисов, но и для более крупных территориальных объединений — т. н. федеративных или союзных государств. Именно с проксениями федеративных государств можно сравнить декреты, которые издавались ранними Спартокидами. Это подтверждается, в том числе, и тем, что формула «на всем Боспоре» спартокидовских проксений буквально совпадает с аналогичными традиционными формулировками в проксениях и других типах официальных документов Аркадского союза, Родоса, Островной лиги, Локридского союза. Следовательно «общевоспорское» гражданство можно сопоставить с федеративной исополитией.

Во-вторых, необходимо отметить и изменения в боспорской монетной чеканке — возможно, еще в конце правления Сатира I на аверсе пантикапейских монет традиционный полисный герб (голова льва) сменяется новым типом — голова сатира. Связь этого монетного типа с Сатиром I, и в частности, с его героизацией, на наш взгляд, не объясняет того, почему данное изображение неизменно просуществовало на пантикапейских монетах около 150 лет, а также в позднейший период появлялось на магистратских клеймах и монетах других боспорских полисов. Как нам пред-

ставляется, объяснить это можно лишь тем, что изображение сатира, возникнув на пантикапейских монетах в качестве «говорящего» типа одноименного правителя, в последующем, а именно при Левконе I, приобрело характер уже не личного, а общегосударственного герба. Появление такого общегосударственного типа изображения на полисной монете также находит прямую аналогию в практике некоторых греческих федеративных государств, в частности Беотии, Ионийского союза (в период антиперсидского востания) и Ликийской лиги.

Процесс формирования Боспорского территориального государства в эпоху Левкона I, вероятно, прошел через две последовательные стадии, что отразилось и в официальной титулатуре боспорского правителя, которая также впервые фиксируется в эпиграфике именно в данный период. На начальном этапе правления Левкона I, до подчинения им Феодосии, происходит трансформация ранее существовавшего боспорского объединения, вероятно, имевшего характер военно-политического союза (симмахии), в территориальное государство федеративного характера (симполития), получившее в официальном титуле наименование «Боспор». На втором этапе правления, после победы в боспоро-гераклейской войне, Левкон I подчиняет своей власти Феодосию, а затем и синдо-меотские племена посредством личной унии. В силу этого Феодосия выделяется в титуле наравне с Боспором, а в отношении синдов и меотов начинает использоваться потестарный термин «царствующий». Эти территории получают правовой статус, отличный от статуса остальных членов федеративного государства, возможно, сравнимый со статусом т. н. «новых земель» в Македонии в эпоху Филиппа II. В целом, к концу правления Левкона I Боспор приобретает характер территориального государства с элементами федеративного устройства и монархической формой правления, что позволяет сопоставлять державу ранних Спартокидов с аналогичными государственными образованиями на севере Балканского полуострова — Македонией, Эпиром, Фессалией.

А. В. Ивченко (Киев)

ПОГРЕБЕНИЕ РИМСКОГО ЛЕГИОНЕРА НА НЕКРОПОЛЕ ОЛЬВИИ

В 2009 г. на раскопе «Северный мыс 1» ольвийского некрополя было обнаружено погребение № 4. Этот участок представляет собой изрезанное неглубокими оврагами плато, начинающееся от правого (западного) борта Заячьей балки. В классическое время здесь располагалось предместье Ольвии, от которого сохранился достаточно мощный кульгурный слой. В нем зафиксировано большое количество хозяйственных ям, а также остатки наземных и углубленных в грунт построек. В эллинистическое и римское время на этом месте функционировал некрополь, погребальные конструкции которого представлены в основном грунтовыми склепами. Отдельные

ямные погребения невыразительны (они безынвентарны и не имеют стандартизированных конструкций могильной ямы, ориентации и положения костяка) и в большинстве случаев не датируются.

Исключением является рассматриваемый комплекс. Это грунтово-трупоположение, совершенное в простой прямоугольной яме размерами примерно 2,0 × 1,70 и глубиной 1,15 м от современной дневной поверхности, ориентированное с северо-востока на юго-запад. Могила была вырыта в слое классического времени и заполнена им же, в связи с чем ее стенки четко не прослеживались.

По контуру могилы на разной высоте от уровня ее дна фиксировались отдельные фрагменты дерева небольших размеров и остатки железных гвоздей, что позволяет предполагать наличие деревянного гробовища. Юго-западная часть ямы прорезала каменный цоколь стены наземной постройки IV в. до н. э., при этом над погребением лежали камни кладки. Камни стены, идущие в несколько вертикальных рядов непрерывной линией, над погребением проседают на 0,25–0,45 м. Здесь общая высота кладки существенно меньше, чем на ее краях. Очевидно, по мере истлевания гробовища в открывавшееся свободное пространство частично сползли непотревоженные до этого фрагменты стены.

На дне ямы вытянуто на спине головой на северо-восток лежал с вытянутыми конечностями скелет мужчины 35–40 лет. Стопы ног сохранились полностью в анатомическом порядке, но лежали на внешних сторонах стоп, разваленных в разные стороны. Вероятно, изначально носки стоп были направлены вверх.

Покойного сопровождали три сосуда. На правой большой берцовой кости находилась вверх дном с наклоном к юго-западу краснолаковая чашечка, у левой стопы на левых берцовых костях на боку лежал небольшой красноглиняный кубок с ручкой. На расстоянии 0,14 м от правой ноги стоял одноручный краснолаковый кувшин. Можно предположить, что изначально миска была поставлена на крышку гробовища, и упала, перевернувшись вверх дном, на костяк после истлевания последнего. Погребение датируется второй половиной II — началом III вв. н. э.

К легионерским данное погребение позволяет отнести находка 74 железных и 7 бронзовых гвоздей недалеко от стоп погребенного. Железные гвозди были сгруппированы в два скопления. Верхнее было ориентировано вдоль оси костяка, нижнее было расположено по отношению к нему под углом 30°. Их длина и ширина 0,2 × 0,08 и 0,175 × 0,09 м соответственно. В каждой из частей гвозди располагались в основном в два параллельных ряда. Железные гвозди, составлявшие основу конструкции (52 штуки), располагались вертикально, остриями вниз и вверх. Железные гвозди, окружавшие конструкцию по периметру, располагались горизонтально, имели длинные тонкие острия и были без шляпок.

Бронзовые гвозди лежали попарно двумя параллельными рядами (между первым и вторым рядами стоял посередине одиночный гвоздь) *in situ*, остриями вниз, вертикально внутри верхнего скопления железных.

Находки таких гвоздей хорошо известны в пределах «римского мира» и традиционно связываются с обувью римских легионеров. Бронзовые гвозди, очевидно, имели декоративный характер.

В 2004 г. в 20 м от данного погребения в переотложенном состоянии было найдено целое каменное надгробие римского легионера. Возраст умершего, указанный в надписи, соответствовал возрасту погребенного. Поблизости от этого надгробия больше не было найдено ни одного погребального объекта, который можно было бы атрибутировать как «легионерский». Так что можно предположить его взаимосвязь с рассматриваемым погребением.

К. М. Колесников (Дніпропетровськ)

ХЕРСОНІТСЬКІ БАЛІСТАРІЇ ТРАКТАТУ КОНСТАНТИНА БАГРЯНОРОДНОГО: ПОХОДЖЕННЯ, КОМПЛЕКТУВАННЯ, ТАКТИКА

Історична достовірність інформації 53-ї гл. трактату «Про управління імперією» (948–952) неодноразово піддавалася ґрунтовним сумнівам через її насиченість легендарними подробицями. Так само вона ж неодноразово визнавалася надійною основою для історичних реконструкцій через своє вірогідне походження з офіційних анналів Херсонеса. Нині гіперкритицизм щодо 53-ї гл. у минулому: основою її повідомлень визнається реальна історична канва. Така позиція підтверджується зокрема двома епіграфічними пам'ятками, в яких згадуються балістарії пізньоантичного Херсону: це напис 370–375 рр. (IOSPE, I², 449), який згадує кількох римських чиновників та військових, серед — командир балістаріїв (*seniorum ballistariorum*), та напис імператора Зинона 488 р., який повідомляє про будівництво міських мурів за рахунок коштів, «саме тих, що збираються з практиону [митниці] тутешнього вікаріату відданих балістаріїв».

Певною проблемою є хронологічні розбіжності нарративу та епіграфіки: події, у яких беруть участь балістарії 53-ї гл., розгорталися на межі III–IV ст., за часів першої і другої тетрархій. Пояснити ці розбіжності можна було б тезою про безперервне перебування підрозділів металіної артилерії в Херсоні з кінця III до кінця V ст., але з цього приводу існують певні

сумніви. Наведені обставини підштовхнули В. М. Зубаря в середині 90-х рр. XX ст. висунути припущення про відсутність римських військ у місті та визнати балістаріїв — іррегулярною міською міліцією. Це припущення було гостро розкритиковане К. Цукерманом. Він оперся на повідомлення «Житій святих єпископів Херсонських» (третья четверть — кінець VI ст.) про формування херсонеського гарнізону IV ст. із 500 солдат, яких імператор відіслав у місто для підтримки християн. Також дослідник скористався даними латинських написів, що повідомляли про перебування у місті на межі III–IV ст. вексиліцій I Італійського та II Геркулієвого легіонів і XI Клавдієвого, I Італійського легіонів та кавалеристів Далматів. К. Цукерман відзначив невідповідність динамічної тактики херсонітських балістаріїв своїм уявленням про реальні можливості озброєних балістами частин.

Для того, щоб додати балістаріям необхідну за сценарієм мобільність, 53-я гл. нібито містить свідому підміну: у ній вояки херсонеського загону озброєні ручними хіроволістрами замість важких баліст. Це було викликано бажанням стародавнього автора штучно збільшити реальну тактичну самостійність та стратегічну самодостатність балістаріїв. Цим також ілюструється теза про самостійність міських керівників

у прийнятті рішення надати Риму послуги своїх балістаріїв. Звитяга останніх принесла перемогу місту та імперії у війнах з боспорськими царями та дунайськими повстанцями, за що вояків переведено на римське утримання, а місто підтвердило свободу та митно-податковий привілей.

Походження міської незалежності та привілеїв від благодіяння святого імператора Константина мало продемонструвати особливий статус середньовічної херсонської громади, спеціально підкреслений інформаторами 53-ї гл. Втім, слід зазначити, що описана в трактаті агресивна і динамічна тактика балістаріїв нічим не суперечить іншим джерелам, що описують дії подібних підрозділів (Cis., Bel. Gal., IV, 25; Agr.

Tac., XLIII; Amm. Marc., XVI, 2, 5–6; Mauric. Strateg. XII B, 18). Походження цього загону, сформованого з місцевих мешканців неримського громадянства, та спосіб його комплектування на основі принципу спадкової служби синів у військових частинах їх батьків — нічим не суперечать поширеній в пізній імперії практиці. Таким чином, можемо дійти висновку, що існує багато спільного в комплектуванні і тактиці херсонітських балістаріїв та підрозділів регулярної армії, проте назва їх частини відсутня в наявних джерелах, також вона не наведена в Нотіції Дігнітатум. Тим не менш, відсутні достатні підстави вважати балістаріїв херсонеською міською міліцією.

В. В. Крапивина (Київ)

О НАХОДКЕ ДВУХ МРАМОРНЫХ СКУЛЬПТУР В ОЛЬВИИ В 2010 ГОДУ

В 2010 г. в юго-восточной части Верхнего города Ольвии (участок Р-25, раскопки В. В. Крапивиной и А. В. Буйских) были найдены две мраморные скульптуры. Это бюст солнечного бога Митры и оббитая с одной стороны, обгоревшая голова, которая принадлежала достаточно большой мужской фигуре. Характер обработки волос сзади и сбоку, а также щеки свидетельствуют о том, что на голову скульптуры был надет шлем, скорее всего, бронзовый. По иконографии, особенно по характерной складке на лбу, статуя, вероятно, изображала Александра Великого.

Особый интерес представляют условия находки этих скульптур. Они найдены вместе на глубине 0,90 м у южного борта хозяйственной ямы. Здесь же выявлен фрагмент мраморной плиты с древнегреческой надписью II—III вв. н. э. По южной и западной стенкам ямы на этой глубине раскрыты лежащие по периметру средние бутовые камни и обломки известняковых плит со следами горения, перекрытые прослойкой светло-серого пепельного грунта. Стенки ямы здесь также имеют следы горения. Горловина ямы — круглая в плане, диаметром 1,05 м. Стенки ямы округлые, максимальные размеры ямы на глубине 1,10 м от ее верха 2,20 × 1,72 м. Высота подбоя по юго-западной стенке — 0,45±0,50 м, ширина — до 0,20 м; длина по периметру — 2,95 м. Глубина ямы — 1,50 м. Дно плоское, размерами: 2,00 × 1,60 м. Толщина лессовой трамбовки дна — 0,30±0,35 м. Грунт заполнения темный желтоглинистый, рыхлый, с большим количеством серозолистых и светлых желтоглинистых включений, угольками. Яма располагалась на краю верхней террасы в юго-восточной части участка Р-25. Она вырезана в светложелтой лессовой трамбовке с редкими серозолистыми линзами, которая укрепляла материковый край верхней террасы. Первоначально, вероятно, сооружалась как погреб, позднее была использована для сброса мусора. Следует отметить находку в заполнении ямы разрозненных человеческих костей (53 шт.), принадлежавших взрослому мужчине. Практически все

кости были обнаружены именно при разборке упомянутой лессовой трамбовки. Возможно, это свидетельствует о том, что грунт для нее был взят с территории некрополя.

Материалы из заполнения ямы датируются преимущественно III в. н. э. Это, прежде всего, археологически целые формы и крупные фрагменты светлоглиняных узкогорлых амфор типа D (по классификации Д. Б. Шелова), которые в Ольвии обычны для комплексов второй трети III — начала IV вв. н. э.

Следует отметить, что в предыдущие годы именно в южной части верхней террасы в ямах были обнаружены фрагменты нескольких мраморных скульптур, а также фрагментированные и целые архитектурные детали из известняка и мрамора. Вероятно, они были сброшены в пришедшие в негодность хозяйственные ямы при очистке этой территории от строительного мусора перед новым массовым строительством. Здесь же были захоронены разбитые мраморные статуи богов и богинь. Скорее всего, это произошло после возвращения ольвиополитов в конце 280 — начале 290-х гг. после второго готского разгрома Ольвии. Именно тогда происходит перепланировка и застройка города.

Интересно, что все фрагменты мраморных скульптур, найденных в ямах, исключают их дальнейшее использование. Это либо лица, разбитые пополам, либо складки одежды. Исключением является практически целый бюст Митры. Обычно даже поврежденная мраморная скульптура, которая еще могла быть использована, ольвиополитами не выбрасывалась. Например, мраморная головка статуэтки Афродиты III—II вв. до н. э. продолжала использоваться в домашнем святилище конца II — первой трети III вв. н. э. В этой связи захоронение бюста Митры может свидетельствовать только об отсутствии среди ольвиополитов почитателей этого божества. Это еще раз подтверждает сделанный ранее вывод о распространении этого культа в Ольвии в конце II — первой половине III вв. н. э. только в среде римских легионеров.

Е. А. Красникова (Белгород)

ОБРАЗ ЧЕЛОВЕКА НА БОСПОРЕ И ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ПРИЕМЫ ЕГО СОЗДАНИЯ

Передача внутреннего состояния человека на Боспоре долгое время ограничивалась определенными схемами, своеобразными штампами. Чтобы выразить свой замысел, передать чувства и настроения героев, боспорские ваятели применяли художественные приемы, допустимые каноном: это, прежде всего, композиционное решение, а также эффектная поза, жест, символика. Особое внимание мы обратили на изображение рук.

Рукопожатие — традиционный жест прощания и, в то же время, знак сохранения не только ритуальной связи живого с умершим, но и памяти о покойном среди живых. Соединение рук символизирует не столько скорбь, сколько связь живого и умершего, осознание неизбежности ухода из жизни и память о покойном. Интересно, что в том случае, когда надгробие поставлено обоим умершим супругам, рукопожатие отсутствует, у мужа руки сложены, и супруги не смотрят друг на друга. Они уже разобщены — только живые помнят и страдают. Одно из надгробий I в. до н. э. показывает воина, облокотившегося на щит, и сидящую рядом в кресле его сестру; сбоку маленькая фигура прислужницы с сосудом. У обоих одна из рук расположена возле лица, они как бы опираются на нее. Такая поза встречается неоднократно и позволяет передать грусть и некую задумчивость изображаемых.

В стилистике изображений на надгробных стелах видны также определенные ритуальные стереотипы. В первую очередь, это сдержанность: в одиночных изображениях на стелах — головы, склоненные в грустной, но спокойной отрешенности от земного мира; женщины изображались иногда с атрибутами своих занятий, порой с зеркалом. Зеркало имело сложную символику: душа умершей как бы уходила через изображение в иной мир. Во всех изображениях преобладающим выражением является не горе и страдание, а скорее нечто вроде религиозной печали и похоронной грусти. Но этими средствами мастера не могли достичь глубины психологической характеристики: лица персонажей остаются бесстрастными, будто застывшими с выражением горделивого спокойствия.

В целом же изображения выглядят величественными, что, очевидно, импонировало заказчикам. Это можно предполагать, учитывая широкую популярность стел с рельефами в боспорских городах.

Среди эпитафий также выделяются те, которые подчеркивают тяжелые переживания оставшихся в живых. Можно сказать, что эпитафии этого времени в известной степени уже стереотипны, во всяком случае, в употреблении риторических оборотов, но характерно, что выражение личного горя стало обязательной частью этого стереотипа. Формула для этого региона общепринята, но само закрепление такого стереотипа отражает сдвиги в восприятии смерти в массовом сознании: люди стали стремиться сохранить воспоминания о родных и близких. Неоднократно говорилось о том, что нельзя доверять хвалебным эпитафиям. Как бы там ни было, но в нашем исследовании мы пытаемся рассмотреть мировоззрение людей, а значит, нас интересует не только реальность того времени, но и бытовавшие в ней представления об идеале. Еще один прием передачи эмоций — маски (в особенности театральные) — своеобразный символ перевоплощения, которое предусматривает изменение не только внешности, но и внутренней сути ее носителя. Использование их в погребальном обряде знаменует переход умершего в новое состояние, в котором смерть является началом нового цикла бытия. Помещение трагической маски в могилу было, вероятно, созвучно основной тенденции погребального обряда — очищению от земных страданий. Комическая маска, наделенная часто смешными и уродливыми чертами, должна была вызывать смех. Смех рассматривался как радостная жертва подземным богам, устанавливающая мир между богом и человеком.

Таким образом, передача внутреннего мира человека осуществлялась мастерами с помощью различных приемов, выделенных нами «идеологических» стереотипов. Дальнейшие контакты эллинов с Боспором позволили последнему более глубоко познакомиться с произведениями греческого искусства и художественного ремесла.

А. П. Медведев (Воронеж)

ВОСТОЧНОЕ ПРЕДМЕСТЬЕ ФАНАГОРИИ

В 2005 г. при раскопках Восточного некрополя Фанагории встречены остатки двух полуземлянок и серия обычных хозяйственных ям, залежавших ниже самых ранних погребений. Все бытовые комплексы обнаружены в восточной части раскопа. При этом небольшая слабо углубленная в материк постройка 1 с глинобитной печью и большой хозяйственной ямой явно была предназначена для проживания. Она имела трапециевидную в плане форму со сторонами разной длины: южной 2,75 м, северной 2,15 м, западной 2,35 м, восточной 1,45 м. В северо-западной части постройки об-

наружена хозяйственная яма 1. В восточной части жилища расчищены остатки глинобитной печи размерами 0,45 × 0,75 м. Любопытно, что после прекращения использования жилища был совершен определенный ритуал. В углублении пола у печи найдена небольшая светлоглиняная кружка, перевернутая вверх дном. Вторая почти такая же кружка обнаружена у северной стенки жилища. Она также стояла вверх дном, но в отличие от первой была заполнена мелкими камешками (аналогичный обряд недавно открыт в окрестностях Фанагории в насыпи кургана раннеэллинистического

времени «Виноградный 7»). Обе кружки принадлежат типу, характерному для IV в. до н. э. На полу жилища встречались фрагменты чернолаковой мисочки и ручка аттического килика конца V в. до н. э., фрагменты амфор Гераклеи и Менды первой половины IV в. до н. э. При этом амфорный материал из ямы 1 (ножка лесбосской красноглиняной амфоры конца VI в. до н. э., ножка хиосской колпачковой амфоры первой четверти V в. до н. э., два венца хиосских пухлогорлых амфор второй четверти V в. до н. э., венец прямогорлой амфоры второй четверти V в. до н. э., венец фасосской амфоры с раздутым горлом второй — третьей четверти V в. до н. э., чернолаковая чаша на поддоне начала IV в. до н. э.) оказался несколько старше материала из заполнения постройки. Яма могла использоваться до ее сооружения. Судя по наличию глинобитной печи, исследованная постройка носила жилой характер.

Постройка 2 обнаружена в 12 м к северу от первой постройки. Она имела квадратную в плане форму со сторонами: южной 3,4 м, западной 3,25 м, северной 3,1 м, восточной 3,55 м. Пол постройки залегал на 0,2 м ниже уровня материка. Вдоль ее восточной стенки расчищены три столбовые ямки. Четвертая небольшая ямка находилась в 0,75 м к северу от южной стенки. На полу в 1 м к западу от восточной стенки лежал плоский белый камень. У северной стенки открыты остатки очага, рядом с ним хозяйственная яма 3. Постройка содержала амфорный материал от третьей четверти V в. до третьей четверти IV в. до н. э. (хиосские позднепухлогорлые, синопские и фасосские с верхними прилепами, Солоха I, Гераклея). По набору фрагментов амфорной тары (Протофасос, Фасос, Хиос пухлогорлый развитого варианта) и чернолаковой посуды керамический комплекс из ямы 3 следует датировать в пределах второй половины V — начала IV в. до н. э. По времени он совпадает с датировкой керамического набора из заполнения постройки 2, что позволяет их синхронизировать.

Вне построек в восточной части раскопа встречены другие хозяйственные ямы. Начало их использования определяют находки венцов хиосских пухлогорлых амфор второй четверти V в. до н. э. Характерное заполнение ям с обильным включением обгорелых раковин мидий и костей животных позволяет предполагать их такое же назначение, что и у большинства обычных хозяйственных ям в раскопе «Верхний город».

Первые погребения на участке, где открыты вышеописанные бытовые комплексы, появляются не

ранее рубежа IV—III вв. до н. э., когда обе постройки были заброшены. Время совершения первых погребений (№ 22 и 23) определяют унгентарии с сильно раздутым туловом, покрытым орнаментом из горизонтальных полос, золотые львиноголовые серьги, а также другие находки. До начала использования этого участка в качестве некрополя здесь располагались какие-то бытовые комплексы классической эпохи, может быть своего рода фанагорийское предместье. Оно находилось рядом с дорогой, ведущей из Фанагории в Кепы примерно в 1,5 км к востоку от города.

Непогребальные объекты встречены на Восточном некрополе и в раскопе 2006–2007 г., расположенном в 120 м к востоку от раскопа 1. В раскопе 2006 г. почти на всей его площади открыт темный предметриковый слой, в котором в основном встречались фрагменты амфорной тары конца VI — третьей четверти V в. до н. э. (хиосские пухлогорлые амфоры вариантов III-B и III-C, фасосская пифоидная патрейской серии с протоклеймом, протофасосская, средиземноморских центров, в т. ч. с венчиком, окрашенным бурым лаком и др.). В северо-восточной части раскопа на границе среднего и нижнего слоев обнаружено сооружение из камней, уложенных в виде двух параллельных рядов, составляющих невысокую стенку. Оно ориентировано по линии юг — север с незначительным отклонением к западу. В заполнении между камнями встречено железное изделие (наконечник стрелы?) и бронзовый гвоздик. Стратиграфическое положение выкладки на границе среднего и нижнего слоев, а также находки вокруг нее фрагментов хиосских пухлогорлых амфор позволяют датировать данный объект V в. до н. э.

Появление весьма представительной и довольно однородной серии крупных фрагментов амфор V в. до н. э. в нижнем слое некрополя пока не находит объяснения. Ни одного погребения классического времени на исследованном участке не встречено. Самые ранние захоронения появляются здесь в эпоху позднего эллинизма. В то же время обращает на себя внимание практически полное отсутствие в этом слое других находок, обычных для культурных отложений поселений. Складывается впечатление, что помимо разбитых амфор в слое V в. до н. э. практически ничего не отлагалось. Установить происхождение этого слоя, возможно, помогут новые исследования.

А. М. Новичихин (Анапа)

О СИНДСКОЙ ТОПОНИМИИ В СЕВЕРО-ЗАПАДНОМ ПРИЧЕРНОМОРЬЕ

Плиний Старший (I в. н. э.) в своей «Естественной истории» помимо города Синдика на Северо-Западном Кавказе, упоминает еще и область с названием «Скифская Синдика», расположенную в низовьях Гипаниса-Южного Буга (NH, IV, 81). Принято считать, что римский ученый спутал две реки с одинаковым названием — Гипанис-Южный Буг и Гипанис-Кубань, и в результате перенес топоним Синдика с Азиатского Босфора в Нижнее Побужье, уточнив при этом, что данная Синдика расположена в Скифии.

В том же регионе помещает синдов Аммиан Марцеллин (V в. н. э.). При описании низовий Борисфена (Днепра) и Тираса (Днестра) он указывает (XXII, 8, 41): «Вдалеке оттуда есть полуостров, который населяют синды, известные только тем, что после несчастий, постигших их господ в Азии, они овладели их женами и имуществом. К их земле прилегает узкая береговая полоса, называемая у местных жителей «Ахиллово ристалище» (Ахиллов Бег), так как здесь некогда упражнялся в беге этот фессалийский герой».

Локализация Ахиллова Бега, упоминаемого также Геродотом (IV, 55, 76), Страбоном (VII, 3, 19), Плинием (NH, IV, 83), Птолемеем (III, 5, 2), Мелой (II, 5), Аррианом (§ 84) и Евстафием (§ 306), считается надежно установленной. Такое название носила в древности Тендровская коса, (или система Тендровской и Джарылгачской кос) — это свидетельствует и из анализа письменных источников и из факта находок на Тендровской косе надписей-посвящений Ахиллу.

Помещение Марцелином синдов вблизи Ахиллова Бега можно также, как и в случае со «Скифской Синдикой» Плиния, объяснить ошибкой, вызванной иногда встречаемой у античных авторов путаницей — отождествлением двух рек, носящих одинаковое название Гипаниса-Кубани, близ которой собственно проживали синды, и Гипаниса-Южного Буга. К данной ошибке римского историка могло привести еще и то, что один из притоков Борисфена носил созвучное столице Боспора название Пантикап. Связь же земли синдов с Ахилловым Бегом, на котором располагалось святилище, посвященное этому популярному у эллинов герою, могла быть обусловлена тем, что неподалеку от исторической Синдики, на севере Таманского полуострова, располагалось известное из Страбона (XI, 2, 6) святилище Ахилла в соименном городе.

Подобное объяснение появления синдской топонимики в Северо-Западном Причерноморье выглядит вполне убедительным, но является не единственным. Общеизвестно, что перемещения более или менее крупных групп населения зачастую приводят к переносу устоявшихся топонимов со старых мест обитания на новые. Одно из подобных перемещений как раз происходило в северопричерноморском регионе

в античное время. Речь идет о язаматах, которые, согласно сообщению Гекатея (fr. 166), в VI в. до н. э. были соседями синдов, обитая в Западном Закубанье. В IV в. до н. э. язаматы, судя по сообщению Псевдо-Скимна (874–885), населяли низовья Танаиса (Дона). Дальнейшая их история, на основании анализа письменных источников, реконструируется исследователями, прежде всего В.Е. Максименко, следующим образом: к I в. до н. э. племя язаматов, или же значительная его часть, под именем языгов перемещается в Северо-Западное Причерноморье, к низовьям Истра, где присутствие данной этнической группы фиксируется в течение последующего времени письменной традицией.

Концентрация курганных сарматских погребений II–I вв. до н. э., которые, по мнению А. В. Симоненко, могут быть связаны с языгами, отмечается «в степях севернее Перекопа», т. е. именно в том районе, где локализуется «Скифская Синдика» Плиния и где помещает синдов Аммиан Марцеллин.

Не исключено, что при переселении язаматы-языги принесли на новую родину, в Северо-Западное Причерноморье, какие-то топонимы, связанные с местом обитания их предков — районом исторической Синдики. В этой связи весьма интересным представляется мнение О. Н. Трубочева, согласно которому современное название Тендровской косы может быть связано с древним этнонимом дандарии — названием меотского племени, обитавшего в низовьях Кубани неподалеку от синдов.

Таким образом, имеются основания предполагать, что авторы римского времени зафиксировали синдские топонимы, перенесенные в Северо-Западное Причерноморье переселившимися сюда языгами — потомками обитавших некогда по соседству с Синдикой язаматов.

О. А. Ручинская (Харьков)

САКРАЛЬНАЯ ЭВЕРГЕТИЯ В АНТИЧНЫХ ГОРОДАХ СЕВЕРНОГО И ЗАПАДНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ В I—III ВВ. Н. Э.

Проблема эвергетизма в античный период истории последнее время приобретает все большее значение в западноевропейской историографии. Во многом это связано с попытками разобраться в структуре элитарных слоев общества, поисками новых подходов к дифференциации гражданских коллективов. Однако в отношении рассматриваемого нами региона эта проблема является одной из самых малоизученных.

В античных городах Северного и Западного Причерноморья явление эвергетики в I—III вв. н. э., судя по эпиграфическим источникам, данным археологии и свидетельствам античных авторов, получает достаточно широкое распространение. В противовес эллинистическому периоду, когда эвергетизм скорее являлся моральной обязанностью богатых граждан, в первые века н. э. он приобретает характер частной благотворительной инициативы. Чаще всего данная благотворительность была связана с культовыми действиями: поддержкой полисных богов, строительством и реконструкцией храмов, жреческой деятельностью, организацией празднеств и агонов, покровительством сакральных союзов (фиасов). Пик сакральной эвергетики приходится на I—II вв. н. э., со второй половины III в. н. э. сложная экономическая ситуация в полисах

Северного и Западного Причерноморья практически прекратила существование данной практики.

Эпиграфические источники свидетельствуют, что именно с первыми веками н. э. связано наибольшее количество имен благодетелей (эвергетов) полисов в Северном и Западном Причерноморье. К их числу относились не только соотечественники, но и иноземцы, которые за свою благотворительную деятельность часто получали права гражданства. Благодеяния эвергетов-иноземцев были не столь значимы, как благодеяния собственных граждан. Однако полисы чествовали их чаще и на практике эвергетизм сограждан на протяжении длительного периода не получал должного почитания. В первые века нашей эры, наряду с другими социально-политическими причинами, это привело к римскому влиянию на общественную жизнь античных городов Северного и Западного Причерноморья. Характерным элементом сакральной эвергетики были разнообразные литургии, которые являлись натуральным налогом, накладываемым государством на элиту северо- и западнопонтийских граждан. Благотворительность в данный период приобрела характер почетного института, связанного с присвоением титулов.

Л. Г. Шенко (Донецк)

ФОРМИРОВАНИЕ БОСПОРСКОЙ АРИСТОКРАТИИ

Изучение эллинской аристократии позволяет выделить ее основные характеристики. Оформление ее как особого слоя восходит к общинно-родовым традициям и связано, выполнением организующих и регулирующих жизнь общины функций.

Эпоха политического господства родовой знати приходится на VII — начало V в. до н. э., но и в последующие века аристократия сохраняет свое значение. Экономической основой ее влияния являлось земледелие, владение или контроль над сельскохозяйственными угодьями. Приоритет в военном деле — другая социально-профессиональная функция аристократии. Важнейшим показателем ее статуса, символизирующим и богатство, был конь.

Особое положение знатных родов и семей подкреплялось их активным участием в религиозной жизни: отправлением высших жреческих должностей и контролем культовых центров.

Средством укрепления влияния аристократии служили внутрополисные связи и внешние контакты. Они поддерживались обычно путем браков и ритуального гостеприимства, часто выходя за пределы греческого мира.

Значительное место в поддержании традиционного престижа аристократии отводилось монополии на важные должности в полисе, участию в авторитетных панэллинских играх, соответствующему образу жизни и демонстрации богатства и роскоши.

Материальное воплощение боспорской аристократии можно увидеть лишь в IV вв. до н. э. Имеющиеся материалы не дают твердых оснований говорить о существовании особого социального слоя знати в ранний период (VI — начало V вв.). Вместе с тем первые правители Боспора, Археанактиды, происходили из традиционной родовой знати.

В условиях периферийного государства, каким был Боспор, возникшего в результате колонизационного движения, при отсутствии знати, крепкой родовыми связями, апеллирующей к традициям, мифологизированному прошлому и заслугам предков, особое значение приобретали индивидуальные качества человека. Динамичное развитие боспорских центров имело результатом усложнение профессиональной структуры, усиление имущественной дифференциации, что вело к выделению зажиточных горожан, ставших частично основой аристократии нового типа.

С. В. Ярцев (Тула)

К ВОПРОСУ О РЕГЛАМЕНТАЦИИ РЕЛИГИОЗНОЙ ЖИЗНИ НАСЕЛЕНИЯ ЧЕРНЯХОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Исходя из значительной доли преемственности с северными верованиями и обрядами, безусловно, что представления о магической защите, неразрывно связанные с этими культурами, были не чужды населению черняховской культуры. Смысл такой магической защиты, как известно, неотделим от понятия «контакт-

Только к IV в. до н. э. аристократия оформляется в самостоятельный, политически значимый, социальный слой. В пользу этого свидетельствуют следующие факты. В IV в. до н. э. значительно увеличиваются размеры сельскохозяйственных угодий и появляются крупные усадьбы. Владельцы усадеб — явно нерядовые земледельцы, основу богатства которых составляли земледелие и хлебная торговля. Археологический контекст демонстрирует широкие торговые связи с Аттикой и малоазийскими центрами.

С другой стороны, в высший слой боспорского общества, очевидно, влились приближенные к правящей династии и проявившие себя на военной службе горожане, чему способствовала активная завоевательная политика ранних Спартокидов. Освоение новых земель и необходимость обеспечения безопасности повышает значение всадника. Это позволяет предложить греческую принадлежность погребений с оружием и конскими захоронениями.

Влияние аристократии поддерживается и идеологической сферой. Известные храмы в городах, святилища, прилегающие к сельским усадьбам, богатые захоронения жриц подкрепляют этот тезис. Упоминания жреческих должностей, отмеченные в надписях, датируются IV—III вв. до н. э. Немногочисленность надписей, использование белого мрамора, явно импортного, подчеркивают неординарность социального положения причастных к ним людей.

Показателем оформления знати как слоя являются богатые курганы IV—II вв. до н. э.

Для греков захоронение в кургане уже являлось значимым. Наиболее сложные погребальные конструкции, сопровождаемые богатым инвентарем, относятся к IV в. до н. э. Самый знаменитый курганный некрополь, расположенный на кряже Юз-Оба, однозначно определен как аристократический.

В дополнение характеристики боспорской аристократии и ее формирования к IV в. следует вспомнить о проксенической деятельности, деятельности Спартокидов и общеизвестные факты династических брачных союзов.

Таким образом, можно заключить, что условия развития боспорского общества предопределили продолжительность процесса формирования и **неоднородность состава** боспорской знати, оформление ее как слоя завершается в IV вв. до н. э.

ная зона». Именно в месте погребения мир живых и мертвых оказывается взаимопроницаемым, ведь если через эту «дверь» умерший покинул этот мир, то через нее он мог и вернуться. При ингумационном же обряде погребения, в понятии людей, умерший вообще не покидал этот мир, а какое-то время оставался

«жить» в своей могиле, обеспечивая посреднические функции с потусторонним миром и матерью-землей. По-видимому, в этом и заключался сакрально-охранительный смысл труположений первых веков нашей эры. Именно в «контактных зонах» сверхъестественные хтонические силы, включая погребенных предков, могли оказать людям ощутимую помощь. В связи с этим, места погребений желательно было размещать в наиболее опасных и уязвимых для нападения местах или же располагать могильники в таких топографических условиях, которые бы соответствовали представлениям о роли последних в сакральной защите поселения. Магическая сила «контактной зоны» и заключалась в наличии такой сакральной границы, между миром живых и миром мертвых.

Идеологическая составляющая действий по введению в Северной Европе каменных кругов на могильниках и других надмогильных сооружений безусловно связана с представлениями о «контактной зоне». Данные каменные конструкции, по-видимому, выполняли функции главных святилищ варварских поселений, где принимались важнейшие решения и обеспечивалась их божественная поддержка. Именно для этого здесь, при помощи ритуальных действий, часто призывали и «пробуждали» умерших (открывающих как всему коллективу, так и отдельным людям, тайны будущего). Поэтому очень странно, что по мере продвижения северных племен на юго-восток и формирования черняховской общности, у них неожиданно резко исчез именно этот, самый яркий признак варварской культуры. Такое загадочное отсутствие курганов с концентрическими кругами и другими надмогильными каменными конструкциями в Белоруссии, Украине и Молдавии остается необъяснимым.

Не исключено, что причина этого феномена скрыта в словах Иордана, который, опираясь на древние предания, сообщил, что в процессе миграции Филимер «...обнаружил среди своего племени несколько женщин-колдуний, которых он сам на родном языке называл галиуруннами» и, сочтя их подозрительными, он решительно «прогнал их далеко от своего войска», обратив в бегство. Похоже, что именно строжайший запрет на неконтролируемую практику призывания мертвых из загробного мира явился причиной загадочного исчезновения каменных кругов из ареала черняховской культуры. Возможно, этим обстоятельством объясняется и довольно малое количество обнаруженных здесь рунических надписей. Судя по всему, запреты пробуждать мертвых, поклоняться курганам (могилам) и сидеть на них (с целью узнать свою судьбу), хорошо известные по скандинавским средневековым судебникам, восходят еще к древним запретам первых веков нашей эры.

Неблагоприятные действия живых на могилах могли привести к непредсказуемым последствиям. В первую очередь, от этих действий могла пострадать божественная защита поселений. Ведь не случайно черняховские могильники располагались всегда рядом с поселениями, но несколько выше их. Скорее всего, это связано с представлениями о предках-покровителях, которые, по убеждениям черняховцев, должны были наблюдать за сородичами и доминировать над расположенными ниже поселениями, обеспечивая их защиту. Может быть, именно благодаря введению регламентации на религиозные культы и стала возможна организация высокоэффективной сакральной защиты поселений, которые поэтому принципиально не имели оборонительных сооружений.

ИСТОРИЯ И КУЛЬТУРА АНТИЧНОГО МИРА

А. Б. Акимов (Харьков)

MISSIO HONESTA И ГРАЖДАНСКАЯ КАРЬЕРА РИМСКИХ ВЕТЕРАНОВ

Ветераны римской армии играли немаловажную роль в провинциальной политике Империи. Эти романизированные, преданные императору люди были надежной опорой принцепса в провинциях, способствовали экономическому развитию периферийных областей Римской державы. В провинциях ветераны нередко входили в состав местной элиты, делая весьма успешную гражданскую карьеру. В связи с этим представляется довольно важным выяснить, какие факторы способствовали благополучному положению и карьерному росту ряда отставных военных.

Вышедший в почетную отставку (*missio honesta*) ветеран получал от государства единовременное вознаграждение в виде денег или земельного участка и целый набор льгот и привилегий. Ветераны освобождались от уплаты земельного налога и ряда повинностей, в том числе повинностей по ремонту дорог, строительству кораблей и т. д. Со времени Александра Севера финансовые льготы ветеранов были урезаны, но продолжали оставаться значительными.

Почетное и привилегированное положение позволяло ветеранам претендовать на успешную карьеру в муниципальных органах власти, однако для этого требовался и довольно высокий уровень доходов. Размер же земельного участка, получаемого ветераном при выходе в отставку, по мнению большинства исследователей, не превышал $1/3$ центурии, т. е. $66 \frac{1}{3}$ югера, что позволяло отставным воинам надеяться, в лучшем случае, на положение среднего землевладельца. Да и размер денежного вознаграждения, выдаваемого при выходе в отставку, был небольшим. Эта сумма была установлена Августом в 20 тысяч сестерциев для преторианцев, и в 12 тысяч для легионеров. При Каракалле размер вознаграждения был увеличен вдвое, но и инфляция к тому времени была весьма значительной. Будущее материальное благополучие ветерана определялось преимущественно тем, какую сумму он сумеет накопить за время службы.

Жалование римских военнослужащих было довольно значительным, особенно у тех, кто сумел до-

стичь определенных командных должностей. За годы службы такие воины вполне могли накопить необходимые средства для будущей гражданской жизни, что в дальнейшем позволяло им претендовать на различные магистратуры в местном самоуправлении.

Примером подобного положения дел может служить римская Дакия, в которой проживало довольно много ветеранов, игравших важную роль в жизни провинции. По данным эпиграфики мы располагаем сведениями о 46 ветеранах, занимавших различные муниципальные и жреческие должности в городах и селах Дакии. Почти половину из отправлявших муниципальные и жреческие должности отставных воинов — 21, составляют ветераны легионов, и лишь 11 — ветераны вспомогательных частей. Объясняется это, вероятно, различным материальным положением легионеров и ауксилиариев в момент ухода со службы и, следовательно, разными «стартовыми возможностями» в гражданской жизни. Примечательно, что на высоких муниципальных должностях в надписях упомянуты исключительно бывшие представители командного состава. Для рядовых легионеров, имевших значительно меньшее жалование, вершиной карьеры, видимо, было вхождение в совет декурионов. Что же касается ветеранов вспомогательных войск, то все известные нам представители этой группы, входившие в состав муниципальной администрации, в период службы были офицерами. Бывшие рядовые солдаты вспомогательных подразделений шансов сделать административную карьеру практически не имели.

Таким образом, предпосылки успешной гражданской карьеры ветерана закладывались именно в момент почетной отставки. Ее основой служили получаемый при отставке набор льгот и привилегий, а также накопленные в период службы средства. Значение получаемого при отставке вознаграждения было, видимо, невелико. О бывших рядовых воинах, сделавших гражданскую карьеру, мы сведений практически не имеем. Именно успешная военная служба была залогом благополучия в гражданской жизни.

О. Г. Бандровський (Львів)

ПОЛІТИКА ОСТАННІХ АНТОНІВ В КАРПАТСЬКОМУ РЕГІОНІ ТА ЇЇ НАСЛІДКИ

Зовнішня політика Римської імперії зазнала серйозних еволюційних змін після Маркоманських війн (166–180 рр.) Розуміючи важливість перенесення кордону в район Карпатських перевалів, Марк Аврелій планував утворити дві римські провінції — Маркоманію (суч. Моравія та Словаччина) та Сарматію (Східна Угорщина та Закарпаття). Коли намісник Дакії Клемент зумів спрямувати вандалів-асдингів на територію племені костобоків, він сподівався на їхню відданість, проте згодом асдинги порушили угоду і пограбували прикордонні райони Дакії. Тоді Марк Аврелій домовився з іншим вандалським племенем лакрінгів для покарання невірних союзників. Саме тоді у Марка Аврелія сформувався думка про те, що кордон карпатськими перевалами буде для Риму безпечнішим. У землях варварів були залишені гарнізони та допоміжні з'єднання. Поступово починає формуватися нова система взаємин Римської імперії і племен Карпатського регіону.

Першим кроком у цій системі стала переселенська політика Марка Аврелія. Племена, які зазнали римської агресії у 172–174 рр., були переселені на територію Риму, або позбавлені своїх земель поблизу його кордонів. Депортації маркоманів в Італію, котинів в Мурсу та Цібалу (Верхня Паннонія) — це поселення заручників. Маркоманські війни призвели до спустошення прикордонних провінцій і проблема заселення спустошених земель привела до цих переселень.

Натомість друга особливість римської політики щодо племен, учасників Маркоманських війн, вимальовується в новій системі договірних відносин. В основу аналізу цієї практики покладено відомості з «Римської історії» Діона Кассія та розробленого на їх основі юридичного коментаря до укладення подібних угод («Excerpta Ustiniana de legationibus gentium»), зробленого на замовлення візантійського імператора Константина Багрянородного у X ст. н. е. Реконструкція мирних договорів з маркоманами, квадами та язигами при цьому виявляє, що мова йде про угоду, яка в кожному випадку містила односторонню стилізовану умову нейтра-

літету та союзнництва та разом з тим мала виразні елементи клієнтської залежності (*foedus iniquum*).

Організація мирного співіснування, спільних ринків збуту, утворення нових міських центрів, які б відіграли провідну роль у розвитку територій, соціальні перетворення — все це вимагало чималих зусиль від центральної влади. Натомість тривалі зовнішні війни та наслідки епідемії виснажили ресурси держави. Потрібна була певна підтримка дій імператора з боку суспільної думки. Марк Аврелій мав цей ресурс задіяним в умовах консолідації суспільства після нападу варварів на початку війни, але на початку правління його сина він вичерпався. Розраховувати на настрої в Римі та лояльність своїх командирів Коммод не міг. Тому, скориставшись порадами досвідчених консултантів свого батька, він почав схилити дунайські народи до почесного миру. До осені 180 р. виснажені військовими діями маркомани, квади, бури, даки та інші противники погодилися підписати мирні угоди.

Потрібно підкреслити, що Коммод не порушив принципів політики батька і реконструкція угод про це свідчить. Логіка Марка Аврелія, який став творцем принципово нової схеми стосунків з германцями, полягала у тому, щоб створити на Середньому Дунаї політично роздроблену систему невеликих клієнтських держав, які згодом можуть стати складовою частиною імперії. Об'єктивні обставини зовнішньої та внутрішньої політики не дали можливості довести цей задум до логічного завершення. Коммоду залишилося формально завершити цей конфлікт і відновити стабільне становище на кордоні.

На зміну політиці військової експансії приходять політика дипломатично-торговельного впливу. Племена ближньої периферії стають об'єктами романізації. Верхівка племінної аристократії активно співпрацювала з римськими намісниками. За відповідну плату окремі племена виконували охоронні функції, поставляли продукти продовольства, рабів та сировину. Серед племен починається набір рекрутів для служби у римській армії. Таким чином, можна говорити і про початок «варваризації» римського війська.

А. Е. Барышников (Калуга)

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ ГОРОДОВ РИМСКОЙ БРИТАНИИ

Появление городских центров стало одним из наиболее важных последствий римского завоевания Британии. Города провинции изучаются более ста лет (если считать с начала работ преподобного Дж. Джойса в Силчестере), и, благодаря труду нескольких поколений исследователей, может быть реконструирована общая история развития и упадка городов римского Альбиона. Мы знаем, что большинство го-

родов появилось в I в. н. э., чему особенно способствовала деятельность наместников эпохи Флавиев; развивались городские центры достаточно медленно и даже в период расцвета — а этим периодом стала вторая половина II в. н. э. — выглядели по меркам империи весьма скромно; в III в. н. э. проявляются первые симптомы кризиса городского хозяйства, а в IV в. н. э. города стремительно беднеют и пустеют,

превращаясь, по образному выражению Р. Риса, в «города-сады». Впрочем, в городской истории Римской Британии сохраняется множество лакун, заполнить которые — задача современных исследователей. Основная помеха ее выполнению заключается в состоянии источниковой базы. Две трети римских городов Британии скрыты под современными населенными пунктами, лишь некоторые из них, такие как современный Силчестер (Каллева Атребатов) и Сент-Олбанс (Веруламий) доступны для масштабного археологического изучения. В иных случаях картина городского развития напоминает головоломку, решение которой может быть смешано появлением неожиданной детали. Кроме того, городская жизнь нашла слабое отражение в эпиграфическом материале — для многих городов сохранились лишь фрагменты нескольких монументальных надписей, десяток клейм и граффито.

Однако даже имеющиеся в распоряжении исследователей источники (корпус которых пусть и медленно, но все же пополняется), позволяют обозначить три, на наш взгляд, важнейших вопроса, внимательное изучение которых «назрело»:

— Вопрос о происхождении городов провинции, их связи с доримским периодом. Распространенные ранее представления о том, что возникновение городов в Британии было следствием активной деятельности римской армии, сейчас не могут быть доказаны. Наоборот, источники указывают на определенную преемственность между бриттскими поселениями, укрепленными пунктами и культовыми местами (е.g. Сент-Олбанс, Колчестер). Каковы были проявления данной преемственности в различных областях остро-

ва, какое влияние она оказала на развитие города, наконец, как влияние местных элементов сочеталось с деятельностью имперской администрации — ответы на эти вопросы позволят понять специфику римско-бриттского урбанизма.

— Вопрос о населении городов. В некоторых случаях исследователи могут по именам назвать всех солдат, составлявших гарнизон небольшого форта в определенный год (е.g. форт Брум в Камбрии); в случае с большинством городов мы не можем назвать имена и десяти жителей. Город, хорошо известный как пространство, практически неизвестен как человеческий коллектив. Необходимо попытаться определить, каким был этнический состав городского населения, какую роль в жизни города играли бритты, а какую — диаспоры. Одним из ключевых понятий в таком анализе может стать «культурная идентичность» (см., например, монографию Д. Мэттингли), результаты исследования помогут реконструировать процессы культурного взаимодействия и романизации провинции, понять, как местное население усвоило имперскую модель жизни.

— Вопрос «упадка» городов. Период IV—V вв. н. э. традиционно оценивается как время угасания городской жизни. Об этом, как кажется, однозначно говорят пришедшие в запустение и превратившиеся в свалки общественные здания. Но в этот же период в городах появляются дома со сложной планировкой и богатым интерьером, подобных которым ранее в черте города не встречалось. «Упадок», как представляется, был трансформацией города, суть которой (равно как и связь с событиями и процессами предыдущего периода жизни городов) предстоит выяснить.

А. П. Беликов (*Ставрополь*)

КТО ОСТАВИЛ СТРАНУ, БУДУТ ЛИШЕНЫ ГРАЖДАНСКИХ ПРАВ (OGIS. I. 338. V. 27–30): К ПРИЧИНАМ МИГРАЦИИ ИЗ ПЕРГАМА В 133 Г. ДО Н. Э.

Декрет народного собрания Пергама содержит любопытный фрагмент: «...кто или оставил ко времени смерти царя или собирается покинуть город или страну, те, и мужчины и женщины, будут лишены гражданских прав, а имущество каждого из них будет передано городу» (OGIS. I. 338. v. 27–30).

Народное собрание состоялось летом 133 г. до н. э. Рим еще не принял пергамское наследство, восстание Аристоника, очевидно, еще не началось. Несомненно, было много тех, кто собирался эмигрировать, что и вызвало столь жесткие меры! Что стало причиной массовой готовности к эмиграции? На наш взгляд — завещание Аттала III. Не касаясь сложнейшей проблемы содержания завещания, отметим следующее. На сегодняшний день существуют три равно возможных варианта.

1. Вся страна передавалась римлянам.

2. Им должны были достаться только собственно царские владения.

3. Рим вообще не фигурировал в завещании в качестве наследника, а назначался опекуном «свободной» страны.

Любой вариант не сулил ничего хорошего жителям Пергама. Безусловно, они это прекрасно понимали. Никакой другой реальной угрозы на тот момент для Пергама не существовало. Единственная опасность — стать римской провинцией или «подопечной территорией», что, в принципе, мало различалось. Видимо, это и стало главной причиной миграции из страны. Ее население не хотело жить под римским владычеством! Декрет и представляет собой попытку остановить эмиграцию и пополнить уже поредевший гражданский коллектив «новыми гражданами» из числа париков и наемных воинов. Главной причиной эмиграции следует признать именно страх перед будущим и нежелание населения жить в римской провинции.

САРАБАЇТИЗМ І ПОШИРЕННЯ МАРГІНАЛІЗОВАНОЇ АСКЕТИЧНОЇ ПРАКТИКИ У СХІДНОМУ ЧЕРНЕЧОМУ СЕРЕДОВИЩІ IV СТ.

Достатньо численні писемні джерела IV–V ст., пов'язані з історією виникнення, становлення і поширення християнського чернецтва на Сході (в територіальних межах Римської імперії), майже не згадують одну з найбільш ранніх форм аскетичної практики — т. зв. сарабаїтизм. Не знайшло свого відображення це маловідоме явище і в тематичній історіографії XIX–XX ст. Як західноєвропейські та американські дослідники, так і російські дореволюційні фахівці й радянські вчені, котрі займалися проблемами Християнської Церкви доби пізньої античності, не висвітлювали і не аналізували у своїх наукових студіях феномен сарабаїтизму та негативне ставлення до нього з боку єпископської влади на місцях, фундаторів легітимізованого інституту чернецтва й Отців Церкви.

Історики раннього християнства так само не вивчали кола питань стосовно причин гоніння саме на ченців-сарабаїтів, організованого офіційною церковною владою, їх осуду тогочасними християнськими письменниками та апологетами, святителями і подвижниками аскези. Отже, виділена проблематика продовжує залишатись актуальною з точки зору дослідницьких перспектив.

На підставі наявних джерел, спроба стислої узагальнюючої характеристики явища сарабаїтизму, що мало місце у східному чернечному середовищі в IV ст., дозволяє констатувати наступні реалії означеного феномену. Сарабаїтизм, як одна з форм і течій в анахоретстві, виник у перші десятиріччя IV ст. на терені пустель Нижнього Єгипту. Крім нього, в IV ст. сформувалась ціла низка чернечих аскетизованих течій (за видами подвижницької діяльності), серед яких поширення зазнали інклузи, гіроваги, акеліти, стовпники, акіматени, веригоносці, ереміти і т.п. Однак лише сарабаїти (друга назва, що фігурує в автентичних джерелах — ремоботи, *Remoboth renuitae*) зазнали переслідувань, викликаних їх специфічним трактуванням декількох стрижневих християнських доктрин, які на сакральному рівні регламентували канон євангельської аскези для неопітків та адептів.

Зокрема, на шляху до метексису сарабаїти відкидали ксенодохію і киновію, духовну зверхність авви або старця-святителя, статутну підпорядкованість настоятелю чернечої обителі, правила життя в аскетерії (спільноті аскетів), настанови монастирських керманічів та єпископів. Не сприймаючи церковної ієрархії й структурної супідрядності кліру, критикуючи владні прерогативи архієреїв, а також проголошуючи в руслі духовно-

світоглядних пріоритетів і морально-етичних орієнтирів повну субсумцію виключно волі, силі та владі Спасителя й Божественному провидінню, резигнацію земних благ і пасивну (асоціальну) контемплятивність, що ґрунтується на добровільному жебрацтві, митарстві, відмові від ручної праці, злиденному мандрівному житті за рахунок милостині й подаяння, сарабаїти від самого початку дистанціювали і, таким чином, свідомо маргіналізували себе в чернечному середовищі Сходу вже за часів правління імператора Константина I Великого (306–337).

В аскетичних трактатах IV–V ст., чернечих статутах IV–VI ст., богословських творах, церковних історіях, словах, напученнях, проповідях святих отців та агіографічній (житійній) літературі IV–V ст. сарабаїтизм засуджується у категоричній формі і забороняється з точки зору ортодоксальної аскетичної практики.

Майже всі відомі проповідники і діячі Церкви пізньоантичної доби, наприклад — Св. Василій Великий, Св. Григорій Назіанзін, Св. Григорій Нисський, Руфін Аквілейський, Св. Антоній Великий, блаж. Аврелій Августин, Іоанн Кассіан Римлянин, Св. Феодорит Кирський, Св. Іоанн Золотоустий, Св. Афанасій Александрійський, Св. Амвросій Медіоланський, Созомен, Св. Пахомій Великий, Св. Макарій Єгипетський, Філосторгій, Св. Кирило Александрійський у своїх опусах, не вдаючись до подробиць теологічно-мотиваційного характеру або правових міркувань (що є достатньо симптоматичною ознакою, яка дозволяє стверджувати про наявність принципового небажання вищого архієрейства полемізувати із сарабаїтами у не вигідній для себе царині обґрунтування принципів розподілу «майна, багатства, прибутків і влади» в соціумі), тою чи іншою мірою торкалися питання деструктивної ролі сарабаїтизму у справі киновіальної консолідації чернечого загалу.

Безапеляційне засудження сарабаїтизму, його ідеалів, традицій, побуту адептів, також фіксують чернечі правила, приписи і статути, узаконюючи цим маргіналізований статус даного явища у східному пустельному анахоретстві. Життя святих тієї епохи так само табуїзують сарабаїтизм як окремий тип лабільного (можливо — альтернативного) подвижництва, зрештою, не залишаючи йому шансів вижити, вдосконалитись і адаптуватись в умовах посилення владної централізації, організаційно-структурної трансформації і догматичної уніфікації, котрі активно реалізовувались Християнською Церквою вже з середини IV ст.

О. Л. Габелко (Москва)

«ТИЛИЙСКОЕ ЦАРСТВО» КЕЛЬТОВ ВО ФРАКИИ: В ПОИСКАХ ФАНТОМА?

Выяснение времени, обстоятельств образования и локализации кельтского царства во Фракии остаются предметами длительной дискуссии, которая не только не ослабевает, но, напротив, приобретает все большую

интенсивность по мере активизации археологических исследований в Болгарии в последние десятилетия. Определенный итог в рассмотрении названных вопросов подвела проведенная в Софии в мае 2010 конференция

«In Search of Celtic Tylis in Thrace (III C. BC)», которая, с одной стороны, наглядно продемонстрировала достигнутый на сегодня уровень археологических, нумизматических, конкретно-исторических и лингвистических исследований в данной области, а с другой — со всей определенностью показала, что говорить о достижении консенсуса пока что не приходится. Тем не менее, имеются достаточно веские основания предложить новые, причем довольно радикальные решения названных проблем.

Относительно того, какой именно группой галатов и когда было организовано «Тилийское царство», в современной науке имеются две более или менее четко сформулированные точки зрения. Одна из них относит данное предприятие на счет тех галатов, кто избежал гибели в ходе похода Бренна на Дельфы осенью 279 г. (здесь и далее — до н. э.); вторая связывает его с кельтами, уцелевшими после разгрома при Лисимахии Антигоном Гонатом (ок. 277 г.). Между тем, детальный анализ принципиально важного сообщения Полибия (IV. 46. 2–3) позволяет с уверенностью отвергнуть обе эти гипотезы и высказать гораздо более обоснованное предположение, что это государство создали галаты, первоначально входившие в состав группы Леоннория и Лутария, которая направлялась в Малую Азию (ср. Zosim. II. 36–37), и произошло это, соответственно, зимой 278/7 г.

Вопрос о локализации государственного образования фракийских кельтов, пожалуй, даже более сложен. Традиционный взгляд основан опять-таки на данных Полибия (рассказ которого очень логичен, лишен видимых неточностей и восходит к местной византийской традиции, прежде всего, произведению историка Деметрия о переходе галатов в Азию). Полибий помещает Тиле — резиденцию первого царя, Комонтория — где-то недалеко от самого Византия. Однако полное отсутствие в юго-восточной Фракии латенских артефактов и монет, чеканенных от имени последнего царя «Тилийского царства», Кавара, находится в резком контрасте с обилием их в более северном районе — примерно между Варной и Тырново с Казанлыком — где большинство болгарских специалистов сейчас и локализует Тиле/Тилис, пытаясь обнаружить этому подтверждение и в письмен-

ных источниках (хотя поздних и гораздо менее надежных, нежели Полибий — Steph. Byz. s.v. Tylis; Prokop. De aedific. IV. 11).

Выход из этого противоречия может быть обнаружен, если акцентировать то признаваемое многими исследователями обстоятельство, что «Тилийское царство» отнюдь не было сложившимся государством, обладавшим в числе прочих атрибутов устойчивой территориальной и экономической структурой, и это допускает возможность его физического перемещения от Византия на север в силу каких-то неясных нам причин. При Комонтории, судя по всему, кельты занимались исключительно грабежами и вымогательствами; если период их пребывания неподалеку от Византия был относительно недолгим, то он мог и не оставить никаких материальных свидетельств. Кавар же проводил более гибкую политику в отношении греческих полисов (как показывает нумизматика), а Византию даже оказывал политические услуги (Polyb. IV. 52. 1; VIII. 22) (что, впрочем, не отменило взимания трибута). При этом текст Полибия допускает возможность того, что постоянное возрастание суммы дани было вызвано именно соблюдением пункта договора, согласно которому галаты не просто не опустошали территорию Византия, но и покинули его окрестности в обмен на регулярные денежные выплаты. Видимо, при Каваре галатское объединение, существенно повысив степень своей внутривластной и экономической организации, перестало быть «Тилийским» в географическом смысле (его центр мог располагаться, например, в районе совр. п. Арковна). Показательно, что Кавар появился у стен Византия далеко не сразу после начала осады города вифинским царем Прусием I в 220 г. (Polyb. IV. 52. 1): очевидно, он находился далеко от театра военных действий.

Разумеется, для проверки этой гипотезы необходимы новые данные (прежде всего, археологические). Пока же, исходя из вышеизложенного, выглядит вполне оправданным считать определение «Тилийское царство» не соответствующим историческим реалиям III в. до н. э. и ввиду этого отказаться от его использования в пользу более нейтрального «Кельтское (Галатское) государственное объединение во Фракии».

А. Л. Зелинский (Киев)

ВОЗМОЖНАЯ ПРИЧИНА ВОЗДАНИЯ БОЖЕСКИХ ПОЧЕСТЕЙ ПТОЛЕМЕЮ СОТЕРУ РОДОСЦАМИ

Если сравнить почести, оказанные родосцами эллинистическим правителям, помогшим островному полису выстоять во время годичной осады, предпринятой Деметрием Полиоркетом в 305/304 г. (здесь и далее, до Р.Х.), бросается в глаза определенное несоответствие между услугами, оказанными родосцам, и ответными знаками признательности, проявленными с их стороны. Как известно, Птолемей, отправивший на Родос несколько небольших военных отрядов и грузов с продовольствием, получил божеские почести, тогда как Кассандр, чьи действия в Аттике непосредственно привели к снятию осады с островной республики, удостоился лишь воздвижения статуи.

По идее, подобные действия родосцев выглядят как пример вопиющей несправедливости по отношению к правителю Македонии. Однако ни современники упомянутых событий, ни представители последующих поколений не обвиняли граждан островного полиса в неблагодарности.

Исходя из этого, можно сделать вывод, что услуги, оказанные Птолемеем Родосу во время осады, существенно превосходили вышеупомянутые весьма скромные благодеяния. На мой взгляд, основная его заслуга по отношению к родосцам заключалась в уступке Кассандру Коринфа в обмен на возобновление правителем Македонии боевых действий в Аттике,

фактически направленных против Антигона Монофталма и его сына Деметрия.

Как следует из свидетельств античных авторов, Птолемей заполучил Коринф в 308 г., после чего удерживал его вплоть до поражения в навахии при кипрском Саламине (306 г.). Когда же город был атакован Деметрием (303 г.), там уже находился гарнизон Кассандра.

Ряд немецких исследователей полагает, что Коринф оказался у Кассандра в результате поражения Птолемея при Саламине. По их мнению, город по инициативе его граждан или даже самого сына Лага перешел под эгиду Кассандра, чтобы не достаться Антигону и Деметрию, чьи позиции в Эгеиде после саламинской навахии значительно усилились. Однако против данного предположения свидетельствуют два немаловажных обстоятельства. Во-первых, вплоть до середины 304 г. в отношении Пелопоннеса не существовало никакой опасности со стороны Монофталма и его сына. Во-вторых, Птолемей сохранил под своим управлением соседний с Коринфом Сикион, который утратил лишь в 303 г.

С моей точки зрения, Коринф был передан Кассандру Птолемеем приблизительно зимой 305/304 г. Следует иметь в виду, что годом ранее правитель Македонии, пользуясь концентрацией основных сил Антигона на борьбе против сына Лага, попытался вернуть себе Аттику. Но, благодаря совместным действиям афинян и этолийцев эта попытка завершилась неудачей даже без вмешательства со стороны Моно-

фталма. Следовательно, для повторной экспансии в Аттику Кассандр нуждался в некоем дополнительном условии, которое могло гарантировать успех предприятия, а возможно — и послужить определенным стимулом для его осуществления. Таким условием как раз и могло стать обретение Коринфа. Заполучив этот город, он не только восстановил бы контроль над стратегически важным Истмийским перешейком, но и обрел бы морскую базу, позволяющую атаковать Афины не только с суши, но и с моря.

В свою очередь, Птолемей, оказавшись перед перспективой морской блокады со стороны Антигона, был жизненно заинтересован в сохранении дружеских связей с Родосом. Данная же связь могла сохраниться лишь в случае успешного противостояния островной республике осаде Деметрия. В сложившейся ситуации сын Лага вполне мог пожертвовать стратегически важным Коринфом, чтобы побудить Кассандра к осуществлению повторной кампании против Афин. Тем самым, Птолемей мог бы рассчитывать на возвращение Деметрия в Грецию и, соответственно, на прекращение осады Родоса. Во всяком случае, дальнейшие события развивались именно по такому сценарию.

С точки зрения родосцев, этот поступок Птолемея, бесспорно, был бы достоин приравнения сына Лага к небожителям, тогда как почести Кассандру, уже получившему награду от самого Птолемея, могли ограничиться банальным воздвижением статуи.

С. С. Казаров (Ростов-на-Дону)

ДОДОНСКИЙ ЗЕВС: НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ КУЛЬТА

Оракул Зевса в Додоне являлся одним из старейших оракулов в Греции. В сохранившихся источниках специфическим эпитетом додонского Зевса является довольно странная на первый взгляд эпитет *Ναῖοι*, которая может объяснить некоторые особенности культа владыки богов и вызывающая одновременно различные мнения среди ученых. Одним из первых на этот эпитет обратил внимание У. Вилламовиц-Меллендорф, который, тем не менее, высказал осторожное суждение о том, что выводы на предмет уяснения его сущности можно будет делать только после соответствующих находок в Додоне. Вполне логичной в этих условиях может являться попытка установления этимологии слова *Ναῖοι*. По мнению французского исследователя Г. Роше, додонский Зевс был покровителем моряков. С другой стороны, трудно себе представить, что оракул, находящийся высоко в горах, в труднодоступном и на относительно далеком от морского побережья месте, был именно морским оракулом. Но с другой стороны, сам оракул был в курсе всех морских эпопей, что косвенно может указывать на справедливость мнения Г. Роше. Еще одним аргументом может служить и тот факт, что богиня Диктинна, почитаемая на Крите и отождествляемая с Артемидой, будучи богиней горных вершин, также одновременно являлась и покровительницей моряков. На «водный» характер эпитета косвенно может указывать также и необычный характер местности: это болотистая долина, с многочисленными родниками,

частыми и проливными ливнями, сопровождаемыми громом и молнией. Молния Зевса вызывала дождь, который орошал долину и одновременно питал священный дуб. К тому же протекавшая в этой местности река Ахелос была весьма почитаема в Додоне.

Нельзя не обратить внимание на другое предположение, которое высказывается рядом исследователей (Д. М. Никол): сама Додона была наядой, океанидой, т. е. морским божеством и одновременно возлюбленной Зевса, что также косвенно указывало на связь владыки богов с водой.

В научной литературе существует еще одна трактовка зевсовой эпитеты *Ναῖοι* — «тот, который живет в храме». Она происходит от перевода слова *ναός* как храм, в то время как *ναίω* — глагол со значением «обитать» — нередко используется Гомером. Но здесь можно заметить, что в других местах Зевс также обитал в храме, что делает данную версию весьма уязвимой. Скорее всего, в этом слове нужно видеть дорическую форму *νηός*, которая означала ионическую форму «корабль».

Косвенно на водный характер додонского культа указывает и то, что его служители — селлы — были выходцами из болот, окружавших храм, а вода была присущим им священным атрибутом.

Некоторые исследователи указали еще на один фактор, также по возможности, указывающий на «водный» характер додонского Зевса — на связь дуба с кораблестроением, (и косвенно — с морем), ибо

дубовая древесина зачастую шла на сооружение морских судов.

Нельзя не отметить также и то, что в этом случае верховный бог Зевс как бы совмещает в себе функции своего родного брата — повелителя морей Посейдона.

Помимо Додоны употребление эпиклезы Зевса Ναῖος зафиксировано еще в ряде мест в Греции. Небольшой алтарь, обнаруженный на Акрополе к западу от Эрехтейона в Афинах содержит посвящение Δῖο Ναῖω. Культ

Зевса Ναῖος зафиксирован также на о. Делос. Как отмечает А. Б. Кук, Афины и Делос — это важнейшие ионийские, а ранее — пеласгические центры и вполне возможно, что этот культ имел местные древние корни. Но это в свою очередь, отнюдь не исключает и того, что он позднее был позаимствован из Додоны.

Таким образом, связь эпиклезы додонского Зевса с морем и морской стихией хотя и является научной гипотезой, но имеющей под собой серьезные научные основания.

В. А. Квашин (Вологда)

ЗАГАДКА ПЛЕБЕЙСКОГО ТРИБУНА 212 г.

В рассказе о суде над публиканами, состоявшемся в 212 г. до н. э., Ливий упоминает о том, что один из плебейских трибунов этого года, Г. Сервилий Каска, состоял в родстве с откупщиком М. Постумием. Это сообщение вызвало дискуссию среди специалистов. Ф. Мюнцер предпринял попытку отождествить Г. Сервилия Каску с Г. Сервилием Геминином, плебейским эдилом 209 г. до н. э., что породило ряд проблем, связанных с происхождением последнего. Будучи магистратом, исполнявшим плебейские должности, Г. Сервилий Гемин имел отца, чье патрицианское происхождение не вызывает сомнений. В 218 г. до н. э. Г. Сервилий Гемин Старший попадает в плен к галлам, где и находится до 203 г. В источниках прослеживается пять версий относительно состава комиссии триумвиров, в состав которой он входил.

По источникам непонятно, имел ли Г. Сервилий когномен Geminus с рождения или получил его после усыновления, поскольку Ливий не указывает фамильное прозвище его отца. В приведенном в тексте капитолийских фаст полном имени консула

203 г. до н. э. также отсутствует когномен Geminus, восстанавливаемый только современными исследователями. С другой стороны, обращает на себя внимание сходство имен деда и отца у Г. Сервилия (С. Servilius С. f. Р. n.) и консула 202 г. до н. э. М. Сервилия Пулекса Гемина (М. Servilius С. f. Р. n. Pulex Geminus).

Ливий несколько раз возвращается к истории Г. Сервилия Гемина, черпая сведения из какого-то источника. Скорее всего, эпизод с М. Постумием является частью истории Сервилиев, с которыми он (через семейство Сервилия Каски) был связан родственными узами. В таком случае, Ливий, воссоздавая картину суда над публиканами, использовал источник, в котором в контексте истории рода Сервилиев были представлены М. Постумий и Т. Помпоний, осужденные в 212 г. Однако столь же вероятным является существование нескольких самостоятельных сюжетных линий, обнаруженных Ливием в источниках и объединенных им в соответствии с художественным замыслом и целями произведения.

І. А. Коваль (Львів)

ТІБЕРІЙ ТА ГЕРМАНІК — ДВА ПРОЕКТИ ЗОВНІШНЬОПОЛІТИЧНОЇ СТРАТЕГІЇ РИМСЬКОЇ ІМПЕРІЇ

На рубежі старої і нової ери Римська держава досягла своїх природних кордонів. Завоювання Цезаря й Августа пересунули північні рубежі імперії на лінію великих європейських рік Рейну і Дунаю; ще раніш на сході римляни вийшли до Євфрату. Крім територіального росту володінь римлян у цей час (кінець I ст. до н. е.) відбуваються важливі зміни в характері відносин між Римом і завойованими територіями. Корнелій Тацит, загалом, позитивно характеризує стиль керування Тіберія, відзначаючи прагнення принцепса не обтяжувати провінції надмірними витратами, старанність у підборі кадрів для управлінського апарата, боротьбу з корупцією і свавіллям провінційної влади.

Непопулярність Тіберія в армії була, вочевидь, однією з причин його миролюбної зовнішньої політики, за яку йому різко дорікали і сучасники, і пізніші автори. Знаючи про це, Тіберій уживав заходів, щоб забезпечити принципат від зазіхань з боку військових.

Зокрема, він прагнув не допускати зосередження в руках однієї особи занадто великої військової влади. Об'єднане верховне командування рейнською армією він, незабаром після від'їзду Германіка на Схід, розділив на два і надалі завзято дотримувався цього порядку. Політика Тіберія щодо військових була спрямована на те, щоб не допустити росту їхнього політичного впливу і по можливості скоротити витрати на утримання армії. Необхідною частиною такого курсу була відмова від завоювань.

Похід 14 р., початий Германіком відразу після приборкання солдатського заколоту, поклав початок серії експедицій, метою яких було здійснення задуманого ще Августом плану підпорядкування Германії. Він був продовженням традиційної римської експансії. У 15–16 р. йому вдалося домогтися великих успіхів. Римляни завдали декілька поразок германцям. Протягом літньої кампанії 17 р. Германік сподівався остаточно

підкорити германців, але в розпал приготувань його наздогнав лист Тіберія з наказом припинити воєнні дії і повернутися до Риму. Припинення римського наступу в Германії було рівнозначно відмові від грандіозної спроби підпорядкування усього варварського заходу. Натомість Тіберій розпочав разом з Друзом тактику дипломатичної гри, що була пов'язана з царством Маробода. Закріплення рейнського і дунайського кордонів, досягнуте до того ж без пролиття римської крові, було важливою зовнішньополітичною перемогою цієї політики.

Розбіжності між Тіберієм і Германіком, кожний з яких уособлював визначену зовнішньополітичну лінію, пов'язану з попередньою традицією та певними історичними перспективами, проявилися знову при виборі підходів до вирішення іншої гострої проблеми у відносинах між Римською імперією і зовнішнім світом — вірменського питання. Германік поставив над вірменами Зенона, сина Полемона Понтійського, і провів переговори з послами Артабана. Цар погодився визнати новий кордон імперії і переважаючий вплив

римлян у Вірменії, за умови, що римляни не будуть підтримувати Вонона.

Германік і Тіберій, кожний по-своєму, продовжували курс Августа в зовнішній політиці: перший з них був зв'язаний із традицією періоду активних завоювань до початку паннонського і германського повстань і поразки Квінтілія Вара, а другий успадкував політику останніх років принципату Августа, коли послаблення наступального пориву імперії позначилося з всією очевидністю. Їхні підходи до рішення зовнішньополітичних проблем відрізнялися оцінкою анексіоністських можливостей Римської держави, причому більш об'єктивно оцінював їх, скоріш за все, Тіберій. За політичною лінією Германіка стояли легіони Європи, які були зацікавлені у продовженні експансії. Це викликало загрозу для внутрішньої політичної лінії, оскільки вимагало присутності принцепса на вістрі цієї активності. Передача військових контингентів до рук іншої людини породжувала можливості перевороту і тому дестабілізувала внутрішню лінію імператорів з династії Юліїв-Клавдіїв.

А. И. Козак (Черновцы)

ПРИЗВАНИЕ ЛАКЕДЕМОНЯНИНА КСАНТИППА КАРФАГЕНЯНАМИ (256–255 гг. до н. э.) В СВЕТЕ АНТИЧНОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ

В конце 256 г. до н. э. ситуация в ходе Первой Пунической войны складывалась таким образом, что римляне как никогда раньше приблизились к окончательной победе над карфагенянами. Но этого не произошло. Весной 255 г. до н. э. в решающем сражении при Тунете возглавляемое консулом Марком Атилием Регулом римское войско потерпело сокрушительное поражение от пунийской армии под командованием спартанца Ксантиппа. Карфаген был спасен, а на следующий год боевые действия вспыхнули с новой силой. Однако обстоятельства, которые сопутствовали прибытию лакедемонянина в пунийскую столицу и последующему облечению его полномочиями рабимаханата, и сейчас остаются довольно малоисследованной проблемой, что, без сомнения, тесно связано с противоречивостью источниковой базы. Поскольку рамки публикации ограничены, то в форме тезисов изложим основные рассуждения по вышеуказанной проблеме.

Завершая рассказ о разгроме римлян, Полибий в чрезвычайно осторожных и обтекаемых выражениях подчеркивает значение военного гения Ксантиппа: «один человек и один лишь его мудрый замысел сокрушили непобедимые ранее войска и вновь подняли государство, пришедшее в упадок» (Polyb. I. 35. 4–5). Именно рассказ греческого автора дает возможность понять предполагаемые причины предоставления командования над всей пунийской армией чужеземцу. По мнению Полибия, будучи командиром отряда наемников, Ксантипп произвел тщательный анализ сложившейся ситуации. Его рассуждения о способе ведения дальнейших военных действий вскоре стали известны не только эллинам, но и всему населению пунийской столицы, вызвав повсеместное воодушев-

ление. Под давлением таких настроений власти приняли неожиданное решение назначить лакедемонского военачальника главнокомандующим.

Вторит Полибию и Диодор Сицилийский, чьи слова, вероятно, основываются на работах пропунийски настроенных греческих авторов. Характеризуя лакедемонского стратега, он пишет, что тот «в силу своих выдающихся качеств, не только спас карфагеня в отчаянном положении, но обратил по иному ход всей войны» (Diod. Sic. XXIII. 15. 5), а далее замечает, что Ксантипп прибыл в Карфаген по собственному желанию, в одиночку или всего с одной сотней воинов.

Очень характерно, что в рассказах вышеупомянутых античных авторов содержится явный намек на то, что лишь чисто случайные обстоятельства позволили Ксантиппу возглавить войско Карфагена. Однако Аппиан рисует совсем другую картину появления спартанца на пунийской службе. Согласно его сообщению, «карфагеняне стали просить лакедемонян прислать к ним военачальника, полагая, что они терпят поражение вследствие отсутствия надлежащей военной власти. Лакедемоняне послали им Ксантиппа» (App. Lib. 1. 3.). Именно этого взгляда в основном придерживались при рассмотрении исследуемого сюжета многие римские авторы.

Надо также отметить, что лакедемоняне в период эллинизма стали известными военными специалистами. Согласно сообщению позднеимперского военного теоретика Флавия Вегетия Рената, «они выдвинули учителей военного искусства, которых они называли тактиками, чтобы они обучали их молодежь практике и различным приемам владения оружием» (Veget. Epit.

III. проем.). При этом, как ярчайший случай он приводит деятельность спартанского стратега в Карфагене. Следовательно, по мнению Вегеция, прибывший в пунийскую столицу спартанский военачальник принадлежал к числу тактиков, которые умели искусно строить и перестраивать войска.

Таким образом, сложно однозначно ответить, кто же из представителей античной традиции более прав, поскольку их рассказы основывались на сообщениях разных источников. Представляется, что приезд та-

лантливового и опытного спартанца в Карфаген и передача ему высшей военной власти стали результатом искусного политического маневра, задуманного и осуществленного какой-то группой внутри карфагенских верхов. Авторы этого разумного плана прекрасно осознавали крайнюю необходимость коренного переустройства всего карфагенского войска по образцу наиболее известных своей боеспособностью греческих наемных армий, успешно выступавших на службе у эллинистических монархов.

Е. В. Литовченко (Белгород)

К ВОПРОСУ О «ПОНИМАНИИ И ИНТЕРПРЕТАЦИИ» СОЧИНЕНИЙ СИДОНИЯ АПОЛЛИНАРИЯ (V в. н. э.)

Для поздней античности двумя главными качественными характеристиками, как для любого переходного времени, выступают традиция и транзитивность. Подобная дихотомия, безусловно, отражена в мироощущении представителей позднеантичного времени, элементы которого зафиксированы в произведениях в жанре эпистолографии.

Чрезвычайно важным при анализе подобных источников является вопрос соотношения понимания и интерпретации текста. Ряд авторов-герменевтиков, в частности Е. Хирш, различают понятия «интерпретация» и «понимание». С точки зрения Хирша, искусство интерпретации и искусство понимания — различные процессы, так как правильное понимание возможно только одно, а интерпретаций — множество, ибо последнее основано на терминологии интерпретатора, а понимание — на терминологии текста.

Благодатным полем применения метода интерпретации являются сочинения Сидония (430–480 гг.), представителя высшего галло-римского социального слоя. Этот автор интересен тем, что, всегда был в центре политических событий в Галлии в последней декаде существования Западной империи и являлся свидетелем динамических процессов переходного времени, когда античное восприятие мира, опиравшееся на традиционные классические установки, сменялось средневековым мирозерцанием, развивавшимся в рамках теоцентрической парадигмы.

Знакомство с письмами Сидония приводит нас к размышлениям о том, каким человеком он был: была ли это цельная натура с устоявшейся системой взглядов и убеждений, неизменных на протяжении всей его жизни? Испытал ли он на самом деле так называемый «кризис идентичности», свойственный многим интеллектуалам той эпохи, приводивший к ломке старых античных установок? Действительно ли он вел такой благородный образ жизни, который позволил Церкви, спустя век, канонизировать Сидония?

Позиции авторов, занимающихся исследованием его творчества, можно разделить на две группы: считающих галльского аристократа истинным представителем высшего света, сохранившим приверженность античным идеалам, несмотря на принятие христианства (С. Ешевский, Л. Карсавин, О. Мамина, К. Стивенс

и др.); и предпочитающих усматривать в его деятельности признаки подлинного «кризиса идентичности» (Э. Голдберг).

Мнение первых подтверждается, в основном, штампами античного риторического образования и стереотипами поведения, зафиксированными в письмах Сидония (I.2; IV.6; V.17; VIII.1 etc.) Второй вариант восприятия сочинений позднеантичного интеллектуала базируется на хронологическом подходе к его произведениям и более поздних документальных свидетельствах (сравнительный анализ первой и остальных восьми книг писем Сидония; принятие им сана епископа; свидетельства Григория Турского (Hist. Franc. II. 21–25)).

Это дает основание Э. Голдбергу утверждать, что стремление Сидония к должности в церковной иерархии свидетельствует о коренном переломе в его сознании, приведшем к истинной вере в Иисуса.

Вместе с тем, внимательное изучение писем Сидония убеждает нас в том, что не все так однозначно. Учитывая его происхождение и воспитание, «потомственное» исполнение высших государственных должностей, а также вскользь брошенные фразы в его переписке, можно предположить, что многие его действия были подчинены единственной цели — возрождению былой мощи Римской империи. Наиболее вероятно, что «величие Рима» в глазах Сидония олицетворяла его родная провинция Галлия, ради сохранения и возвышения которой он готов был идти и на союз с готами поначалу, и на открытое противостояние им же, когда Галлия стала жертвой политического соглашения между императором и варварами.

Таким образом, очевидно, что существуют определенные противоречия в трактовке письменного наследия Сидония и его образа.

В творчестве автора «мирно» сочетаются противоположные элементы, использующиеся лишь в качестве строительного материала для собственного самовыражения, оно представляет собой пассивно-эклетикический вариант сосуществования языческих и христианских элементов в ментальности позднеантичной эпохи, отражая параметры динамической модели «континуитет-дисконтинуитет».

ПУБЛИЙ КЛОДИЙ И ТИГРАН МЛАДШИЙ

Тесная связь не только патрицианского рода Клавдиев, но и новообращенного плебея — Публия Клодия, с Востоком, в том числе и с Великой Арменией, неоднократно рассматривалась современными исследователями. Однако некоторые эпизоды деятельности Клодия, имевшие отношение к восточной политике Рима, все еще остаются предметом дискуссии. В 58 г. до н. э. народный трибун Публий Клодий получил возможность прямо вмешаться в ситуацию в царстве Тиграна II. После отъезда Цезаря в Галлию Клодий похищает Тиграна Младшего, сына Тиграна II, который находился, вероятно с семьей, в доме сторонника Помпея претора Л. Флавия. Тигран Младший, зять парфянского царя, выступил против своего отца во время римско-армянской войны и сопровождал Помпея во время армянского похода 66 г. до н. э. Царевич, очевидно, надеялся, что Помпей передаст ему отцовский трон, но римлянин предпочел сохранить престол Тиграну II, а сыну предоставил в управление Софену и Гордиену. Тигран Младший счел подобное обращение оскорблением и резко выступил против решения Помпея, за что был закован в цепи и вывезен в Рим.

О дерзком похищении царевича кратко сообщают Плутарх, Дион Кассий, содержатся намеки в письмах и речах Цицерона, но наиболее подробно описание событий представлено в схолиях к речи «В защиту Милона» Цицерона. Клодий выкрал Тиграна Младшего у Флавия и спрятал в своем доме. Затем армянского принца посадили на корабль. Однако авантюра не удалась, шторм вынудил корабль вернуться в Италию. Известие об этих событиях заставило действовать уже сторонников Помпея. Флавий с клиентами попытался перехватить людей Клодия, которые сопровождали Тиграна Младшего. В произошедшей схватке были перебиты все люди Флавия, в том числе и всадник М. Папирий. Однако никаких сведений о дальнейшей судьбе Тиграна Младшего наши источники не сообщают.

Достаточно отрывочные и невнятные сообщения источников породили несколько противоречивых современных реконструкций. Действия Клодия объяс-

няются как выполнением приказов его предполагаемого патрона Цезаря, или рассматриваются как самостоятельная акция народного трибуна, в любом случае, направленная против Помпея.

Не намереваясь вторгаться в дискуссию о побудительных причинах действий народного трибуна в течение всего 58 г. до н. э., можно заметить, что в похищении Тиграна решающую роль, на наш взгляд, играли все же финансовые мотивы, а именно взятка, которую армянский принц передал Клодию. Дело в том, что похищение Тиграна Младшего выглядит ярко выраженной акцией против восточных постановлений Помпея только в отрыве от политической практики, постепенно ставшей традиционной для Рима середины I в. до н. э. Бегство пленников из Рима было далеко не исключительным случаем. Наиболее показательной и хронологически сопоставимой можно признать судьбу представителей правящего дома Иудеи Аристула II Хасмоней и его сына Александра. В то же время, бегство Аристула источники не связывают с внутривосточной борьбой в Риме, прямо этого не делают и современные авторы.

Остается неясной и дальнейшая судьба Тиграна Младшего. Данные наших источников настолько отрывочны, что любые реконструкции остаются не более чем гипотезами. К наиболее распространенным версиям можно отнести следующие: судьба армянского принца неизвестна, Тигран Младший при помощи Клодия вновь отплыл из Италии, но до Армении не добрался, Тигран смог достичь Армении и даже спровоцировал очередной армяно-парфянский конфликт, Тигран остался в Риме под охраной Клодия. По нашему мнению, косвенные данные позволяют предположить, что Тигран Младший вообще не пережил резню на Аппиевой дороге.

Таким образом, авантюра с Тиграном Младшим была инспирирована самим армянским принцем и имела для Клодия не столько политическое, сколько финансовое значение. Нет оснований подозревать народного трибуна и в стремлении вмешаться в политическую борьбу на территории союзного Риму царства.

О НАЛОГООБЛОЖЕНИИ СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ НИЖНЕЙ МЕЗИИ И ФРАКИИ В ПЕРВЫХ ВЕКАХ НАШЕЙ ЭРЫ

Фактическое положение крестьянства фракийских земель в первых веках нашей эры во многом определялось возложенными на него обязанностями. Конкретные сведения о налогах и повинностях сельчан Нижней Мезии и Фракии содержатся в трех надписях. Это датируемая последними годами правления Антонина Пия петиция к наместнику Нижней Мезии Юлию Северу кометов «земли (или села) дагов» — ХОРАДАГЕI или ХОРА ДАГЕI в окрестностях западнопонтийского города Истрия (ISM, I, № 378); про-

шение, направленное в 238 г. н. э. Гордиану III жителями села *Скаптопара* на территории города Пауталия (IGBR, IV, № 2236; cf. IGBR, V, № 5872); эдикт императорского легата Фракии от 202 г. н. э. о создании или реорганизации на землях города Августа Траяна эмпория *Лизос* (IGBR, III, 2, № 1690; cf. IGBR, V, № 5601). Помимо сборов, упомянутых в этих надписях, с сельских жителей восточнобалканских провинций, несомненно, взимались и другие. К их числу можно с уверенностью отнести *tributum vel stipendium*

и различные иные платежи, связанные с владением землей, аннону, налоги на скот и т. п.

По всей вероятности, наиболее обременительными для крестьянства Нижней Мезии и Фракии были литургии и ангарии. Не случайно жители Хорадагей жалуются на непомерную тягость именно этих общественных повинностей, а в эдикте об основании Пизоса даже частичное освобождение от них рассматривается как великое благодеяние для добровольно переселившихся в эмпорий кометов. Что же касается *регулярных налогов*, то они, как можно судить по петициям из Хорадагей и Скаптопары, не вызывали у крестьян возмущения. Невзгоды просителей были обусловлены конкретными неблагоприятными обстоятельствами, которые сложились в их селах во времена, соответственно, Антонина Пия и Гордиана III – ставшими непосильными для кометов «земли дагов» ангариями и вымогательствами солдат и других незваных гостей Скаптопары. До этого же, в обычных условиях, как прямо указывают в своем прошении скаптопаренцы, они были в состоянии платить подати без особого напряжения.

Создается впечатление, что фискальная политика римских властей по отношению к сельскому населе-

нию фракийских земель, по крайней мере, в отдельные периоды, могла строиться с учетом его реальных материальных возможностей. Если это на самом деле было так, то данное обстоятельство можно рассматривать как подтверждение таких теоретических принципов налогообложения населения Римской империи, какими, по мнению В. В. Серова, на завершающей стадии эпохи принципата были «справедливое обложение» и «соразмерность государственной потребности и платежеспособности подданных». Другое дело, что на практике, в результате произвола сборщиков налогов, поборы с сельчан могли быть гораздо большими. Подобное же положение дел категорически противоречило такому важному принципу римской «теории налогов», как «недопустимость незаконных поборов». Собственно, именно беззаконию и пытались противостоять, направляя свои прошения императору, кометы Хорадагей и Скаптопары. Их петиции, наряду с крестьянскими жалобами первых веков нашей эры из Малой Азии и африканских владений Рима, наглядно иллюстрируют наблюдение М. И. Ростовцева, отмечавшего, что главным бичом для крестьянства Римской империи были не регулярные налоги, а злоупотребления по отношению к жителям сел на местах.

К. Ю. Нефедов (Харьков)

КОРОНАЦИЯ ПТОЛЕМЕЯ I И ВОЗНИКНОВЕНИЕ ЭЛЛИНИСТИЧЕСКОЙ МОНАРХИИ

Согласно распространенному мнению, эллинистическая монархия, как новая форма государственности, возникла летом 306 г. до н. э., когда Антигон Одноглазый и его сын Деметрий Полиоркет, разбив Птолема в битве при Саламине Кипрском, первыми из всех преемников Александра Македонского официально приняли царские титулы. Между тем, не вызывает сомнений, что Антигон провозгласил себя и Деметрия царями всей Македонской державы, то есть фактически занял пустующий трон Александра и его наследников, а не создал свою собственную монархию эллинистического типа. По-настоящему же новаторской для греко-македонского мира стала коронация Птолема I, который отважился принять царский титул вслед за Антигонидами и окончательно разрушил таким образом единство бывшей державы Александра. Именно его примеру, а не примеру Антигона, сразу же последовали остальные диадохи – Лисимах, Кассандр и Селевк. Поэтому изучение обстоятельств принятия царского титула Птолемеем имеет огромное значение для понимания основ эллинистической государственности.

Из сообщений античных авторов можно заключить, что коронация Птолема произошла в самое ближайшее время после коронации Антигонидов. Однако документальные источники свидетельствуют, что Птолемей начал официально именоваться царем не ранее конца 305 – начала 304 г. до н. э., то есть минимум через полтора года после узурпации царского трона Антигонидами. Такое расхождение в датах вызвало в научной литературе многолетнюю

дискуссию. В ее центре всегда находился вопрос о том, принял ли Птолемей царский титул сразу вслед за Антигоном, или же откладывал коронацию до тех пор, пока не докажет свое превосходство над Антигонидами на поле боя, а именно до отражения вторжения Антигона в Египет в начале 305 г. до н. э. или поражения Деметрия при Родосе в начале 304 г. до н. э. В основе такого подхода лежит представление о том, что победа над противником-царем была необходимым условием для принятия царского титула диадохами. Однако это представление в действительности порождено современной историографией. В изложении античных авторов коронации Птолема и всех диадохов, кроме самого Антигона, являются лишь ответом на коронацию Антигонидов и не связаны с какими-либо военными действиями. Это, однако, не означает, что Птолемей официально принял царский титул сразу вслед за Антигоном. Текст папируса Koeln. VI 248, на который обычно ссылаются сторонники такого мнения, в действительности не содержит прямого указания на этот факт. Этот текст в целом крайне фрагментарен, но все-таки из него можно сделать вывод, что принятие царского титула было для Птолема не единовременным актом, а длительным процессом, в ходе которого он постепенно легализовал свой царский статус в переписке с греческими городами и, возможно, в других акциях. Официальная же коронация произошла лишь в самом конце этого процесса, на основании чего ее вполне можно отнести к концу 305 г. до н. э., что соответствует свидетельствам документальных источников.

Поскольку же Птолемей начал именовать себя царем в письмах ранее, в нарративных источниках его коронация стала изображаться едва ли не как немедленный ответ на провозглашение царями Антигонидов.

Примечательно, что легитимную основу для коронации Птолемея, согласно тексту папируса, составили отнюдь не его воинские заслуги: «друзья» сочли Птолемея «достойным царского звания» потому, что его правление, в отличие от правления Антигона, будет благостным для них и не выйдет за пределы традици-

онной гегемонии. Таким образом, Птолемей становится «вторым царем» в державе Александра не как победитель царей, которому дарует корону войско, а как базилевс-благодетель, которого приводят к царской власти благодарные «друзья» и союзные греческие полисы. Это лишний раз подтверждает тот факт, что власть эллинистических монархов основывалась официально не столько на воинских победах, сколько на умении завоевать расположение подданных уступками и благодеяниями.

О. М. Петречко (Дрогобич)

РЕСКРИПТ АДРИАНА МИНИЦИО ФУНДАНАУ

У сучасній історіографії немає єдиної позиції щодо суті рескрипту Адріана. Існує думка, що Адріан пішов далі, ніж Траян, коли наказав проконсулу Азії не визнавати провину християн до тих пір, доки вони не будуть викриті в інших правопорушеннях. Ця гіпотеза видається недостатньо обґрунтованою. Адже од принципату Траяна звинувачені у приналежності до сповідання християнства мали тільки одну можливість уникнути покарання: довести, що вони не християни. Для цього потрібно було помолитися богам і скласти жертви перед їхніми статуями (*simulacra*), скласти жертви перед зображенням (*imago*) імператора і, нарешті, лихословити (*maledico*) на Христа.

Думка про те, що імператори Траян та Адріан були прихильними до християн, базується на протиставленні «добрих» і «поганих» імператорів. Християнська історіографія підкреслювала, що «добрі» імператори захищали християн, натомість «погані» були ініціаторами жорстоких гонінь. «Добрі» (*boni*) — це ті правителі, кого самі римляни визнавали «добрими». «Погані» (*mali*) імператори — ті, що виказували брак поваги до сенаторів та переслідували *ordo senatorius*, чію пам'ять засудив сенат (*damnatio memoriae*). Однак, немає достатніх підстав стверджувати причинно-наслідковий зв'язок у схемі «поганих» імператор — переслідування християн.

Всупереч інтерпретації християнської історіографії, рескрипт Адріана нічого не змінює у правовому становищі християнства, що склалося од часу Траяна. Він, по суті, повторює положення рескрипту Траяна Плінію, вносячи деякі уточнення. Його зміст зводиться до наступного: перше — намісники провінцій не повинні розшукувати християн: *conquirendi non sunt*; друге — не брати до уваги анонімні доноси; звинувачення повинен висувати позивач, який буде особисто обстоювати його у відкритому судовому засіданні; третє — якщо, всупереч зусиллям судді, звинувачений вперто тримається своїх хибних поглядів, потрібно дотримуватися лінії закону, тобто має бути призначене покарання у вигляді смертної кари. Рескрипт

Траяна передбачав, що зазвичай судове переслідування християн повинно відбуватися з дотриманням процедури *accusatio*, за участі обвинувача: (*delator chi actor, accusator*). Легат чи проконсул не міг проводити своє власне розслідування (*cognitio*). Ці положення залишаються чинними і після рескрипту Адріана.

Рескрипт Адріана, ймовірно, не призвів до суттєвого покращення становища християн. З правової точки зору для них не змінилося нічого. Водночас суспільство, настроєне вороже щодо християн, нехтувало цим законом, як і аналогічним законом Траяна. Переслідування християн не припинялися і, за потурання провінційної влади, розшук християн тривав. З огляду на це, черговий рескрипт щодо християн, ймовірно, був виданий Антоніном Пієм. Імператор написав лист грецьким містам Сходу, у якому знову підтвердив необхідність дотримуватися тих положень щодо християн, які були закладені Траяном і підтвержені Адріаном. Мабуть, найбільше страждали від переслідувань християни, що не були римськими громадянами. Очевидно намісники провінцій брали до уваги наявність римського громадянства звинувачених. Римські громадяни могли поширювати ідеї християнства, використовуючи торгові маршрути імперії, що пролягали морем і суходолом. Вони мали підстави сподіватися на захист з боку провінційної адміністрації від свавілля натовпу.

Очевидно, уявлення про толерантність Адріана щодо християн є досить гіпотетичними. Все ж у Елія Лампрідія були якісь підстави твердити, що Адріан хотів збудувати храм Христу, давши йому місце серед богів. Мабуть, Адріан не виділяв християнство з числа багатьох інших неримських релігій і не надавав йому жодних преференцій.

Отже, немає достатніх підстав для того, щоб ставити під сумнів автентичність рескрипту імператора Адріана Мініцио Фундану. Утім, рескрипт нічого не змінив у правовому становищі християнства, що склалося од часу Траяна. Політика Адріана щодо християн полягала у тому, щоб забезпечити дотримання закону.

И. П. Сергеев (Харьков)

ПРОБЛЕМА КРИЗИСА III ВЕКА В РИМСКОЙ ИМПЕРИИ В СОВРЕМЕННОМ «ЗАПАДНОМ» АНТИКОВЕДЕНИИ

1. Проблема кризиса III в. относится к числу наиболее активно исследуемых проблем истории Древнего Рима. Она тесно связана с проблемой периодизации римской истории императорской эпохи.

2. Вплоть до конца XX в. в мировом антиковедении считалось, что в III в. н. э. Римская империя находилась в состоянии кризиса, хотя по ряду аспектов проблемы этого кризиса (характер, хронологические

рамки, сепаратизм провинций и др.) среди исследователей не было единого мнения.

3. С конца XX в. в немецком антиковедении появляются публикации, авторы которых утверждали, что в III в. н. э. в Римской империи никакого кризиса не было, в этом столетии во всех сферах жизни римского государства происходили те же процессы, что и в два первых века н. э. В настоящее время эта точка

зрения является господствующей во всем «западном» антиковедении. Таким образом, сторонники этой точки зрения предлагают пересмотреть и периодизацию императорской эпохи истории римлян: делить ее не на три, а на два периода.

4. Для того, чтобы принять эту точку зрения или отказаться от нее, необходимо определиться с тем, что мы должны понимать под термином «кризис».

А. А. Сеницын (Саратов/Санкт-Петербург)

ФРОНТОН И ФИНАЛ: ПО ПОВОДУ «ЗАИМСТВОВАНИЯ» ГЕРОДОТОМ У ФУКИДИДА ПРИНЦИПА ХРОНОЛОГИЧЕСКОГО ПОВЕСТВОВАНИЯ

Наиболее важные проблемы в исследовании древней истории связаны с источниками. Собственно, на обсуждении источниковедческих вопросов и строится вся современная историческая наука. Особенно же, когда речь идет об античном нарративе, поскольку в нашем распоряжении остались только крохи от колоссального «архива» античной литературы.

Предметом настоящего обсуждения является один из наиболее значительных литературных памятников древности — «История» Геродота. Недавно российский антиковед И. Е. Суриков (2010; 2011) высказал гипотезу об использовании Геродотом одного «фукидидовского приема». По мнению Сурикова, в конце геродотовой «Истории» (Hdt. IX. 121) встречается фраза, которая указывает на то, что «отец истории» заимствовал «фукидидовский» оборот, и будто бы намеревался в дальнейшем рассказать об истории греко-персидских войн после 478 г. до н. э., используя манеру повествования афинского историка — описывать события *хронологически*.

В заключительных главах девятой книги Геродот рассказывает (IX. 114–121) об осаде и взятии Сеста — финал военной кампании 479/8 г. до н. э. Поведая об этом последнем событии последнего военного года и сказав о возвращении афинского флота с добычей на родину, Геродот подводит итог: «И в этом году более ничего не произошло» (IX. 121: *kai kata to etos touto ouden epi pleon toutōn egeneto*). Действительно, темпоральные обороты постоянно встречаются у Фукидида. Афинский историк всюду стремится к хронологической точности. У него история Пелопоннесской войны строго делится по годам, каждый год разделен на летнюю и зимнюю кампании, начало и конец которых фиксируются во времени. Никто не станет оспаривать, что Фукидид был первым историописателем, четко следовавшим принципу хронологии. Но следует ли говорить о том, что этот хронологический принцип повествования у него заимствовал (и намеревался далее использовать в своем труде) Геродот?

Типичная фраза при завершении описания отдельного временного отрезка присутствует у Геродота не только в конце «Истории». В шестой книге,

подводя итог событиям последнего года Ионийского восстания (493 г. до н. э.), историк резюмирует: *kai kata to etos touto ek tōn Persōn ouden epi pleon egeneto toutōn es neikos feron Iōsi...* (VI. 42. 1). Здесь использован точно такой же оборот, что и в финале «Истории». Фукидидовский? Отнюдь. Для чего домысливать о заимствовании манеры повествования маститым историком у начинающего коллеги, коли и так ясно, что перед нами обычная фраза о подведении итогов военного года. Ведь уже неоднократно отмечалось, что годы военных конфликтов «отец истории» тоже воспринимал циклично — от весны одного до весны следующего.

Резоннее было бы предположить наоборот: Фукидид, будучи знаком с фрагментами геродотовой «Истории», мог заимствовать этот хронологический оборот и использовал его в качестве структурообразующего принципа при описании событий Пелопоннесской войны. Геродоту известен такой принцип повествования, однако для него он не стал определяющим. Повидимому, этот принцип не мог стать для него таковым и в дальнейшем, хотя Суриков предполагает, что имеющийся «фукидидизм» в Hdt. IX. 121 свидетельствует об изменении Геродотом «манеры повествования»: будто бы историк вводит его для того, чтобы описывать события греко-персидских войн (после изгнания персов из Эллады и вплоть до Каллиева мира 449 г. до н. э.) по годам военных кампаний.

Вызывает возражения и идея И. Е. Сурикова о сохранившемся финале геродотовского сочинения как «конце-начале» (Суриковское определение), которая исходит из гипотезы М. Л. Гаспарова (1989; 1997) о «невоплощенном замысле» труда Геродота и его «фронтонной композиции». На мой взгляд, это интересная, но очень вольная (и потому хрупкая) гипотеза, не подкреплённая ничем, кроме предположения Гаспарова об отсутствующем «правом крыле» виртуального цельного «фронтонного» геродотовской «Истории» с замыкающей «фигурой» Каллиева мира в правом углу. Но спорный вопрос о «неполноте», симметрии и «фронтонной архитектонике» первой «Истории» требует отдельного и развернутого обсуждения.

Название Πέρκη [χώρα] этимологизируется как 'дубовая [страна]', или 'страна [Героя] Перкониса', и близко македонскому орониму «кентумного» пра-латинского облика Κερκίνη 'дубовые горы', или 'Перконовы (Перуновы) горы', ср. лат. quercus, -us f. 'дуб', а также таврический топоним Κερκίνιτις (см. работы В. Томашека, П. Кречмера, Д. Дечева, В. Георгиева, Л. А. Гиндина, А. К. Шапошникова).

Хороним 'Αρία имеет цельнолексемные соответствия в индоевропейских языках, которые восходят к диалектам праиндоевропейского языка, относящихся и к группе satəm, и к группе centum. В древнегреческом языке это — ἄριστος ('(наи)лучший, отличный, храбрый, знатнейший' (прев. ст. к прилаг. ἀγαθός), в индоиранских языках — санскр. ārya 'благородный, достойный, досточтимый; знатный; арий, представитель одной из трех высших варн, господин', санскр. arya 'благородный, верный, дружественный', санскр. ārya m. 'представитель одной из трех высших варн', авест. aīrya, др.-перс. aīrya 'арийский; арий; благородный; господин'. Имеются также кельтские соответствия Ario-, aīre, aīrech 'свободный; благородный; представитель благородного сословия'. Кроме того, в хеттском языке зафиксированы лексемы ariya-, arai- 'вопросать оракула', ariyasessar (ariya- + asessar 'место') 'оракул', этимологически близкие лат. orō (< orō) 'обращаться к богам', лат. oraculum, -i n. 'оракул; прорицание; прорицалище'. Следовательно, 'Αρία — это либо 'страна наилучших, благородных, свободных', либо 'страна оракулов'. В связи с возможной хетто-

лувийской (точнее, прахетто-лувийской) этимологией названия 'Αρία примечательно сообщение Геродота о знаменитом прорицалище Диониса, которое находилось в горах области фракийского племени сатров, т.е. в Родопах, где служили жрецы и жрицы из рода бессов (Herodot. VII, 111).

Как свидетельствуют данные лингвистической палеонтологии, палеоономастика хетто-лувийского облика представлена и на Балканах, и в Северном Причерноморье (см. работы Л. А. Гиндина, Б. Надель, О. Н. Трубочева, А. К. Шапошникова). Отделение носителей хетто-лувийского диалекта от носителей других диалектов праиндоевропейского языка и начало их симбиоза с малоазийскими хаттами следует отнести к рубежу III—II тыс. до н. э. Путь предков хетто-лувийцев с Балканского полуострова в исторические места обитания хеттов-неситов, лувийцев и палайцев в Анатолии, скорее всего, пролегал не только по морю, но и через Северное Причерноморье. Новые археологические изыскания на северо-востоке Малой Азии, в районе Трапезунда (Трабзона), Амиса (Самсуна), Амасии (Амасы) и Синопы (Синопа), смогут помочь в решении проблемы хетто-лувийского этногенеза (см. публикации С. Альпа о раскопках хеттского города-крепости Tarigga (совр. Машат-Хююк)).

Что касается происхождения названия 'Αρία, оно связано с эпохой, когда этнос носителей праиндоевропейского языка обитал на Балканах, а «сатэмная» общность полностью еще не отделилась от родоплеменных групп носителей «кентумных» диалектов праиндоевропейского языка.

А. Л. Янко (Полтава)

ЕТРУСЬКИЙ ТЕРМІН HATRENCU ТА ЙОГО ІНТЕРПРЕТАЦІЯ

Значне місце знатних етрурянк у суспільстві, їхня певна свобода та самостійність у порівнянні зі становищем жінок у греко-римському світі визнані характерною особливістю структури етрусського соціуму. На допомогу дослідникам, які ще донедавна вивчали соціальне становище етрусських жінок за скупими повідомленнями античних авторів, останнім часом все ширше і ширше залучаються матеріали етрусських написів.

Показовою у цьому плані є серія написів із Вольців (етрускою — Velch, нині Вульчі). Вони виконані пізнім етрусським письмом, що застосовувалося у IV—I ст. до н. е. Писемність Вольців мала деякі відмінності від інших етрусських міст-держав, що в означений період дуже нагадували за устроєм грецькі олігархічні поліси. Зокрема термін, що означає назву одної з найвищих етрусських виборних посад, має у більшості текстів написання puruthn, purth, purthne, erpthne, erpthni (TLE № 1, III, 1; VIII, 9; TLE № 87 = CII, suppl. I, № 399; CIE № 1227; № 1305), тоді як у написах із Вульчі purtsvana (TLE № 324 = CII, Suppl., I, № 387; TLE № 325 = CII, Suppl., I, № 388).

Нещодавно було звернуто увагу на групу написів із Вульчі, де поряд з іменами знатних жінок містився термін hatrencu (TLE № 305=CIE № 5245; TLE № 314; 316; 906; 908; 912 тощо). С. Стодарт і Н. Томсон де Грамон пропонують вважати це слово позначенням жриці, натомість Л. Ландін інтерпретує його як світський титул, особливу магістратуру, що заміщала жінками в умовах олігархічного полісу й відсутності чоловіків, загиблих на війні. У деяких написах поряд із hatrencu стоїть слово sacniša (TLE № 305, 912), що давно дешифровано як дієслово у значенні культового дійства «присвятити». Тому, наприклад, останній із написів «esa šuthi tarchas levial hatr[en]cu sacniv» може перекладатися як «ця гробниця Тархії Левії жриці (?) є священною». Але, з одного боку, вказане слово писалося на багатьох надгробках, а не лише на могилах hatrencu. З іншого боку, жрецтво — найдавніший соціальний інститут, тому дивно, що даний титул не зазначено у більш давніх написах. Проте все, що нам відомо про виключно патріархальний характер етрусського суспільства, незважаючи на певні права аристократок, не дозволяє погодитися з гіпотезою про даний термін як магістратуру.

Вимагає перевірки припущення: а чи не міг термін, що розглядається, бути запозиченим у греків, як це відбулося, наприклад, із наведеним вище *puruthn*, *purtšvana*, що зближують із грецьким *ὁ πρῶτανις* «правитель».

Звернемо увагу на те, що крім терміну *hatrencu*, який позначає жінок, поряд зустрічається словосполучення «*hels(c) atr(š)*», що позначає чоловіків (TLE № 293, 301, 908 тощо). Особливо показовим є випадок, коли два написи з одного родинного склепу містять і перший, і другий термін. Наприклад, «*vel prušlnas helsc atr*» (TLE № 909) та «*prušlnai ram hatrencu*» (SE 31, р. 188). Зрозуміло, що Вел та Рамта — родичі, які могли мати спільну справу, до того ж маємо в обох невідомих термінах частину *atr*. Це словосполучення не може відповідати поняттю «подружжя», бо для нього існувало слово *tušurθi*.

На думку спадає грецьке позначення лікаря *ὁ ἰατρός* (ὁ ἰατῆρ) — «лікар, цілитель». Нам відомо, що таке грецьке культове дієслово як *ἰάλλω* (дарую) передава-

лося етрусською «*al*». Відповідно *ὁ ἰατῆρ* виглядало б як «*atr*» (голосна, особливо, у другому ненаголошеному складі, не вимовлялася і не писалася). Частка *-encu*, певно, утворювала жіночий рід. *Hels*, очевидно, походить від етрусського позначення землі *hilar* (CIE № 886; TLE № 1, XI, 35) та *helu* (CIE № 4538, A, ст. 4–5, 19, 20, 21). Можливо, цілителі, що лікували травами (від землі), звалися *hels(c) atr(š)*, а жінки такого ж роду занять *hatrencu* — (слово *hels* скорочувалося до одної літери). Інколи, навпаки, залишали такий напис: «*murai šethra helsc*» (Мурай Сетра цілителька) (TLE № 317), хоча писали й «*murai šethra hatrencu*» (TLE № 906). Скорочення, мабуть, було пов'язане з фінансовими можливостями замовників, писемними традиціями і пропозиціями різьбярів.

Таким чином, цілком можливим є походження жіночого титулу *hatrencu* від грецького позначення лікаря. Отже, це не була ані жрецька посада, ані, тим більше, жіноча магістратура. Значенням даного терміну, найвірогідніше, є «цілителька, знахарка, лікарка».

СЛАВЯНСКИЙ МИР И ЕГО СОСЕДИ

Е. К. Анареева (Луганск)

АТРИБУТЫ И ОБРЯДЫ ПОЛОВЕЦКОГО СВАТИЛИЩА В ПОДОНЕЧЬЕ

Раннее средневековье юго-восточных степей Восточной Европы связано с заселившими их тюркоязычными этносами, выходцами из Центральной Азии. С XI до середины XIII ст. в степях Подонечья в статусе второй родины пребывают половцы. Письменные источники об этом периоде зачастую отрывочные, поэтому главным арсеналом изучения их истории остаются археологические памятники, представленные подкурганными захоронениями. Не менее значимыми являются святилища с атрибутами обряда использования каменных изваяний. В комплексе они определяют сакрально-обрядовый признак святилищ этого региона.

К настоящему времени их в Доно-Донском массиве обнаружено и обследовано около десяти. Общими признаками для сакральных памятников являются: топографическое расположение на возвышенностях; перекрытие курганных насыпей каменными панцирями; их комплексность, включающая в себя два и больше вблизи расположенных курганов; в них следы жертвоприношений и поклонения огню, наборы предметов вооружения; упряжи всадников; отдельные художественные изделия, скульптуры.

В Донецком кряже у с. Каменка в 2006–2008 гг. исследован сакральный объект. В его комплекс входили три кургана, удаленные на расстояние около 70 м друг от друга. В кургане 1 обнаружены крупные обломки двух скульптур, изготовленных из мергеля, признаки золистости и обожженной почвы, кости животных. Реставрация скульптур позволила воссоздать их морфологию и иконографию. Статуи изображают аристократизированных молодых воинов с почти портретными, несколько монголоидными, лицами, на скульптурах тщательно проработаны: детали костюмов, военной амуниции, предметы бытового назначения, посуда. Умышленное разрушение статуй можно объяснить междоусобными

конфликтами половецких орд, нашествием монголов, которые уничтожали покровительствующих половецкой военной аристократии «идолов». Однако, допускаем ситуацию преднамеренного их уничтожения — «умерщвления», исполненного в ритуальных целях.

Важную информацию о содержании сакралитета оставили комплексы вещей из кургана 2. Под горизонтом панциря, в слое из золы, углей и кальцинированных костей животных, обнаружены компактно уложенные между плитами изделия из металла — оружие (наконечники стрел и копья), детали упряжи (стремена, удила), предметы амуниции (пряжки, кольца). Среди находок отметим стремя с серебряной плакировкой, биметаллическую пластину с изображением личин медведей как деталь одежды рукава запястья защитного доспеха. Образы медведей свидетельствуют о распространении лесного тотема Сибири на обширные пространства, занятые тюркютами, выходцами из Центральной Азии. Артефакты, имеющие отношение к экипировке воинов, датируются XII–XIII ст., аналогии им прослежены в системе вооружения кыпчаков Южной Сибири и Урала, кыргызов Енисея.

Ссылаясь на информацию источников, воссоздадим образ событий, происходивших на святилище. Во-первых, его следует отнести к комплексному сакральному памятнику, в котором задействованы ряд близлежащих курганов. Во-вторых, в святилище исполнены обряды «умерщвления» статуй и оружия, захоронения упряжи всадников, жертвоприношения животных, а также сжигания значительных объемов древесины, возможно заведомо выстроенных конструкций. В этой связи есть основания рассматривать святилище как сакральный комплекс XII–XIII ст., имеющий отношение к превознесению военной аристократии в социуме половцев.

Д. В. Бібіков (Київ)

ХРОНОЛОГІЧНІ РАМКИ ПОБУТУВАННЯ ОБРЯДУ КРЕМАЦІЇ В СЕРЕДНЬОМУ ПОДНІПРОВ'І В ДАВНЬОРУСЬКИЙ ЧАС

В кінці X — на початку XI ст. завершився процес формування Давньоруської держави. Культурно-історичні зміни не могли не відбитись у поховальному обряді, що має під собою духовну, соціальну та ет-

нічну підоснови. Однак, даний процес досі є недостатньо висвітленим; зокрема, відкритим залишається питання про рамки побутування обряду кремації.

Традиційно в літературі вважалося, що кремація зникає в кінці X ст., коли після християнізації Русі було заборонено язичницькі звичаї. Пізніше однією з головних причин появи інгумаційних поховань стали називати соціально-економічний фактор, виокремлення малої сім'ї. Одночасно здійснюються спроби розширити хронологічні рамки побутування обряду кремації до першої половини XI ст. (Щекун О., Сита Л., Моця О.).

Найдавніші поховання з трупопокладенням зафіксовано в Києві та його околицях, а вже в X ст. тут з'являються перші ґрунтові могильники (Київ, Вишгород). За логікою, саме Середнє Подніпров'я мало б найповніше відчувати вплив християнізації. Однак, навіть безпосередньо біля Києва трапляються кремаційні поховання, здійснені вже після Володимирового хрещення. На некрополі біля с. Білогородка (літописний Білгород) поряд з рядовими інгумаційними похованнями був досліджений багатий поховальний комплекс, що являв собою трупоспалення в ладді. Літописною датою заснування Білгорода є 992 р., що і дозволяє відносити поховання до часів християнізації. Крім того, в даному випадку та далі слід враховувати різницю в часі між заснуванням поселення та здійсненням перших поховань.

Хронологічно близькими вищеописаному похованню є чотири кургани з кремацією на місці з Китаївського могильника, котрий відносять до літописного Переясина — південного форпосту стародавнього Києва.

Очевидно, найпізніше кремаційне поховання в Середньому Подніпров'ї виявлене в кургані № 3 Яблунівського могильника на р. Рось. Поховання інтерпретовано як захоронення двох воїнів. Яблунівський археологічний комплекс розглядають як залишки дружинного табору, основною задачею якого була охорона південно-руських кордонів. За літописом, Поросся стало порубіжною територією в 1031–1032 рр., внаслідок діяльності Ярослава.

Значний інтерес викликає група поховальних пам'яток, розташована на Овруцькому кряжі, в межах річчї Уборті та Ужу. Поховання, в тому числі і кремаційні (Городок, Андрійовичі, Річиця), нічим не відрізнялись від синхронних давньоруських комплексів, окрім наявності кільцевої кам'яної обкладки навколо них. Б. А. Звіздецький пов'язав спорудження курганів з кам'яними кладками зі слов'янізованими ятвягами, переселеними сюди після походу Володимира на ятвягів у 983 р.

Матеріали поховальних пам'яток кінця X — першої половини XI ст. значною мірою підтверджують загальноприйнятту точку зору щодо швидких темпів християнізації Південної Русі, що проявляється у поширенні обряду інгумації в підкурганних ямах. Однак, при цьому, відомо цілий ряд синхронних поховальних комплексів з залишками кремації. Багато з таких поховань характеризуються складністю поховального обряду та багатством інвентарю, зокрема — наявністю зброї. В ряді випадків фіксуються іноетнічні елементи обряду: кільцеві кам'яні обкладки; скандинавське трупоспалення в ладді. Ключовим для інтерпретації цих поховань є той факт, що більшість з них пов'язана з оборонними пунктами, розташованими на стратегічно важливих ділянках південноруської території: південному порубіжжі (Гочево, Яблунівка), підступах до Києва (Білогородка, Китаїв), Овруцькому кряжі (Городок, Андрійовичі, Річиця). Їх матеріали можуть слугувати своєрідною ілюстрацією до літописної статті 988 р. про переселення Володимиром «ліпших мужів» на давньоруські околиці. Пізніше Ярослав так само «посадив своїх по Росі». Факти свідчать, що ці укріплені пункти користувались певною автономією, в тому числі, очевидно, і релігійною. Найпізніше ж із відомих на території Подніпров'я кремаційних поховань (Яблунівка) може датуватись 1030-ми рр.

К. Г. Варачева (Харьков)

НЕСТАНДАРТНЫЕ ФОРМЫ ГЛИНЯНЫХ КУБКОВ ЧЕРНЯХОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Среди форм керамических сосудов черняховской культуры особую группу составляют кубки. Они представлены четырьмя основными формами: полусферической, конической, биконической и округлобокой. Однако среди изученного материала нами встречено, по крайней мере, пять археологически целых форм лепных кубков, имеющих нестандартную форму, то есть не вписывающуюся в основные формы этого типа керамики. К таким сосудам относятся кубки из могильников Данчены (Молдова), Деревянная (Киевская обл., Украина), Каборга IV (Николаевская обл., Украина), Рыжевка (Черкасская обл., Украина) и поселения Малополовецкое 2 (Киевская обл., Украина):

1. Чернолощенный кубок из погребения № 36 могильника Данчены представляет собой сосуд биконической формы на высокой ножке, со слегка отогнутым венчиком. Форма сосуда находит свои аналогии

в горшках вельбаркской культуры группы XIII по Р. Волангевичу. Комплекс датируется первой половиной — концом IV в. н. э.

2. Чернолощенный кубок из погребения № 15 могильника Деревянная сложнопрофилированной формы орнаментирован двойным валиком ниже венчика, под которым идет перегиб в виде налепленного валика со срезанными фасетками. Отдаленные аналогии подобным формам можно встретить в античной посуде типа terra nigra. Кроме кубка, погребение практически не содержало инвентаря. Дата функционирования могильника Деревянная определяется исследователями в пределах III—IV вв. н. э.

3. Кубок из погребения № 20 могильника Рыжевка имеет полусферическую форму тулова и непропорционально высокую цилиндрическую шейку с утолщенным венчиком, от шейки тулово отделено горизонтальной пролощенной линией, ниже которой поверхность

покрыта составным орнаментом в виде косо направленных пролощенных линий, оконтуренных 2–3 рядами параллельных насечек и нескольких рядов из округлых пролощенных вдавлений. Комплекс датируется в пределах первой половины — конца IV в. н. э. Аналогий подобной формы кубка нами пока не найдено.

Придонная часть чернолощеного кубка в виде рога, найденная в слое многослойного поселения Малополовецкое 2, имеет коническую форму с немного загнутым основанием. На поверхности сосуда нанесен орнамент, отдаленно напоминающий рунические знаки. Форма рассматриваемого сосуда, по всей видимости, имитирует подобные сосуды, но изготовленные из рогов парнокопытных животных. Подобные изделия из кости хорошо известны на территории Европы со времени позднего палеолита вплоть до Нового времени. Подобные сосуды, изготовленные из глины или металла, широко использовались у скифов. Фрагменты стеклянного кубка в виде рога, найденные при раскопках античного театра в Картахене датируют VI в. н. э. Использование рога, как сосуда для питья, а также его имитации известны у германских племен, начиная с I в. н. э. Поселение датируется исследователями в пределах середины III — начала IV вв. н. э.

Наиболее уникальным керамическим кубком нестандартной формы является сосуд из погребения № 5 могильника Каборга IV, изготовленный в виде сапожка. Он имеет асимметричный венчик, и серолощенную поверхность, орнаментированную пролощенными линиями и рядами из округлых вдавлений. Кубок обнаружен в кремации, под слоем кальцинированных костей и фрагментов керамики. Несмотря на уникальность формы кубка из Каборги, как и в случае с имитациями рогов животных, имитации обуви в виде сосудов довольно часто встречаются в различных культурах Европы. В нашем случае, керамический кубок имитирует кожаную обувь, напоминающую римские солдатские калуги. Возможно, местный мастер хотел изобразить знакомый ему предмет, но мы и не исключаем импортного происхождения этого кубка. Погребение датируется серединой — третьей четвертью IV в. н. э.

Таким образом, уникальность каждой из форм описанных сосудов обусловлена либо попыткой имитации уже известных керамических форм (Данчены, Деревянная), либо имитацией предметов (Малополовецкое 2, Каборга IV). Мы склонны рассматривать кубок из Рыжевки как местную форму, так как отдельные аналогии ей присутствуют в ареале черняховской культуры.

Я. В. Володарець-Урбанович (Київ)

ТРУБОЧКИ-ПРОНИЗКИ РАНЬОГО СЕРЕДНЬОВІЧЧЯ ІЗ СЛОВ'ЯНСЬКИХ ПАМ'ЯТОК

Трубочки-пронизки трапляються на пам'ятках пеньківської культури та в скарбах першої та другої хронологічної групи. На жаль, відсутня типологія цих виробів. В роботі використано матеріали з поселень та скарбів, а також відомості про випадкові знахідки (24 пункти).

Класифікація. Виділено п'ять типів пронизок.

Тип 1. Представлений простими гладенькими трубочками-пронизками. Виготовлені із бронзового листа, шов не запаятий. Знахідки таких виробів відомі на пеньківських селищах Надпоріжжя — о-в Кизлевий (1 екз.), о-в Сурський (1 екз.), Ігрені-Підкова (4 екз.), Волоське (1 екз.), Середнього Подніпров'я — Деревіці (2 екз.) та Стецівка (1 екз.), в Мохночанському похованні (25 екз.), в Гапонівському (9 екз.), Козіївському (17 екз.), Новоодеському (3 екз.), Хацьківському (10 екз.) та Курилівському (3 екз.) скарбах.

Знахідки даного типу в основному пов'язані з пеньківськими пам'ятками чи скарбами першої хронологічної групи. Лише Стецівка — до сахнівського типу пам'яток. Отже хронологія цього типу навряд чи виходить за межі VII ст.

Такі пронизки виявлені в старожитностях зарубинецької культури, на пам'ятках пізньозарубинецького типу в Побужжі, та Середнього Подніпров'я.

Тип 2. Являє собою вироби, виготовлені із тонкої бронзової платівки, із своєрідним валиковим «гофруванням» по центру і краях виробу. Кінці прикраси не спаяні. У перетині вони мають наближену до кола, дещо підовальну, форму. Подібні вироби виявлені на

поселенні Глинськ 4 (1 екз.), в Суджацькому (23 екз.) та Козіївському (3 екз.) скарбах.

Датування цього типу визначають знахідки в скарбах першої хронологічної групи (друга половина VII ст.) та на поселенні Глинськ 4, що має пеньківські та сахнівські риси. Ймовірно, побутування даних прикрас серед слов'янського населення було короткочасним.

На сьогодні вдалося виявити лише одну аналогію. Це знахідка із пізньосарматського поховання біля с. Баранівка Астраханської області (перша половина — середина III ст. н. е.).

Тип 3. Пронизки спіральні, бронзові. Виготовлені з тонкої плоскої чи трикутної в розрізі смужки. Довжина більшості виробів від 0,8 до 6,5 см. Виявлені в складі Курилівського (7 екз.), Гапонівського (12 екз.) та Битицького скарбів (26 екз.) та поселень Рашків II (2 екз.) та III (1 екз.).

Судячи із знахідок даних виробів в скарбах першої хронологічної групи (Курилівка та Гапонове) та у складі скарбу із Битицького городища, тип датується другою половиною VII—VIII ст.

Аналогічні знахідки відомі серед зарубинецьких, поєнешто-лукашівських, пізньозарубинецьких пам'яток, серед матеріалів верхнього шару Дьяконового городища, в пізній культурі штрихованої кераміки, серед матеріалів культури Тушемля-Банцеровщина та салтівської культури.

Тип 4. Трубочки-пронизки гофровані. З лицевої сторони покриті неглибокими вертикальними на-

січками. Мають повздовжній жолобок. Виявлені в складі Гапонівського (6 екз.), Козіївського (3 екз.) та Новоодеського (3 екз.) скарбах. Всі скарби належать першій хронологічній групі за О. О. Щегловою.

Тип 5. Замкнута трубочка, орнаментована на кінцях трехрядним випуклим пунктиром із вибитих з внутрішньої сторони крапок. Представлена одним екземпляром серед виробів із Битицького скарбу. О. В. Су-

хобоков визначав час існування цього городища кінцем VII—VIII ст.

Проведений аналіз вказує на те, що типи 1 та 3 мають широкий хронологічний та територіальний діапазон побутування. В той час як типи 2, 4 та 5 мають вузький. Картографування показало вузьку регіональну специфіку цих типів. Всі вони концентруються в середній течії та верхів'ях басейну Ворскли, верхів'ях Псла та середній течії Сейму.

І. В. Голубєва, К. Р. Муслімов (Харків)

СКАРБ РУБЕЖУ XVI—XVII ст. У ЦАРЕБОРИСІВСЬКІЙ ФОРТЕЦІ

Археологічне дослідження Цареборисівської фортеці триває протягом дев'яти років. Попередні дослідження показали, що час існування її відноситься до двох періодів: кінця XVI — початку XVII ст. та другої половини XVII ст. За час розкопок зібрано досить велику нумізматичну колекцію, яка відображає грошовий обіг в середовищі поселенців обох періодів.

Виявлення монетного скарбу під час саме археологічних розкопок для дослідника-нумізмата є великою вдачею, оскільки така знахідка фіксується науковими методами та зберігає максимум інформації.

Така можливість випала в сезоні 2012 р. На дні господарської ями розкопу № 5 (що розташований у центрально-східній частині дитинцю) було виявлено невеликий скарб монет Московського царства першого етапу існування фортеці.

Скарб складається з дванадцяти лускоподібних срібних монет, що вірогідно були загорнуті в шовковий виріб (на них збереглися фрагменти тканини із швом). Розподіл монет за номіналами, правителями та місцем карбування виявився наступним:

- **полушки** Івана IV (дві монети);
- **деньги** Івана IV (п'ять монет карбування московського двору та дві тверського);
- **копійки** Івана IV (монети новгородського та псковського карбування) та Федора Івановича псковського карбування.

Виявлений скарб не є результатом тривалого накопичення. Скоріш за все ми маємо справу з повсякденним гаманцем.

В археології відношення до датування комплексів нумізматичним матеріалом досить неоднозначне. На теперішній час непохитним є тільки те, що монета по-

відомляє *terminus post quem* припинення функціонування (закриття) комплексу. Найстарша монета даного скарбу карбована у 1535–1538 р., наймолодша — у 1596 р. Такий стан речей не є випадковим. Знахідки монет з культурного шару дають такі саме хронологічні розбіжності. З письмових джерел відомо, що Цареборисів засновано у 1599 р. царем Борисом Годуновим і його монети зі знахідок в культурному шарі фортеці не є рідкісними.

На нашу думку, такий хронологічний розподіл монет скарбу є звичним для цього часу. Більшість монет — це молодші номінали Івана IV Грозного, котрі після його правління або не карбувалися взагалі, або мала нісце незначна емісія. Тому найпізніші монети Годунова (копійки), як найвищий номінал, могли просто не потрапити до цього гаманця. З початком «смутного часу» вага монет падає. Отже більш важкі монети вилучалися з повсякденного обігу, або обрізувалися до зменшеної ваги. Вага монет скарбу не відрізняється від середніх показників стандарту для правління царів від Івана IV до Бориса Годунова. Отже дата комплексу, де виявлено скарб, не є пізнішою за час початку карбування монет «смутного часу».

Таким чином, виявлений при розкопках 2012 р. Цареборисова скарб демонструє повсякденний грошовий обіг мешканця фортеці того часу. Датування комплексів в археології за допомогою нумізматичного матеріалу повинно будуватися не на окремих монетах, а на зрізах грошового обігу. Останній виокремлюється як коливанням ваги, так і якістю дорогоцінного металу в монеті. Саме на ці фактори населення реагувало миттєво, що і призводило до появи нового зрізу обігу грошей.

І. В. Денисова, Н. Н. Болгов (Белгород)

К ИСТОРИИ СЛАВЯН В ВИЗАНТИЙСКОЙ ГРЕЦИИ

К VII в. значительная часть Греции оказалась занята славянским населением, что стало возможным в результате массовых военных вторжений. При изучении культурных напластований Коринфа выявлены следы пожаров и разрушений, а также гибели части населения этого города, датируемые

концом VI в. Слои VII—VIII вв. в Коринфе выявляют варваризацию материальной культуры и быта населения. Следы разрушений, относящихся к концу VI или началу VII в., отчетливо фиксируются в Афинах, Фессалии, Эвбее и Локриде. Археологически выявляется и запустение в это время целого

ряда поселений с позднеаримской и ранневизантийской керамикой. В особенности это касается восточной и южной прибрежной полос Греции, а также некоторых островов. В западной части Пелопоннеса запустения или гибели поселений не фиксируется.

О вторжении больших масс нового населения на территорию Греции говорят и клады монет, зарытые в конце VI — начале VII в. С этого времени наступает перерыв в денежном обращении. В культурных напластованиях поселений Греции VII—VIII вв. не обнаруживается каких-либо следов византийского военного и церковного строительства. Отдельные небольшие племена славян в Греции, проживавшие в отдельных долинах, управлялись своими вождями-жупанами. Господство славян в Греции продолжалась свыше 200 лет. Лишь в конце VIII в. наступил перелом. В 783 г. Византия провела победоносный поход Ставракия в Элладу и окрестности Фессалоники. В первой половине IX в. была завоевана почти вся Морея, а в 940 г. окончательно покорены милинги и езериты в горах Тайгет.

Основными факторами инкорпорации славян в империю были: военное завоевание, христианизация, эллинизация, а в конечном итоге — этническая ассимиляция. После решения первых трех важнейших задач нужна была интеграция на микроуровне. Каждый славянин должен был включиться в целую сеть, которая прочно опутала бы его экономическими, военными, политическими, церковными узами. Со временем вожди славян должны были получать утверждение от имперского стратига и платить в императорскую казну ежегодную дань, отбывая и воинскую повинность натурой. К экономическим средствам инкорпорации следует отнести установление феодальной зависимости над славянским населением, обложение их налогами. В свою

очередь, это стало причиной восстаний в правление Феофила (829–842); в правление Феодоры (842–867) и др. Прочими формами инкорпорации славян стало их включение в армию, принудительное переселение славян в Азию и наоборот, малоазийцев на бывшие земли славян. Еще в X в., когда власть Византии над славянскими локусами Греции была восстановлена, славяне очагами проживали еще также на островах Эгейского и Средиземного морей — Крите, Эвбее, Фасосе, Корфу, Самосе, Эгине, Теносе, Левкосе и др.

Таким образом, империя смогла «переварить» столь затянувшееся славянское нашествие VI в., не столько в традиционной форме — удержания варваров на границах и превращения их в энспондов (федератов), как это было с арабами, гуннами и др., сколько путем завоевания, христианизации и эллинизации их изолированных очагов на собственной территории. Никто из представителей славянской знати не вошел в состав новогреческой. Известны лишь немногие огречившиеся славянские фамилии. Ни одна княжеская резиденция славян не стала византийским городом. Славяне Греции становятся уникальным звеном византийского мультикультурализма. Прочие народы, служившие империи и императору в лице отдельных представителей или династий (армяне, исавры и т. д.), имели элементы своей государственности или компактно проживали на своей исторической родине в пределах империи. Славяне стали пришлым, внешним элементом, который остался чужеродным на землях Греции. Но тем важнее изучение их роли и места в православной многонациональной империи, их уникального исторического опыта автономного изолированного нефедератского существования в отдельных локусах на основах военно-аграрной колонизации и сохранения и консервации язычества.

И. В. Зиньковская (Воронеж)

НОВЫЕ НАХОДКИ ПРЕДМЕТОВ ЖЕНСКОГО РАННЕСРЕДНЕВЕКОВОГО УБОРА В ВЕРХНЕМ ПОДОНЬЕ¹

В Верхнем Подонье известны многочисленные раннесредневековые славянские памятники, которые датируются VIII—X вв. Если верхняя дата этих памятников хорошо обоснована находками арабских дирхемов IX—X вв., то нижняя дата не имеет надежных хроноиндикаторов. В настоящее время ее уточнить позволяют новые так называемые случайные находки, сделанные в 2010 г. на р. Ведуга в Семилукском р-не Воронежской обл., которые хранятся в историко-краеведческом клубе «Сварог» г. Воронежа. Находки представлены бронзовыми украшениями (фибулы, браслет), имеющими аналогии в среднеднепровских кладах «древностей антов», чье название было введено в научный оборот А. А. Спицыным. В настоящее время выделяют две серии кладов или две хронологические группы вещей. «Древности

антов» первой группы составляют клады типа Мартыновского, Гапоновского, Трубчевского и др., попавшие в землю в третьей четверти VII в. Вторую группу составляют клады типа Зайцевского, Пастырского, Харьевского, Воробьевского, попавшие в землю в первой половине VIII в.

В кладах второй группы осели вещи, относящиеся только к женскому металлическому убору, в который входили: серьги со звездобразной и полый привеской; шейные гривны с седловидным замком; ожерелья из стеклянных и янтарных или полых металлических бусин и раковин каури с металлическими привесками; фибулы крупные, вырезанные из пластин или сложные антропоморфные, соединенные цепью; браслеты с расширенными концами, полыми, округлыми или гранеными. Клады второй

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект №11-11-36006 а/ц

групи виявлені як в самій західній (Пастырське городище), так і в самій східній (Зайцев) частинах ареалу «антських» кладів.

Раннесередньовікові жіночі прикраси, знайдені в Верхньому Подон'ї, на р. Ведуга, представлені наступними речами:

1. Фібула бронзова антропоморфна, довжиною 7,6 см, шириною 3 см. Приналежить до типу так званих пастырських фібул. Найближчі аналогії мають в матеріалах Пастырського городища, де вони датуються О. М. Приходнюком першою половиною VIII в., подібні антропоморфні фібули відомі в дніпровських кладах першої половини VIII в. (Самгородської, Зайцевської, Хар'євської).

2. Фрагмент антропоморфної або зооморфної багатоголової фібули, довжиною 3,2 см. Він має по краях дві пташчі голови і декорований двома концентричними колами. По стилістичним особливостям (концентричні кола і пташчі голови) фрагмент наближається до групи фібул з каймою з пташчих голів. По-видимому, має аналогії серед фібул Пастырського городища і датується VII — першою половиною VIII в. Істочники зооморфних і багатоголових ажурних фібул прослідковуються в візан-

тійському прикладному мистецтві, а самі фібули датуються кінцем VII в.

3. Браслет бронзовий, овальної форми, розмірами 7×9,5 см, з розширеними округлими кінцями, які декоровані чотирма парами насечок і решітчастим орнаментом. Має аналогії на Пастырському городищі і датується VII — першою половиною VIII в., а також в дніпровських кладах.

Таким чином, розглянуті нами жіночі прикраси датуються першою половиною VIII в. На Пастырському городищі О. М. Приходнюком виділені і дві групи кераміки першої половини VIII в. Перша група представлена лепною керамікою, походження якою дослідник зв'язує з слав'янами Подунав'я і ранньої стадії культури Луки-Райковецької. Друга група включає гончарну кераміку пастырського типу, істочники якої дослідник усмащує в ремісничих традиціях Подунав'я. Наявність деяких з цих типів кераміки на пам'ятниках слав'янського населення на р. Воронеж VIII—X вв. (Животинне городище, Белогорський II могилище) і нові випадкові знахідки раннесередньовікових жіночих прикрас дозволяють, на наш погляд, більш аргументовано говорити про наявність якоїсь західної слав'янської групування в Верхньому Подон'ї уже в першій половині VIII в.

В. Г. Івакін (Київ)

АРХЕОЛОГІЧНА КАРТА ПОХОВАЛЬНИХ ПАМ'ЯТОК ДАВНЬОРУСЬКОГО ПОДОЛУ КИЄВА

Процес формування та функціонування Києво-Подільських кладовищ тісно пов'язаний з історією як вказаного району, так і столиці давньоруських земель в цілому.

I. Дружинна доба (кінець IX—X ст.). У IX ст. Київ стає політичним центром східнослов'янських племен, перетворюється на значний торговельно-ремісничий центр Східної Європи. Тоді він складається з безпосередньо міста — великої прибережної частини — Подолу та невеликої укріпленої частини — Дитинця. Напередодні офіційного прийняття християнства Руссю, міський могилище розташовувався на київських горах — Старокиївському плато (Некрополь I за М. Каргером). Він налічує 127 інгумацій та 11 кремацій. Переважна більшість поховань дружинної доби здійснена за обрядом інгумації і саме ця традиція є панівною для Києва цієї доби. Цілком імовірно, цей великий некрополь на території майбутнього «міста Ярослава» формувався за рахунок населення саме цього району.

II. Державна доба (XI ст. — 1240 р.). Після прийняття християнства у 988 р. більшість київських поховань здійснюється на міських кладовищах, які функціонують при парафіяльних та княжих церквах, на території монастирів. Серед поховальних споруд виділяються аристократичні (саркофаги та плінфові гробниці) й рядові (дерев'яні домовини та поховання без домовин).

Подільські могилища відіграють значну роль у формуванні міської структури середньовічного Києво-Подолу. Очевидно, що більшість мешканців Подолу ще в XI ст. продовжували ховати своїх небіжчиків на Київських горах, хоча перші, археологічно зафіксовані по-

дільські кладовища давньоруського часу, датуються першою половиною XI ст. Вони розташовувалися на крайніх точках району (останця), які через заболоченість і загрози повеней вважалися малопридатними для життя. Такі могилища виявлені на горизонтах, де на момент функціонування кладовища не існувало плануальної садибно-вуличної системи з елементами масової забудови (житлових та господарських споруд, парканів, вулиць). С. Тараненко запропонував застосувати термін — «**окраїнні могилища**». Саме таку картину відображає сучасна геодезична карта Подолу — могилища розташовані майже строго за контуром конусоподібного останця, на основі якого сформувався цей район міста.

Палеоантропологічні аналізи кісткового матеріалу із зазначених могилищ, проведені О. Козак, показали цікаві результати. Цілком вірогідно, що на «окраїнних» могилищах Подолу Києва ховали представників нижніх соціальних верств давньоруської столиці: портових робітників та особисто залежних людей. Цілком вірогідно, ці люди не були тубільними мешканцями Києва, а набиралися за рахунок сільського населення Київської землі. Швидше за все, переважна більшість могил на «окраїнних» могилищах належала людям нижчих соціальних верств давньоруського Києва (незможним киянам, портовим робітникам, особисто залежним людям).

У XII ст. ситуація на Подолі корінним чином змінюється — настає загальна стабілізація тектонічної ситуації в регіоні, яка у поєднанні зі швидким соціально-економічним розвитком Києва призводить до збільшення території Нижнього міста. Відбуваються

відчутні зміни і у світогляді, вони пов'язані із подальшим проникненням християнства у поховальні традиції киян — могильники проникають на територію міста. На Подолі зводяться нові церкви, в тому числі і кам'яні, виникають нові кладовища. «Окраїнні» могильники Подолу у більшості своїй зникають під житловими кварталами міста, яке постійно розрос-

тається. Ці процеси добре фіксуються в стратиграфії культурних горизонтів давньоруського Подолу.

Динаміка функціонування подільських могильників давньоруського часу та їх місце в планувальній структурі міста простежувалися на основі відомих нам матеріалів, тому не виключено, що наступні археологічні дослідження внесуть корективи в запропоновану авторами схему.

В. А. Калініченко (Чернівці)

ШИЛОВИДНІ НАКОНЕЧНИКИ СТІЛ: ПРОБЛЕМА ПОЛІВАРІАНТНОСТІ ТА ІНТЕРПРЕТАЦІЇ (за матеріалами Прутсько-Дністровського межиріччя)

Одними із найбільш рідкісних видів наконечників стріл є шиловидні проникателі малих енергій, які у зв'язку з еволюцією захисного озброєння та обладунку змінювалися та еволюціонували, а отже виникла проблема поліваріантності та їх примінення загалом, і власне інтерпретації їх в подальшому, зокрема в балістичній справі.

Отже, загалом, нині на території Буковини зафіксовано 14 знахідок шиловидних броньбійних наконечників стріл. Зброя даного типу загалом, за типологією А. Медведєва відноситься від типу 90 до типу 95, з коригуванням кожної у зв'язку з формою того чи іншого наконечника.

Тип 1 — шиловидні квадратного перетину з простим упором за А. Медведєвим. Коригування для наконечника з території Буковини: шиловидний черешковий, 6,8–7,4 см, довжина вістря 4,6–5,0 см, ширина однієї грані 0,5–0,7 см.

Тип 2 — шиловидні квадратного перетину в плані без упора. На теренах Сірету — Дністровського межиріччя такі наконечники відомі на городищі в Чорнівці. Коригування для наконечників з території Буковини: шиловидні черешкові, квадратні в плані без упора, похибка на ромбічність форми наконечника присутня. Виявлені такі наконечники на Чорнівському городищі. Довжина їх, в середньому, становила 5,7–6,8 см, довжина головки — 3–3,5 см, ширина однієї грані 0,5–0,6 см.

Тип 3 — дослідник І. Возний відносить даний наконечник стріли до типу 93 за класифікацією А. Медведєва — шиловидні ромбічного перетину з простим упором, та на нашу думку, даний наконечник відноситься до типу 90. Коригування: шиловидні, черешкові, квадратні в плані без упора з ромбоподібним загостренням бойової головки. На теренах Сірету — Дністровського межиріччя такі наконечники відомі на городищах у Чорнівці, Недобоївцях, Зеленій Липі. Довжина їх в середньому становила 6,8–7,4 см, довжина вістря 4,6–5,0 см, ширина однієї грані 0,5–0,7 см.

В. В. Колода (Харьков)

ЖИЛИЩА РОМЕНСКОГО ГОРОДИЩА ВОДЯНОЕ

Городище Водяное находится в Змиевском районе Харьковской области между селами Водяное и Красные Поляны в урочище Холодный Яр на одном из господствующих мысов, что на 50 м возвышается над поймой правого берега реки Уды. Оно состоит из двух линий укреплений: внешней (скифского времени) и внутрен-

Тип 4 — вузькі шиловидні чи пірамідальні квадратного і ромбічного перетину з перехватом біля черешка. Коригування: вузькі шиловидні черешкові, квадратного перетину з простим упором та з перехватом біля черешка. Відомі такі вістря стріл з матеріалів городищ у Чорнівці та Зеленій Липі. Довжина їх становила 7,4 см, довжина головки 5,0 см, ширина 0,5 см.

Говорячи про балістичний аспект даного типу зброї дальнього бою, який відіграє головну роль в інтерпретації шиловидних наконечників стріл, слід сказати, що він потребує ретельного вивчення, що знову ж таки і є нашим подальшим завданням, та хотілося б поставити низку проблем, які потребують нагального вирішення. Перш за все, хто стріляв шиловидними броньбійними наконечниками стріл: нападник чи захисник? На нашу думку, очевидно, що захисник городища, який захищений в першу чергу інженерними фортифікаціями, проти яких даний тип стріл немає сенсу використовувати. Далі, чи можуть знахідки шиловидних наконечників стріл свідчити про те, що ними обстрілювалися лише броньовані цілі? Напевне ні, так як основною відмінністю даних наконечників стріл від інших і є в тому, що вони не викликають рикошету на будь-яких кутах зустрічі з броньованою ціллю. І ще виникає питання, чи являється шиловидний наконечник стріли технологічно більш складним та дорогим виробом, ніж наприклад, листовидний наконечник чи зрізень? Безумовно, що так, адже при його виготовленні, на відміну від останніх типів, для балансу стріли в польоті потрібно забезпечити симетрію перемінного перетину металу одразу у двох перпендикулярних площинах.

Таким чином, ці декілька проблем є подальшим нашим завданням для вирішення, з використанням аналогій та розрахунків розмірів шиловидних броньбійних наконечників стріл. Тому, підводячи підсумок, слід сказати, що шиловидні броньбійні наконечники стріл несуть неабияку цінність для складення ретроспективи історичного минулого краю. Тому вивчення їх буде продовжено.

ней (раннесредневековой). В конце I тыс. н. э. группой северян была заселена лишь северо-восточная оконечность мыса, ограниченная более поздним валом. В исследовании памятника в разное время приняли участие: Н. Фукс, И. И. Ляпушкин, Б. А. Рыбаков, Б. А. Шрамко. Последний раскопал здесь первое роменское жилище

(1951). Исследованиями Средневековой экспедиции ХНПУ имени Г. Сковороды в 2002–2003 гг. здесь на средневековой части памятника изучено ≈ 2500 кв. м, что составляет ее большую половину. В целом, ранне-средневековая (роменская) часть памятника датируется X – серединой XI вв. К настоящему времени здесь выявлено 11 углубленных жилищ.

Большинство из них (≈ 64 %) имеют квадратную форму котлована. Они заглублены в супесчаный грунт на 1,0–1,65 м, однако глубина половины из них (≈ 55 %) составляет 1,5–1,65 м. Площадь котлована в среднем составляет ≈ 17 кв. м, при этом, минимальное значение составляет 8,4 кв. м, а максимальное – 23,5 кв. м. Конструкция стен традиционна для роменских жилых построек: каркасно-столбовая с применением плах толщиной до 0,1 м и срубная (средний $\varnothing = 0,15$ м) в приблизительном соотношении 1:1. Форма крыши, как правило, не поддается реконструкции, но там, где ямки от столбовых опор позволяют это предположить, можно говорить, скорее всего, об односкатной кровле и, как исключении, – о двускатной. Лишь в трех помещениях отчетливо прослеживался вход, а еще в 4 – предположительно. В одном случае зафиксированы сени (навес), единожды – внутренняя хозяйственная яма. В половине котлованов зафиксированы материковые полочки-останцы, большинство из которых связано с уровнем крепления стен жилого пространства.

Подвальная часть построек (80 %) оснащена единственным обогревательным устройством. В двух случаях их фиксируется два. Практически все они размещались в углу (в одном случае – у стены). 10 отопительных устройств – это печи различной конструкции: четыре печи имели условно кубическую форму и были вырезаны из материкового останца; две печи

были глинобитными сводчатыми и располагались на полочке-останце; по одному разу встретились – печкамин, глинобитная с добавлением камня на останце или на полу, глиняная на искусственно сформированном глиняном останце. Половина печей несут на себе явные следы ремонта или перестройки.

Три очага имели различную форму и конструкцию: в нише на уровне пола, углубленная ямка треугольной формы, на материковом останце с приочажной ямой.

В половине случаев при изучении печей и в одном случае при расчистке очага фиксируются глиняные вальки и конусы различных размеров, которые использовались как материал для изготовления или ремонта отопительных устройств.

В целом, на рассматриваемом памятнике представлено практически все разнообразие вариантов жилищного домостроительства и интерьера, свойственного роменским (северянским) памятникам Северского Донца. В этом заключается одна из особенностей городища Водяное, так как на иных памятниках роменского ареала домостроительство более «стандартизировано». Возможное объяснение этого феномена сводится к нижеследующему. Городище Водяное располагалось на ЮЗ границе славянского мира в пределах контактной зоны с населением Хазарии (ближайшее синхронное обширное салтовское селище находится в 1 км к востоку от него). Заселение этого края было для славян весьма рискованным предприятием. Поэтому в данном случае вряд ли можно говорить о планомерном организованном переселении сюда какой-то цельной родовой общины. Скорее всего, это были выходцы из различных роменских общин, составивших впоследствии соседскую общину городища Водяное.

В. В. Корниенко (Киев)

НОВОЕ СВИДЕТЕЛЬСТВО РУССКО-ФИНСКИХ КОНТАКТОВ XI в.

Во время планомерных исследований эпиграфики Софийского собора в западной внутренней галерее храма на фреске с образом св. Эфиопа была обнаружена надпись XI в., в которой упоминается народность емь (хяме), жившая на севере Финского залива.

Поверхность стены в месте расположения надписи повреждена мелкими выбоинами и царапинами, местами сильно затерта, однако все буквы подлежат уверенной идентификации, а текст читается следующим образом:

Господи, помози рабу своему Осъеви, тому, который писал, идя в емь, Борисову повару Вячеславовича.

Выполненная по традиционной формуле молитвенная надпись примечательна тем, что в ней подается расширенная информация относительно Осии, ведь обычно авторы ограничиваются указанием своего имени.

Из текста узнаем, что Осий (Июсия) был поваром Бориса Вячеславовича и выполнил надпись перед походом в емь (хяме). В факте участия в походе повара князя нет ничего удивительного, например, летопись под 1015 г. упоминает повара Торчина, убившего Глеба Владимировича.

Упоминание в тексте имени Бориса Вячеславовича позволяет максимально ограничить возможное время выполнения этой надписи. Письменные источники называют только одного князя с таким именем, погиб-

шего в битве на Нежатиной Ниве 3 октября 1078 г. Борис был сыном полоцкого князя Вячеслава-Меркурия Ярославича. О времени рождения князя информации нет, точно можем сказать, что он родился не позднее 1058 г., так как его отец умер в 1057 г. Полагают, что этот княжич мог появиться на свет вскоре после прославления братьев-мучеников при его деде Ярославе Владимировиче, т. е., в начале 50-х гг. XI в.

Итак, надпись датируется в пределах 50–70-х гг. XI в. Такая датировка не противоречива ни с точки зрения палеографии, ни с точки зрения древнерусской лингвистики.

Второй особенностью надписи является упоминание, что Осий выполнил ее, прося Господней помощи «идя в емь». Емь (хяме), как свидетельствуют данные летописи, попала в орбиту интересов Киевской Руси в правление деда Бориса Ярослава Владимировича. Именно при этом князе в 1042 г. Владимиром Ярославичем, дядькой Бориса, был совершен успешный поход на емь. Вряд ли в этом походе мог участвовать повар Бориса Вячеславовича Осия, ведь первый к тому времени еще не родился.

Таким образом, надпись на стене Софии Киевской свидетельствует о еще одном походе на финские племена, не упоминаемом летописью, состоявшемся, вероятнее всего, в 50–60 гг. XI в.

С. В. Омельяничук (Владимир)

ОСОБИСТІ ВІДНОСИНИ МІЖ НЕПРЯМИМИ РОДИЧАМИ У ДАВНІЙ РУСІ

У Давній Русі до кола непрямих родичів належали особи, що мали спільне походження (брат, сестра, стрий (дядько по батькові); уй (дядько по матері); тітка; бру-тучада (небіж по братові); «братання дочи» (небога по братові); «нетин сестрич» (небіж по сестрі), а також ті, що породичалися шляхом шлюбу: свояки (невістка, зять, тесть, теща, свекор, свекруха, дівер, зовиця, шурин, ятровь, мачуха, вітчим, пасинок, падчерка).

Серед бічних родичів найближчими вважалися брати. Саме на них, а потім вже на інших членів родини Руська Правда покладала обов'язок кровної помсти. У стосунках між братами існувала сувора ієрархія, яку очолював старший брат. У випадку смерті батька, саме до нього переходило старшинство у роді. Так Святослав Всеволодович Чернігівський в 1181 р. так казав своїм братам: «Вы ведаете, что я старший брат Ярославу, а Ярослав старше Игоря и я вам вместо отца».

Сестра не вважалася повноправним членом родини, тому в разі смерті батьків підпадала в залежність від братів. Вони отримували право вирішувати її долю, особливо в питанні заміжжя. Так, великий князь Ярослав Мудрий розпорядився майбутнім своїх сестер Предслави і Доброгніви (Марії).

Не зважаючи на те, що брати досить часто зловживали своєю владою щодо сестер, у відносинах між ними залишалася місце для любові, турботи та взаємодопомоги. Саме Предслава повідомила своєму брату Ярославу Мудрому про небезпеку, що очікувала його з боку Святополка Окаянного. Князівна Рогнеда, умовляла свого брата кийвського князя Ростислава Мстиславича, який сильно захворів під час подорожі, не їхати до Києва, а залишитись в Смоленську до повного одужання.

Стосунки між дядьками і племінниками будувалися на основі фізичного старшинства. У випадку смерті батька сам дядько отримував батьківські повноваження щодо племінників. Хоча небожі інколи вступали у боротьбу із своїми дядьками, вони, як

вважає С. М. Соловійов, майже ніколи не наважувалися виставляти свої родові права, а їх домагання ґрунтувалися на випадкових обставинах. Вони поступалися правам дядьків, які в свою чергу часто свавільно виключали племінників із «старшинства», позбавляючи їх не лише батьківських, а взагалі будь-яких земель.

Відносини між свояками склалися по-різному. Особливо тяжким могло бути становище невістки, яка потрапляла у нерозділену родину. Частіше за все вона займала підлегле становище і могла страждати як від жорстокості і свавілля свого чоловіка, так і від нападів з боку його батьків. Але з часом господинею в домі ставала невістка, і тоді вже для свекрухи наставали тяжкі часи. Церковний Статут князя Володимира згадує про такий злочин, як побиття свекрухи невісткою.

Але були родини, в яких стосунки між невісткою і батьками чоловіка будувалися на основі взаєморозуміння. Наприклад, свекри княгині Верхуслави Всеволодівни допомагали їй у вихованні дочки Єфросинії.

В роді Рюриковичів тесть по відношенню до зятя володів правами батька. Як і інші родичі, тесть і зять могли ворогувати один з одним. Суперництво Ярослава Всеволодовича з тестем, новгородським князем Мстиславом Мстиславичем, закінчилося тим, що Мстислав розірвав шлюб своєї дочки з Ярославом. Але були приклади інших стосунків. У 1193 році Ростислав Рюрикович з дружиною Верхуславою всю зиму гостювали у тестя суздальського князя Всеволода Юрієвича. І тільки навесні Всеволод «одарив дарами многими и со честию великою зятя своего и дчерь свою и отпусти».

Таким чином, у Давній Русі відносини між непрямими родичами будувалися на ґрунті старшинства. Відсутність необхідного законодавчого регулювання в цьому питанні часто приводила до суперечок і зіткнень, які все ж таки іноді пом'якшувалися теплою родинних відносин.

И. А. Прохненко (Ужгород)

ПРОНИКНОВЕНИЕ ПЕЧЕНЕГОВ В ВЕРХНЕЕ ПОТИСЬЕ

Среди кочевнических погребений Карпато-Дунайского ареала значительную группу составляют памятники, определенные в научной литературе как древности венгров. По свидетельствам письменных источников, эти племена проникли внутрь Карпатской дуги в конце IX в., довольно быстро осели на новых землях, а в начале XI в. организовали раннефеодалное государство — Венгерское королевство. Отрезок времени от проникновения до создания политического образования получил в историографии название периода «завоевания отчизны», а все памятники кочевников ареала X—XI вв. были определены как венгерские без учета многоплеменного состава проникшей орды, участия в последующем формировании скотоводческого населения уже занимавших эти земли «поздних аваров» и инвазии новых групп кочевников.

Территориальные различия в обряде захоронения и погребальном инвентаре «венгерских памятников» позволяют разграничить их на две значительные группы. Первая связана собственно с венграми, занявшими на начальном этапе проникновения земли Среднего Потисья. Вторая представлена древностями Верхнего Потисья, для которых характерен вещевой набор более позднего времени, чем рубеж IX—X вв., происходящий с расположенных восточнее Карпат территорий. Попытки объяснить эту особенность торговыми связями с проживающим за горами населением успеха не принесли. Все материалы четко указывают на проникновение в Верхнее Потисье во второй половине X в. группы кочевников, не связанной с венгерским переселением.

На основании конкретизации хронологии и маршрута движения кочевников в северную часть Потисья можно утверждать, что новое население проникло на

земли региона через Верецкий перевал с Северного Причерноморья, где, по свидетельствам письменных источников, в X в. локализовались печенеги.

На сегодняшний день проникновение этих племен в Потисье сомнений не вызывает, однако остается целый ряд нерешенных вопросов, связанных с установлением хронологии, характера, причин и масштабов этого события, а также дальнейшей судьбы племен, перекочевавших из причерноморских степей за Карпаты.

Характерные для печенежской культуры Карпато-Дунайского ареала вещи определяются проникновением с расположенных на восток от Карпат территорий через северо-восточные перевалы во второй половине X в. Наиболее яркими примерами выступают использованные в качестве монист арабские дирхемы, серги екимауцкого типа, бусы из керамических бусин, застёжки сумочных ремней черниговского типа, пластинчатые сумочные бляхи типа Веч, орнаментированные растительным орнаментом бляхи для крепления волос, палаши и сосуды-крынки.

Распространение характерного для печенегов Верхнего Потисья инвентаря на востоке от Карпатской дуги позволяет установить механизм попадания к ним различных вещей в ходе конкретных исторических событий. Это и контакты печенегов с Хазарским каганатом накануне его разгрома, и уничтожение ими в 80-х гг. X в. тиверских городищ Пруто-Днестровского междуречья, и убийство в 972 г. князя Святослава и его дружины.

В ходе передвижения кочевников с Причерноморья, на их разрозненные отряды перед горными перевалами напала дружина князя Владимира, осведомленного о перемещении племен. Хронологически эти события связаны с походом князя на города Перемышль и Червен в 981 г., а свидетельством нанесенных ударов были клады арабских дирхемов, оставленные номадами возле Карпат (Галич, Перемышль, Хустский р-н). Археологические материалы позволяют утверждать, что большая часть кочевников все-таки достигла Верхнего Потисья, ставшего основной территорией их оседания в Карпатском бассейне.

В. Е. Родинова (Москва), А. Н. Егорьков (Санкт-Петербург)

КЛАД РАННЕСРЕДНЕВЕКОВОГО ВРЕМЕНИ ИЗ СУДЖИ-ЗАМОСТЬЯ И СОСТАВ МЕТАЛЛА ЕГО АРТЕФАКТОВ¹

В сентябре 2009 г. на берегу р. Суджа (правый приток р. Псел, левого притока р. Днепр) на территории слободы Замостье, которая входит в черту современного г. Суджа Курской обл., был найден клад, который поступил на хранение в Суджанский районный краеведческий музей. Он состоит более чем из 500 предметов из металла, стекла и камня, в основном принадлежностей мужского и женского уборов. В клад входят также изделия, связанные с воинским снаряжением: накладки на Р-образные скобы и, возможно, металлические обкладки ножен мечей или кинжалов. Большинство вещей имеют следы длительного использования и ремонта, многие фрагментированы. Особенностью комплекса является наличие в его составе значительного количества металлического лома.

Большая часть изделий из Суджи-Замостья относится к так называемым древностям антов I группы или изделиям круга Мартыновского клада, бытовавшим в Среднем Поднепровье и на Днепровском Левобережье с конца VI/рубежа VI–VII до середины/третьей четверти VII в. Присутствуют в рассматриваемом комплексе, однако, и предметы, имеющие иную хронологическую и культурную принадлежность. В частности, один из браслетов находит аналогии среди раннесредневековых украшений Юго-Восточной Прибалтики, другой — на городище Никодимово в Беларуси. Аналогичные суджанским литые двупластинчатые фибулы — подражания составным двупластинчатым застёжкам с накладками — на территории Поднепровья датируются второй половиной V в. В районе Дюрсо составные двупластинчатые фибулы с щитками, близкими по форме щиткам экземпляров из Суджи-Замостья, доживают до VI в. Орнамент

из рельефных пирамидок, отмеченный в кладе на трех прямоугольных накладках, характерен для украшений ряда «лесных» культур Восточной Европы второй половины V–VI в. Найденный во фрагментах пластинчатый головной венчик принадлежит массиву изделий, сопровождающих восточноевропейские украшения с выемчатыми эмальями, основной период существования которых приходится на вторую половину II–III в.

Редкая для Поднепровья находка — обнаруженные в комплексе из Суджи-Замостья фрагменты византийского серебряного блюда с клеймом, предположительно императора Константина IV (668–685)². Она определяет *terminus post quem* сокрытия днепровских раннесредневековых кладов I группы, подтверждая предложенную ранее датировку этого события — середина/третья четверть VII в.

Состав металла предметов клада — всего методом оптико-эмиссионной спектрографии проанализировано 128 проб — в целом типичен для комплексов такого типа. Особенности состоят в том, что состав свинцово-оловянных сплавов (проанализировано 5 проб) достаточно однороден: в четырех случаях преобладает олово, но в целом содержание свинца не опускается ниже 30 % (в образце с наибольшим содержанием меди), а там, где преобладает свинец, содержание олова 44 %.

Сплавы на медной основе представлены в Судже-Замостье латунями, чаще всего сплавленными со свинцово-оловянной лигатурой. При этом введение свинцово-оловянной лигатуры осуществлено здесь, в отличие от других подобных кладов, в меньшей степени, что можно расценивать как указание на меньшую необходимость экономить латунь.

¹ Работа выполнена при поддержке РГНФ, проект «Древности эпохи Великого переселения народов на р. Суджа: комплексное изучение региона» № 12-01-00266.

² Клеймо было определено В. Н. Залесской, которой авторы выражают искреннюю признательность.

В биллонах чаще всего также присутствуют цинк, олово и свинец, свидетельствующие о том, что серебро было сплавлено с латунию, которая, в свою очередь, была сплавлена со свинцово-оловянной лигатурой. Исключение составляют три фрагмента византийского блюда, изготовленные из серебра, в котором основ-

ными примесями были медь и свинец, а цинк отсутствовал вовсе.

Дальнейшее изучение клада из Суджи-Замостья представляется весьма перспективным для более глубокого понимания различных сторон экономической и социальной жизни раннесредневекового населения Поднепровья.

В. Е. Родинкова, И. А. Сапрыкина, С. А. Сычева (Москва)

РАННЕСРЕДНЕВЕКОВЫЕ КЛАДЫ ПОДНЕПРОВЬЯ: ТРАДИЦИОННЫЙ ВЗГЛЯД И НОВЫЕ ДАННЫЕ¹

Один из феноменов исторического развития Поднепровья в раннесредневековое время — его насыщенность кладами ювелирных изделий, преимущественно мужских и женских украшений и предметов убора. Большинство исследователей считают их элементами элитарной культуры, но высказывалось и мнение о принадлежности этих вещей рядовому населению. Днепровские раннесредневековые клады разделяются на две хронологические группы: в первую входят сокровища типа Мартыновского, во вторую — типа Пастырских кладов. Скрытие комплексов более ранней «мартыновской» группы произошло в рамках сравнительно узкого временного отрезка — второй-третьей четвертей VII в. Наиболее распространена сегодня точка зрения, впервые высказанная Г. Ф. Корзухиной, согласно которой рассматриваемые клады связаны с поселениями раннеславянских племен и были скрыты в момент опасности. Такой опасностью принято считать военные действия. О. А. Щеглова видит их причину в набегах болгар, И. О. Гавритухин и А. М. Обломский — в продвижении на территорию, отмеченную кладами, нового населения и последовавшей здесь смене культурных традиций. В. Е. Родинкова считает, что поскольку на поселениях свидетельства военных действий (например, следы пожаров) не зафиксированы, катастрофическими происходившие события были только для элиты местного общества, спрятавшей свои богатства.

Есть, однако, и другие точки зрения. Так, М. Ю. Брайтчевский полагал, что днепровские раннесредневековые клады не являются отражением нестабильной политической и этнической ситуации, они — лишь способ хранения материальных ценностей, которые могут быть извлечены из земли в любой момент. Ф. Курта считает подобные комплексы votivными приношениями, связанными с обрядами посвящения, закрепления статуса и др., совершавшимися в труднодоступных местах.

Контекст большинства раннесредневековых кладов Поднепровья неизвестен, но в тех случаях, когда уда-

валось обследовать места их обнаружения, был выявлен культурный слой, содержащий в том числе раннесредневековые материалы.

Новые данные были получены в результате исследований, проведенных на месте случайной находки в 2009 г. клада «мартыновского» типа в слободе Замостье на территории г. Суджа (Курская область, Россия). Он состоит более чем из 500 предметов из металла, стекла, камня, датирующихся в широком интервале от II—III до VII в. Особенность комплекса — наличие в нем большого количества металлического лома и изделий, имеющих следы длительного использования и ремонта. По словам находчика, вещи образовывали несколько скоплений, залежавших на разной глубине. Археологическое обследование показало, что культурный слой в месте обнаружения клада отсутствует.

Клад был открыт в низкой пойменной части р. Суджа, русло которой сильно меандрировано, на оконечности дюны, на сухом участке, расположенном примерно в 10 м от воды. Однако в древности ландшафтная ситуация здесь, вероятно, отличалась от современной. Результаты почвоведческих исследований и находки раковин живущих в воде моллюсков свидетельствуют, что эта территория могла периодически затапливаться, хотя паводки не были продолжительными и не носили катастрофического характера.

Из рассматриваемого региона происходит еще один клад «мартыновского» типа, найденный примерно в 5 км от клада в Судже-Замостье, у д. Куриловка. Следует подчеркнуть, что он зафиксирован в кардинально ином, в том числе ландшафтном, контексте — в культурном слое, предположительно, многослойного поселения, расположенного на высоком берегу р. Суджа.

Полученные данные позволяют поставить вопрос о различиях в характере днепровских раннесредневековых кладов «мартыновской» группы, причинах и условиях их выпадения и более внимательно рассмотреть «альтернативные» интерпретации этого явления.

М. С. Сергеева (Київ)

МАТЕРІАЛИ ДО ІСТОРІЇ ДЕРЕВООБРОБНОЇ СПРАВИ У ДАВНЬОРУСЬКОМУ МІСТІ ВОЇНЯ (ВОЇНСЬКА ГРЕБЛЯ)

Дослідження давньоруського міста Воїня (Воїнська Гребля, тепер Черкаська обл.) у 1956–1959 рр. дали багато матеріалів для вивчення деревообробної справи на території Південної Русі. Виявлено залізни знаряддя праці, пов'язані з деревообробкою, деякі кри-

пильні деталі (цвяхи, скоби, корабельні заклепки), а також залишки виробів з дерева.

Найбільш численною категорією дерев'яних речей є посуд XII ст. Виділяється столовий та кухонний посуд, а також тара.

¹ Работа выполнена при поддержке РГНФ, проект «Древности эпохи Великого переселения народов на р. Суджа: комплексное изучение региона» № 12-01-00266.

Столовий посуд за технікою виготовлення розділяється на точений на токарному верстаті та різьблений. Точені посудини переважають. Характерним для цієї групи є лінійний орнамент. В окремих випадках вдалося простежити таку деталь, як нанесення тоненьких вістря передньої розмітки для декору.

Кухонний посуд репрезентований глибокими різьбленими товстостінними посудинами. Серед них виділяється екземпляр, орнаментований уздовж вінець канелюрами, виконаними широким різцем.

Тарні ємкості належать до бондарських виробів: бочки або діжки та відра. Бочки репрезентовані фрагментами клепок, днищ і дерев'яних обручів, відра — залізними деталями: дужками, вушками, фрагментами обручів тощо.

Крім посуду виявлено окремі деталі хатнього обладнання (ймовірно, меблів), фрагментовану ручку ножа з металевою оковкою, ткацький гребінець, фрагмент веретена та човника для ткацького верстату.

Сировинна база для деревообробки у Воїні є традиційною для Середнього Подніпров'я. У будівельній справі використовували сосну та дубову деревину, при цьому дуб серед визначених залишків будівельних конструкцій цілком переважає. Матеріал для деталей хатнього обладнання — ясен. Основна сировина для бондарських виробів, зокрема діжок — сосна. Великі кухонні посудини вирізані з липи. Сировина для виготовлення точеного посуду обмежена деревиною

клену та ясеню, яким давньоруські токарі з Середнього Подніпров'я взагалі віддавали перевагу. З клену виготовлена також переважна більшість різьбленого столового посуду і ткацькі прилади (гребінь, човник).

Деревообробна справа об'єднує кілька ремісничих спеціальностей, не пов'язаних одна з одною, а отже правомірно говорити про окремі деревообробні ремесла.

Теслярське ремесло характеризують знаряддя праці і залишки дерев'яних споруд. Значення Воїня як однієї з оборонних фортець на кордоні Руської землі передбачає активну діяльність професійних артілей теслярів, які відповідали за систему укріплень.

Принципове значення для реконструкції давньоруського суднобудування мають знахідки у Воїнській Греблі заклепок, які пов'язані з північноєвропейською традицією спорудження суден з дощатою клінкерною обшивкою, з'єднаною залізними заклепками кораблів. Роль Воїня як гавані могла обумовлювати участь місцевих теслярів принаймні у ремонтванні таких суден.

Матеріали з Воїня свідчать також про роботу у місті бондарів, різьбярів, токарів.

За характером виконання виробу і технікою орнаментативної роботи можна вважати роботою одного майстра принаймні частку столового посуду — як токарного, так і різьбленого. Відзначимо посудини, марковані особистими знаками. Отже правомірно поставити питання про діяльність у місті окремих ремісників — спеціалістів у різьбярській та токарній справі.

С. П. Тараненко (Київ)

ГІДРОЛОГІЯ ДАВНЬОРУСЬКОГО ПОДОЛУ КИЄВА ЗА АРХЕОЛОГІЧНИМИ ДАНИМИ

Гідрологія Подолу Києва, безпосередньо залежить від основної водної артерії — Дніпра. В давньоруський час, як загально відомо, Поділ з північної та північно-східної сторони омивався водами Почайни, яка до XVIII ст. була притоком Дніпра. Про водні артерії X—XIII ст., що мали відношення до Подолу, вкрай мало інформації. Писемні джерела нам вказують на Дніпро, Почайну, Юрковицький ручай та Сетомль. За майже вісімдесятирічну історію досліджень Подолу Києва зафіксовано шість випадків археологічної фіксації водотоків.

1. Житній ринок, 1973 р. Південно-західною межею всіх виявлених на розкоп Житнього ринку садиб був безіменний струмок, який чітко визначився вже на рівні першого (з досліджуваних) будівельного горизонту. З боку струмка садиба А мала своєрідну огорожу з дощок, поставлених по довжині одна на одну і укріплених вертикальними палями. Аналогічна берегова обшивка виявлена і в ряді інших місць. Шарова структура дна і надзвичайна його ущільненість свідчили про тривале функціонування струмка, який проходив під Замковою горою і перерізав увесь Поділ.

2. Вул. Волоська, 17–19, 1974 р. Садиба XII ст. з північного боку була огорожена міцним парканом з обоплів, що огорожував садибу з боку струмка. Топографічні дані дозволяють припустити, що це той самий струмок, який було досліджено на Житньому ринку.

3. Вул. Жданова, 6–8 (вул. Сагайдачного), 1975 р. Два зруби розташовувалися на протилежних берегах невеликого (шириною до 4 м) струмка, що тік в напрямку Дніпра. На досліджуваній ділянці зафіксовані залишки парканів, які відділяли садиби від струмка.

4. Вул. Героїв Трипілля, 21 1987 р. На відстані 3,8 м від між садибного паркану зафіксовано русло ручая шириною 3,3–3,5 м. Русло заповнене піском більш крупним в нижній, придонній частині з включенням окатаних грудок глини та щебеню. Південно-східніше русла простежено горизонтальні тонкі прошарки деревинного тліну (не менше трьох). Очевидно, це були гідротехнічні споруди по укріпленню берега, аналогічні знайдено в траншеї та котловані за адресою: вул. Волоська, 18–20, вул. Почайнинська, 18, вул. Хорива, 40.

5. Вул. Юрківська, 12/59, 1992 р. Періодично функціонував потужний водоток, який протікав з півдня — південного заходу на північ — північний схід, який можна ототожнювати із Юрковицьким ручаєм. Активність водотоку була настільки потужною, що він проклавав собі русло глибиною близько 1,5 м і шириною близько 6 м і змив значну ділянку давньоруських культурних відкладів.

6. Вул. Оболонська, 5, 1992 р. Під час дослідження було виявлено п'ять водотоків, які перекривали один одного, та інколи міняли русло.

Природа зміни русел малих річок та ручаїв, ще до кінця не вирішена. Хоча існує суперечлива думка, висловлена А. Занкіним, що всі невеликі водотоки на Подолі це сільові делювіальні потоки.

Вивчення гідрологічної ситуації в місті, є вкрай важливим. Практично всі дослідники давньоруського Подолу підкреслюють безпосередній вплив ландшафту на формування та розвиток планувальної структури поселу. Характерною рисою планувальної структури слід вважати розташування садиб вздовж невеликих водотоків.

ХАЗАРСКИЕ ДРЕВНОСТИ

В. С. Аксенов (Харьков)

К ВОПРОСУ О ПОГРЕБЕНИЯХ С РАЗРУШЕННЫМИ КОСТЯКАМИ НА КАТАКОМБНЫХ МОГИЛЬНИКАХ САЛТОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ ПОДОНЕЧЬЯ

В последнее время вышло ряд работ, которые подвергают сомнению гипотезу В. С. Флерова о существовании у аланского населения Подонцовья обряда обезвреживания погребенных. Наиболее ревностным противником данной гипотезы является Г. Е. Афанасьев. Проанализировав материалы Маяцкого могильника, исследователь пришел к выводу, что проникновение в катакомбы осуществлялось с целью изъятия металлоемких предметов, т.е. связано с ограблением умерших. Более осторожен в своих высказываниях харьковский исследователь А. А. Лаптев, который рассматривал материалы Верхне-Салтовского IV могильника. Комплекс аргументов, представленных данными исследователями, позволяет развернуть дискуссию, которая даст возможность, по-видимому, найти объяснение присутствию на салтовских катакомбных могильниках захоронений с разрушенными человеческими костяками.

Наши многолетние работы на Верхне-Салтовском IV катакомбном могильнике показали, что наличие двух различающихся по своему составу «массивов» грунта в заполнении дромоса однозначно следует рассматривать как факт преднамеренного повторного проникновения в засыпанный дромос погребального сооружения. При этом в большинстве случаев повторное проникновение в погребальные камеры не было связано с необходимостью совершить подзахоронение, так как для Верхнего Салтова не характерны катакомбы с большим (три и более) числом погребенных. Против подзахоронений говорят и факты не возвращения закладов на их первоначальное место, а нахождение на дне хода повторного проникновения.

Предположение Г. Е. Афанасьева, что разница в заполнении дромоса может быть связана с провалом заклада в камеру и последующим образованием водосборной воронки (пример с катакомбой 1 Афоньевского могильника) следует рассматривать как частный случай. На катакомбных могильниках Верхнего Салтова все зафиксированные провалы располагались непосредственно над погребальными камерами, а не в районе входного отверстия, как это имело место на Афоньевском могильнике. При этом стратиграфия

заполнения части дромоса, примыкающая ко входу в погребальную камеру, свидетельствует о ее преднамеренной засыпке людьми, а не о естественном заполнении затечным грунтом.

Расположение человеческих останков на полу погребальных камер Верхнего Салтова, присутствие отдельных частей человеческого скелета и вещей в заполнении камеры (на разном уровне от ее дна) и в заполнении хода повторного проникновения не может быть результатом гидродинамических процессов в грунте, как это считает Г. Е. Афанасьев. Смещение костных останков в погребальных камерах однозначно указывает на преднамеренные действия, совершенные людьми спустя какое-то время после совершения захоронения. Нарушение целостности верхней части человеческого костяка при сохранении анатомического порядка костей ног не может быть объяснено разными стадиями естественного процесса разрушения трупа в условиях закрытой, но не засыпанной землей погребальной камеры.

Вывод Г. Е. Афанасьева, что разрушения скелетов в катакомбах Маяцкого могильника сопровождались преднамеренными действиями по изъятию металлоемких предметов из погребальных камер, т.е. ограблением умерших, не подтверждается материалами других катакомбных некрополей. Так, в захоронениях с разрушенными костяками Верхнего Салтова присутствуют не только металлоемкие предметы, но и предметы из благородных металлов (золотые и серебряные серьги, серебряные перстни, браслеты, элементы поясной гарнитуры, серебряные арабские монеты). Подобная ситуация прослеживается и по материалам Дмитриевского могильника.

Таким образом, на сегодняшний момент присутствие на катакомбных могильниках следов повторного проникновения в погребальные сооружения аланского населения следует признать достоверным фактом. Однако остается не выясненной мотивация проникновения (подзахоронение, ограбление, осквернение, «ритуальное вскрытие», вторичный обряд погребения). Решать данный вопрос, по-видимому, следует конкретно для каждого захоронения с разрушенным костяком отдельно.

В. С. Аксенов, М. В. Хоружая (Харьков)

НАБОРЫ ЛИЧНЫХ УКРАШЕНИЙ НАСЕЛЕНИЯ ЛЕСОСТЕПНОГО ВАРИАНТА САЛТОВО-МАЯЦКОЙ КУЛЬТУРЫ (ЭТНИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

Как свидетельствуют данные этнологии, в архаических коллективах набор украшений выступает зримым этноопределяющим признаком. При этом металлические украшения всегда производились мастерами для конкретных людей и согласно определенной моде. Поэтому набор женских украшений, как правило, распространялся за пределы ареала конкретного этноса вместе с его носительницами. Несмотря на кажущуюся целостность набора личных украшений лесостепного населения СМК Подонья, из него можно выделить несколько комплектов, которые были присущи только конкретной группе населения, принявшей участие в сложении СМК.

Первый набор женских личных украшений состоит: из пары массивных височных подвесок с 14-ти гранной бусиной; одной Т-образной фибулы; массивных браслетов с расширяющимися концами и валикообразным выступом в средней части. Данный набор женских украшений представлен только в погребениях Нетайловского грунтового могильника (№ 164 «Б», 340, 397, 398, 440, 460), которые датируются серединой VIII — началом IX вв. Подобные наборы украшений в VIII — IX вв. происходят исключительно из памятников горной Чечни и Дагестана, что позволяет видеть в части нетайловцев выходцев из этих районов Северо-Восточного Кавказа, т.е. представителей племенного объединения савиров (?).

Второй набор украшений включает серьги, украшенные зернью, с привеской «булавовидной» формы, железную фибулу с широкой спинкой и завитком на конце пятки, простые проволочные браслеты. Данный набор украшений в наиболее полном виде представлен только в салтовских кремационных захоронениях Подонья (Сухая Гомольша, Красная Горка, Кицевка). Комплексы с таким набором личных украшений датируются второй половиной VIII — серединой IX вв. Аналогичный набор личных украшений представлен в кремационных захоронениях Кубано-Черноморского района (могильники типа Дюрсо) второй половины VIII—IX вв. Этническая близость носителей кремационного обряда с территории Подонья и из Кубано-Черноморского района признана в настоящее время

большинством исследователей. Исследователи видят в них представителей тюрского, угорского или адыго-абхазского населения.

Третий набор личных украшений состоит из сережек салтовского типа, бронзовой фибулы с относительно узкой, треугольной в сечении спинкой и небольшим пластинчатым приемником с завитком на его конце, простых проволочных браслетов. Иногда в этом наборе украшений место фибулы занимает «рогатая» пряжка. Такие наборы украшений представлены в катакомбных захоронениях лесостепного Подонья (Верхне-Салтовский, Старо-Салтовский, Рубежанский, Дмитриевский, Маяцкий могильники). Комплексы с данным набором украшений датируются второй половиной VIII — первой половиной X вв. Катакомбные захоронения Подонья связываются с аланским компонентом Хазарского каганата. Различие в наборе украшений — фибула или «рогатая» пряжка, по-видимому, можно рассматривать как присутствие в регионе двух родственных групп аланского населения, выходцев из разных районов Северного Кавказа. Аналогии фибулам и «рогатым» пряжкам из катакомбных погребений позволяют предположить, что в формировании СМК принимали участие выходцы из двух районов Северного Кавказа — Центрального (Кисловодская котловина, Кабардино-Балкария) и Северо-Восточного (Осетия, Ингушетия, Чечня). В настоящее время часть исследователей предполагает, что территорию Кисловодской котловины и современной Кабардино-Балкарии в предсалтовское время занимали аланы племенного объединения «аш-тигор», а территория современной Осетии, Ингушетии и Чечни — аланы племенной группы «авсурки».

Таким образом, анализ личных украшений лесостепного населения СМК позволил выделить наборы украшений, которые можно связать с четырьмя группами раннесредневекового населения, переселившись с территории Северного Кавказа. На новом месте жительства, принесенные с собой наборы личных украшений, постепенно выходят из употребления и заменяются однотипными украшениями уже салтовского типа.

А. А. Иванов (Ростов-на-Дону)

КОТЛЫ С ВНУТРЕННИМИ УШКАМИ ИЗ РАСКОПОК КРЫМСКОГО ГОРОДИЩА В 2006–2011 гг.

Крымское городище относится к числу памятников, имеющих первостепенное значение для изучения салтово-маяцкой культуры нижнедонского региона. Оно расположено в низовьях Северского Донца, на берегу протоки Сухой Донец, у современного х. Крымский.

Несмотря на достаточно продолжительную историю археологических исследований Крымского горо-

дища, памятник, по сути, находится лишь в начальной стадии своего изучения. На этом этапе требуется предварительная оценка характера данного памятника, определение его роли и места в системе поселений и городищ хазарского времени Нижнего Подонья. Одним из важнейших направлений этих исследований является характеристика и анализ керамического

комплекса Крымского городища, в том числе и отдельных категорий керамики.

В период 2006–2011 гг. экспедицией Педагогического института ЮФУ проводились исследования на юго-восточном и юго-западном участках Крымского городища (Раскоп VI и Раскоп VII). Среди многочисленного керамического материала здесь была обнаружена достаточно выразительная серия котлов с внутренними ушками, представленная фрагментами не менее 18 сосудов данной группы, что составило 1,47 % от общего числа находок профильных фрагментов керамики, обнаруженных в ходе работ 2006–2011 гг.

Во всех случаях они представляют собой фрагменты сосудов, имевших достаточно большой диаметр по внешнему краю, от 24 до 35 см. Насколько можно судить по сохранившимся фрагментам, они во многом повторяют форму правленых на круге горшков, тем не менее, их стенки и венчики более массивны. Тесто имеет примесь песка и мелкодробленой дресвы, реже шамота. Во всех случаях такие сосуды несут следы обработки при помощи ручного гончарного круга. Практически все фрагменты украшены по тулову линейным или комбинированным линейно-волнообразным орнаментом. Также достаточно часто они украшались по венчику насечками или оттисками зубчатого штампа. В одном случае линейным орнаментом была покрыта внутренняя поверхность края сосуда. Большинство обнаруженных в период 2006–2011 гг. фрагментов котлов с внутренними ушками имеют выделенную шейку и отогнутый наружу венчик. Лишь только в одном случае сосуд имел высокий вертикальный венчик. Характерной деталью данного типа сосудов являются налепы с отверстиями с внутренней стороны шейки — ушки для подвешивания.

В. И. Квитковский (Харьков)

ЖИЛИЩА С ДВУМЯ ПАРАЛЛЕЛЬНЫМИ СТЕНАМИ НА ЛЕСОСТЕПНЫХ ПАМЯТНИКАХ САЛТОВО-МАЯЦКОЙ КУЛЬТУРЫ

Жилища салтово-маяцкой культуры (СМК), в зависимости от формы их котлованов, принято разделять на круглые (округлые), прямоугольные, квадратные и двухкамерные. Однако во время археологических раскопок лесостепных поселенческих памятников СМК был выявлен ряд комплексов, которые нельзя отнести ни к одной из вышеуказанных групп. К таким сооружениям относятся жилища с котлованами, у которых 2 противоположные стены были параллельны, а торцовые представляют полуовалы¹.

На сегодняшний день на памятниках лесостепного Подонцовья выявлены 4 такие постройки, что составляет около 3 % от общего количества жилых построек СМК региона. Два таких жилища были исследованы в урочище Роганина (Первомайский р-н Харьковской обл.) и по одному на городище Сухая Гомольша и селище Мохнач-П (оба памятника находятся в Змиевском р-не Харьковской обл.).

Во всех случаях ушки имели В-образную форму с двумя отверстиями.

В целом, характеризуя серию находок котлов с внутренними ушками из раскопок Крымского городища, необходимо отметить ряд, на наш взгляд, важных обстоятельств.

Судя по сохранившимся фрагментам, сосуды были изготовлены на достаточно высоком качественном уровне при помощи ручного гончарного круга. Особо следует отметить, что в ходе раскопок на юго-восточном и юго-западном участках Крымского городища лепные котлы с внутренними ушками не обнаружены. Исследуемые участки поселения характеризуются достаточно мощным (свыше 1 м) культурным слоем, все находки фрагментов котлов с внутренними ушками связаны с верхними горизонтами культурных напластований. Все обнаруженные в ходе работ 2006–2011 гг. фрагменты котлов с внутренними ушками составляют типологически однородную серию находок, которую можно охарактеризовать как горшковидные котлы с профилированными плечиками и В-образными ушками.

В работах отечественных исследователей неоднократно отмечалось, что котлы с внутренними ушками характеризуют быт оседающих на землю кочевников. Присутствие серии котлов с внутренними ушками в составе керамического комплекса Крымского городища — крайне важный показатель для его характеристики как памятника, оставленного оседающими на землю кочевниками. Большинство аналогий котлам с внутренними ушками, найденным на Крымском городище, происходит из Приазовья, Нижнего Подонья, а также степной зоны Восточной Европы, что в дальнейшем может иметь важное значение для этнокультурной характеристики памятника.

Оба жилища из ур. Роганина характеризуются малыми размерами (3,8 кв. м и 4,5 кв. м). Постройки из Сухой Гомольши и селища Мохнач-П были существенно большими (13,8 кв. м и 12,7 кв. м соответственно). Углубленность в грунт их котлованов колеблется в пределах 85–100 см от современной дневной поверхности. В постройках из ур. Роганина и Мохнач-П стены были возведены, в какой-то бесстолбной конструкции². В жилище из Сухой Гомольши по периметру котлована размещались 7 столбовых ямок от опор, которые несли каркас стен (по-видимому, каркасно-плетенчатых). Кроме того, ямки у противоположных торцевых стен могли служить опорами для коньковой двухскатной крыши.

В трех из четырех построек отопительные устройства были представлены в виде круглых открытых очагов, расположенных ближе к стенкам котлована. Лишь в постройке из Сухой Гомольши, в северо-за-

¹ Иногда в литературе такие постройки называют «двухабсидными».

² В комплексе № 9 ур. Роганина были обнаружены 2 столбовые ямки у торцевых стен, однако, их было явно недостаточно для сооружения каркаса стен. Они, скорее всего, служили в качестве опор двухскатной крыши.

падной части, у стены, была обнаружена сводчатая печь-каменка.

В двух комплексах были найдены остатки от элементов интерьера. Так в комплексе № 4 из ур. Роганина вблизи очага были расчищены 4 столбовые ямки от опор лежанки, а в комплексе № 7 из сел. Мохнач-П вблизи восточной стены найдено 7 столбовых ямок и остатки обуглившихся плах от какой-то детали интерьера, возможно так же лежанки.

Как видно из вышеприведенных данных, описанные жилища совмещают в себе черты, присущие домостроительным традициям как кочевого (открытые очаги, отсутствие углов в пространстве жилища), так и оседлого населения (печь-каменка, стационарные лежанки). На наш взгляд, подобные сооружения нельзя причислять ни к юртообразным, ни к прямо-

угольным, а следует выделить их в отдельную группу жилищ салтово-маяцкой культуры.

По всей видимости, такие жилые постройки с двумя параллельными стенами являются промежуточным звеном в эволюции традиционного круглого кочевнического жилища к более удобным в условиях оседлой жизни прямоугольным строениям. Вместе с изменением формы, параллельно происходило увеличение их размеров, а так же переход к более совершенному типу отопительного устройства. Вместе с тем, нельзя говорить о полном замещении построек круглой формы строениями с параллельными стенами, а потом и прямоугольными. Как показывают наши наблюдения на различных поселенческих памятниках лесостепного Подонцовья, жилища различных типов и форм, скорее всего, сосуществовали¹.

К. И. Красильников (Луганск)

ФОРМЫ ХОЗЯЙСТВЕННЫХ СТРУКТУР НАСЕЛЕНИЯ СТЕПИ В ХАЗАРСКОЕ ВРЕМЯ

Хозяйственный уклад населения обычно рассматривают по отраслям: земледелие, промыслы, скотоводство, ремесло, при этом ссылаются на отдельные постройки, орудийные комплексы. В последнее время обозначился интерес к обобщению оценки хозяйства лесостепного региона алано-славянских территорий (Колода, Горбаненко). Степные массивы, занятые в основном праболгарами, в анализе форм хозяйств остаются не обобщенными, несмотря на то, что информация о его уровне достаточная (Красильникова, Красильников). Факты констатируют о том, что поселения левобережья степного Подонцовья, охватывая площади от 50 до 170–180 тыс. кв. м, обустроенные вблизи увлажненных черноземных прибрежных террас степных рек, являются приселищными зонами зернопроизводящей отрасли. В степном правобережье, в Донецком кряже, доминирует скотоводство, селища этой местности не превышают 40–50 тыс. кв. м, следовательно, природо-экологические реалии определяют направления отраслевых и структурно-организационных систем, которые в определенной степени соотносятся с экономическими интересами каганата, востребованностью продукции, взимаемой хазарами в виде дани (Артамонов, Ляпушкин, Петрухин, Калинина).

Обозначим хозяйственные структуры, созданные населением степного массива. И. И. Ляпушкин, анализируя памятники СМК, высказал предположения о существовании индивидуальных дворов и усадеб. Раскопками селищ степного Подонцовья, площадь раскрытия более 35 тыс. кв. м, исследовано около 120 строений: жилища, хозяйственно-бытовые, производственные и прочие помещения, воссоздающие образ хозструктур. В частности, выделяются четыре комплекса. Первый — замкнутый, на ограниченном

пространстве с набором строений, обеспечивающих бытовую и хозяйственную адаптацию малой семьи. Замкнутый комплекс в простом варианте предполагает примыкающую к жилищу хозпостройку, в усложненном — две и более пристроек. В обоих случаях, видимо, предусмотрено общее перекрытие строений площадью от 20–25 до 40–45 кв. м.

Вторая структура — двор, включающий жилище, кухню, стойло, гончарную мастерскую, хозям, погреба. Число строений во дворах от 3 до 5, с суммарной площадью 40–65 кв. м, обустроенных на пространстве 200–250 кв. м. Планировка построек предусматривает оконтуривание двора, как хозяйственной единицы на территории поселения сельской общины.

Третья структура — подворье, система строений на площади 300–400 кв. м, обеспечивающих хозяйственную самостоятельность семьи, связанной с ремеслами, промыслами, земледелием, скотоводством, обменом. В этой связи в наборы подворий входят амбары, сушильные и обмолоточные площадки, навесы, открытые очаги, погреба, производственные помещения, устройства выжигания древесного угля, даже семейные святилища. Особое внимание уделяли системам хранения зерна с использованием зерновых ям в постройках, ям под навесами, корчаг, чердачных пространств.

В числе хозяйственных структур совместного пользования — амбарные помещения, в них количество ям хранения зерна в пределах от 4 до 10 с суммарным объемом от 12 до 30 кв. м. Амбарный способ временного хранения зерна, к тому же маркер организации его поставок в качестве дани Хазарскому каганату. Сбор осуществляли методом «круговой поруки» из «потенциально ресурсных земледелию

¹ На сегодняшний день не существует какой-либо убедительной классификации жилищ и построек СМК, которая была бы привязана к хронологии культуры. Так же в жилищах крайне редко находят предметы, которые могли бы их точно датировать. Потому, говорить о времени существования большинства построек, а тем более тех или иных типов жилых сооружений СМК пока можно лишь с большой долей вероятности.

приселищных зон» (Колода, Горбаненко), суммарная тоннажность одновременно заполненных зерновых ям могла составлять 15–20 тонн.

К числу структур совместного использования отнесим специализированные гончарные мастерские, обустроенные в системе «производственных хуторов» (Плетнева, Красильников), в скотоводческой отрасли

А. А. Лантев (Харьков)

К ПРОБЛЕМЕ МОНОЛИТНОСТИ ЛЕСОСТЕПНОГО ВАРИАНТА САЛТОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Более полувека прошло с момента выделения в салтовской культуре (сер. VIII–X вв.) локальных вариантов. Тогда, в 1958 г., стараниями И. И. Ляпушкина было обосновано вычленение двух обособленных регионов, причем основанием для такого разделения выступили этнические различия, проявившиеся в антропологии и погребальном обряде (вопрос о несовпадении традиций домостроительства был оставлен открытым). Одним из этих вариантов — наравне с южным — был северный, «аланский». Впоследствии тему локальных вариантов развила С. А. Плетнева: в 1967 г. она выделила 8 вариантов (признаки и территория «аланского», по своему географическому расположению называемого также «лесостепным», были оставлены без изменений), но впоследствии остановилась на 5 — за рамки салтовской культуры были вынесены Северо-Кавказская Алания, Волжская и Дунайская Болгарии. На сегодняшний день границы лесостепного варианта салтово-маяцкой культуры признаются теми же, что и 50 лет назад: на севере и западе они отождествляются с границами культуры, на востоке под ними принято считать р. Дон, на юге размежевание проводится в соответствии с распространением погребальных памятников. В бассейне Северского Донца примерной границей локальных вариантов принято считать район г. Балаклеи. Здесь проходит рубеж степи и лесостепи, здесь же последний кремационный могильник (Лысый Горб) сменяется чередой ямных (Балаклея, Червоная Гусаровка, Залиман и т.д.).

Однако уже в 80–90-х гг. XX в. А. К. Дегтярем, а затем Г. Е. Афанасьевым были высказаны сомнения в монолитности и неделимости лесостепного варианта. Появление подобных соображений было обусловлено открытием ряда могильников новопокровского типа — с погребениями по кремационному обряду. Среди них были Новопокровский могильник (давший название всему типу памятников), Сухогомольшанский, Пятницкий, биритуальный Красногорский и другие. Компактность расселения носителей кремационного обряда стала еще более очевидной в послед-

И. К. Решетова (Москва)

КОМПЛЕКСНЫЙ АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД К ИЗУЧЕНИЮ МАТЕРИАЛОВ МОГИЛЬНИКА ВЕРХНИЙ САЛТОВ

Археологический комплекс у с. Верхний Салтов Харьковской области представляет собой городище, поселение и несколько могильников.

В сообщении рассмотрены различные методические возможности, применяемые при обработке его антропологически.

коллективных систем в виде загонов и построек, рассчитанных на массовое содержание животных, не обнаружено.

Итак, хозяйственный уклад населения степной части СМК сосредоточен как в индивидуальных, так и коллективных структурах, в них же, посредством взимания дани, создавался экономический потенциал Хазарии.

ние годы, когда были обнаружены обширные Кицевский и Кочетокский могильники.

Уточнение границ региона кремаций в салтовской лесостепи сопряжено с трудностями выявления погребений. По причине специфичности содержащегося в кремационных некрополях антропологического материала распознавание погребений не-археологами очень проблематично. В результате науке известны комплексы вещей, происходящие из окрестностей с. Тополи и с. Кочеток, но неизвестны погребения, возможно, сопровождаемые этими комплексами.

Учитывая несовпадение ареалов катакомбного и кремационного обрядов в салтовской лесостепи, косвенным признаком принадлежности территории населению, практиковавшему кремации, следует признать отсутствие катакомбных погребений при наличии городищ с каменной фортификацией. В результате вычерчивается регион, в широтном направлении протянувшийся на 120 км, а в меридиональном — до 70 км. Общая площадь, заселенная этим народом, составляет 6,5–7000 кв. км, что сопоставимо с регионом, занятым аланами (200 на 60–80 км).

В результате исследований последних лет назрел вопрос: что же считать основой для выделения локальных вариантов салтовской культуры и насколько правомерно выделение территории распространения кремаций в качестве отдельного варианта? Если в основу выделения локальных вариантов ставить погребальный обряд, то разделение лесостепного варианта на две части оправданно и необходимо. Антропологический тип и этническая принадлежность погребенных по обряду кремации до сих пор остаются неизвестными, а потому использоваться при решении проблемы не могут. Вопреки совпадению материальной культуры, компактность проживания и размеры региона, занятого носителями кремационного обряда погребения, позволяют видеть в этом населении вполне самостоятельную силу. Это население отличалось от своих соседей-алан духовной культурой, но, очевидно, имело сходное с ними хозяйство и общую историческую судьбу.

1. С 20-х гг. XX в. началось антропологическое изучение коллекций, полученных в ходе раскопок могильника (Чучукало Г. И., 1926). Работы проводились методами классического антропологического исследования, включающего краниометрические, остеометрические и антропоскопические методики.

Интерес исследователей заключался главным образом в изучении черепов, а не посткраниальных скелетов.

2. Исследовать образ жизни древних обществ, культурные особенности, занятия населения позволяют методические подходы исторической экологии человека. (Историческая экология человека..., 1998) Устанавливая различия или сходства по комплексу признаков, маркирующих тот/иной образ жизни, можно проследить соответственно различия или сходства в образе жизни, занятиях населения, укладе, характере питания, общем благополучии. Исследованиям подобного рода были посвящены работы В. П. Алексеева, Д. Г. Рохлина, А. П. Бужиловой.

3. Различия хозяйственных укладов зачастую проявляются в особенностях пищевых традиций. Поэтому актуальным направлением в исследовании представляется реконструкция типа питания. Проводить подобные реконструкции можно как на основании данных материальной культуры, так и изучая состав костной ткани. Наиболее распространенным методом, применяемым для этих целей, стал изотопный анализ, ориентированный на определения соотношений тяжелых и обычных стабильных изотопов, прежде всего, углерода и азота ($^{13}\text{C} / ^{12}\text{C}$ и $^{14}\text{N} / ^{15}\text{N}$).

В 2010 г. нами по комплексной антропологической программе, включающей не только классические методы исследования, но и фиксацию ряда маркеров стресса, травм, а также сбор образцов костной ткани для проведения изотопного исследования состава коллагена костной ткани, была проведена работа по изучению части коллекции, хранящейся в Харьковском Историческом музее (13 мужчин, 9 женщин, 8 детей). Основные итоги работы опубликованы (Решетова И. К., 2012)

Основные выводы: 1. Комплексное исследование антропологического материала позволило зафиксировать ряд патологий и аномалий, а также свидетельства присутствия стрессовых факторов в группе. В краниологическом аспекте выборка характеризуется долихо-мезокранным и мезокранным типом черепа, узким и среднешироким лицом, высоким, сильно выступающим носом, широкими, невысокими орбитами, малым общелицевым и среднелицевым углом. Эти характеристики отмечались исследователями других краниологических серий катакомбных могильников салтово-маяцкой культуры, и были выделены в «верхнесалтовский» тип (Кондукторова, 1991). Сопоставление полученных краниометрических показателей находит наиболее близкие аналогии с северокавказским могильником Балабанка.

2. Результаты исследования по программе фиксации маркеров стресса позволяют сделать некоторые предварительные выводы об образе жизни населения. Среди маркеров стресса и патологий особого внимания заслуживают показатели признаков анемии, случаев кариеса, уровня травматизма. Показатели в мужской выборке выше по всем параметрам. Уровень травматизма оценивается для данной группы высокими значениями (47% для мужчин, 22% для женщин). Даже в сравнении с выборками из других салтово-маяцких могильников (Маяцкого и Дмитриевского), он остается высоким. Частота встречаемости травм в совокупности с более высокой долей стрессовых факторов в подгруппе мужчин отражает более суровые условия их существования. Это наводит на мысль о существовании населения в условиях частых военных конфликтов.

По данным изотопного анализа отмечается, что основой среднего пищевого рациона вероятно составляли растения группы С4 фотосинтетиков (прежде всего, просо обыкновенное), меньшую долю занимала пища белкового происхождения.

М. В. Хоружая (Харьков)

ПОГРЕБЕНИЯ В ДРОМОСАХ КАТАКОМБНЫХ ЗАХОРОНЕНИЙ ВЕРХНЕ-САЛТОВСКОГО МОГИЛЬНИКА

За последние годы на Верхне-Салтовском могильнике было обнаружено несколько погребальных комплексов, совершенных в дромосах катакомбных захоронений. Погребения в дромосах были зафиксированы на первом (ВСМ-I), третьем (ВСМ-III) и четвертом (ВСМ-IV) участках некрополя. Так, на ВСМ-I таких захоронений было исследовано два (кат. № 6 и 67), на ВСМ-III — одно (кат. № 24), на ВСМ-IV — три (кат. № 58, 59, 64).

В катакомбах № 58 (ВСМ-III) и № 67 (ВСМ-I) костяки людей располагались непосредственно в заполнении дромоса. В первом случае костяк девочки-подростка был обнаружен в сидячем положении на входе в погребальную камеру. При погребенной был обнаружен инвентарь, представленный деталями одежды, личными украшениями, сосудами, остатками мясной жертвенной пищи. По этнографическим данным осетины хоронили людей, убитых молнией, в сидячем положении. Возможно, данное захоронение следует рассматривать именно в этом контексте. В дромосе катакомбы № 67 (ВСМ-I), у торцевой стенки дромоса, был обнаружен костяк ребенка длиной 1,05 м. Костяк ребенка располагался под углом около

40° ко дну дромоса, вдоль правой боковой стенки ногами ко входу в погребальную камеру. Погребение безынвентарное. Положение костяка, отсутствие инвентаря указывают на то, что, вероятно, данное захоронение принадлежит представителю зависимого населения. Подобные захоронения представлены и на других катакомбных могильниках региона (захоронение в дромосовидной могильной яме 12 Дмитриевского могильника).

В остальных случаях человеческие останки были обнаружены в нишах-подбоях, сделанных в левой (кат. № 6 ВСМ-I и № 59 ВСМ-IV) или правой (№ 24 ВСМ-III и № 64 ВСМ-IV) боковой стенке дромоса. Длина дромосов данных захоронений колеблется от 2,12 м (кат. № 59 ВСМ-IV) до 4,1 м (кат. № 24 ВСМ-III), а глубина — от 1,3–1,35 м (кат. № 64 ВСМ-IV, № 6 ВСМ-I) до 4,1 м (кат. № 24 (ВСМ-III)). В начальной части дромосов данных захоронений было зафиксировано от одной (кат. № 59 ВСМ-IV) до семи (кат. № 24 ВСМ-III) ступенек. Только в дромосе кат. № 64 ВСМ-IV ступеньки в его начальной части отсутствовали, что объясняется незначительной его глубиной (1,3 м от уровня современной

поверхности). В подбоях были обнаружены костяки детей в возрасте 3–4 лет (кат. № 6 ВСМ-I), 6–8 лет (кат. № 24 ВСМ-III), подростка женского пола (кат. № 59 ВСМ-IV). Кости человека в подбое дромоса кат. № 64 ВСМ-IV отсутствовали, что, вероятно, следует рассматривать как факт принадлежности данного захоронения ребенку грудного возраста.

Инвентарь данных захоронений достаточно показателен и соответствует возрастной стратификации салтовского общества. Так, костяк ребенка 3–4 лет (кат. № 6 ВСМ-I) сопровождался только двумя бубенчиками, выполнявшими роль пуговиц на одежде. При костяке ребенка 6–8 лет (кат. № 24 ВСМ-III) были найдены серьги, три бронзовых бубенчика, одна бляшка-нашивка на налобную повязку, две стеклянные бусины, бронзовый амулет-подвеска, три спиралевидные пронизи. Подобный набор вещей сопровождает костяки детей от 4 до 10–12 лет и в погребальных камерах катакомбных захоронений могильника. Ко-

стяк девочки-подростка (кат. № 59 ВСМ-IV) покоился на угольной подстилке и сопровождался стеклянными бусами и двумя бронзовыми перстнями с раскованными щитками. Наличие в данном погребении угольной подстилки и перстней, по-видимому, следует рассматривать как принадлежность покойницы к следующей после детей возрастной группе.

Принадлежность данных захоронений представителям аланского этноса не вызывает сомнения. Факт того, что умершие были погребены в подбоях, сделанных в одной из стенок дромоса, который не переходил в погребальную камеру, вероятно, следует объяснять характером их смерти. Косвенно подтверждает этот факт расположение данных захоронений по краю родового участка. Погребение маленьких детей и людей, умерших неестественной смертью (утопленников, самоубийц и т. п.) на окраинах могильников или родовых участков для многих народов подтверждается этнографическими данными.

Е. Ю. Янин (Киев)

РЕЗУЛЬТАТЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ КОСТЕЙ РЫБ (МАНГУП-КАЛЕ, 2009–2010 ГГ.)

Остеологический материал для исследования был получен в результате археологических раскопок, проводившихся на территории княжеского дворца (XV в.) «пещерного города» Мангуп-Кале в 2009–2010 гг. Определение до вида проводилось по стандартной методике путем сравнения с костями современных рыб из частной сравнительной коллекции автора. Всего исследовано 1418 костей рыб (из них 1372 экземпляра за 2009, и 44 — за 2010 гг.).

В данном случае представители отряда осетровые (*Acipenseriformes*) составили 28,4 % от всех костей рыб, тогда как основная масса костей принадлежит не осетровым рыбам (71,6 %). Неопределимые в виду плохой сохранности или значительной фрагментированности материала, а также кости, не являющиеся диагностическими (ребра, для многих видов позвонки и т. д.) составили 39,8 %.

Всего зарегистрированы представители 9 видов, относящиеся к 7 отрядам: Отряд осетрообразные (*Acipenseriformes*) — осетр (*Acipenser guldenstadti*), стерлядь (*Acipenser ruthenus*) и севрюга (*Acipenser stellatus*); Отряд Камбалообразные (*Pleuronectiformes*) — калкан (*Rhombus maeoticus*); Отряд Карповые — сазан (*Cyprinus carpio*), Отряд Окунеобразные — судак (*Stizostedion lucioperca*); Отряд Скорпенообразные — скорпена (*Scorpaena porcus*), а также представители Отряда Кефалеобразные (*Mugiliformes*), *Mugil sp.*

Среди осетровых первое место по встречаемости занимает осетр — 83,3 %, на втором месте севрюга — 11,4 %, стерлядь составила 5,3 %. Из неосетровых на первом месте находится калкан — 71 % костей от всех неосетровых рыб, что отличается от результатов исследования других памятников северного Причерноморья, где основную долю составляли осетровые рыбы. На втором месте по встречаемости в данном случае кефаль — 14 %. При анализе материала в целом, мы видим, что наиболь-

ший процент составляет калкан, затем идут осетр и кефаль, остальные виды представлены от 1 до 5 %.

Особый интерес представляют ямы, так как в них, как правило, выбрасывались кухонные отходы, а сама яма заполнялась хоть и постепенно, но за достаточно ограниченное время, что позволяет более точно определить видовой состав и соотношение видов рыб, которые использовались местным населением в пищу. В данном случае наибольшее количество материала из двух ям (кв. 11, яма 35, и кв. 13, яма 36). В материале из ямы 35 доминирующим видом является кефаль, тогда как в яме 36 — калкан. Исходя из анализа всего остеологического материала можно предположить, что кефаль, в отличие от калкана и осетровых, потреблялась в пищу гораздо реже, и скорее всего такое количество остатков кефали только в одной яме (не встречалась она нам и в других материалах Мангуп-Кале) может свидетельствовать о том, что была единоразовая закупка для дворца (средний возраст рыб составлял 5 лет).

Кефаль — стайная рыба, основной отлов идет в бухтах и заливах Черного моря во время ходовых миграций на зимовку в реки ставными сетями, вентерями и т. д. Вероятнее всего, в данном случае кефаль была выловлена и куплена во второй половине лета — начале осени, а удаленность самого Мангуп-Кале как от моря, так и от основных миграционных путей вида объясняет единичный на данный момент случай находки кефали в материалах, а также значительное его количество.

В результате анализа материала мы можем предположить, что для княжеского дворца существовали поставки определенных видов рыб — в первую очередь, это калкан (57,5 %) и осетр (15,7 %), остальные виды представлены в незначительном количестве. Исключение составляет кефаль черноморская (11,3 %), но вероятнее всего постоянно данный вид в рацион местного населения не входил.

ВИЗАНТИЯ И ИТАЛЬЯНСКИЕ КОЛОНИИ В СЕВЕРНОМ ПРИЧЕРНОМОРЬЕ

Н. А. Алексеенко (Севастополь)

МОЛИВДОВУЛЫ СОСЕДЕЙ ХЕРСОНА ИЗ ЮЖНОГО ПОНТА

Вспоминая наставления императора Константина Багрянородного относительно принятия репрессивных мер в отношении Херсона в случае неповиновения последнего империи, нельзя не отметить особый акцент императора на зависимость херсонитов от поставок продовольствия с южного побережья Понта и вообще на необходимость регулярного пребывания херсонских кораблей в имперских областях и самой столице с целью обеспечения существования этой самой северной провинции Византии. Император прямо называет три области: Пафлагонию, Армениаков и Вукелариев администрации которых в первую очередь обязаны применить соответствующие санкции к мятежному Херсону.

В тоже время у нас практически нет иных данных о каких бы то ни было иных контактах Херсона со своими южными соседями. Даже памятники сфрагистики здесь мало чем могут помочь.

Из херсонских находок к первой из провинций относятся лишь печать диоикита Амастриды (конец IX — начало X в.) и моливдовул амастрдского митрополита Николая (XIII в.).

Появление находок, дающих новую информацию об административном устройстве, это фемы в преддверии преобразования ее в катепанат или дукат имеет несомненный интерес.

Таким примером может служить печать ранее неизвестного стратига Пафлагонии, императорского протопафария Илии, датирующаяся первой половиной X в.

Вторая провинция также практически не представлена в Херсоне. Здесь известен пока лишь единственный фрагмент печати неизвестного пока чиновника этой фемы (не издана).

В тоже время несколько новых печатей в известной мере расширяют наши знания об этом регионе и его управлении.

Первая, наиболее ранняя печать, представляет нам ранее не встречавшуюся должность *ек просорои* фемы Арменаков (рубеж VIII/IX вв.). Примечательно, что для этого периода известны печати дук Армениаков, выполненные в аналогичном стиле. Еще одной из распространенных должностей региона является пост протонотария фемы. Новый экз. представляет нам Илию, имп. протопафария и протонотария фемы (рубеж X/XI вв.).

Заключительная печать относится к тому же периоду и представляет нам еще одну известную и важную

должность — анаграфевса фемы Армениаков (рубеж X/XI вв. — начало XI в.).

Последняя область, названная Константином Багрянородным — фема Вукелариев в сфрагистическом наследии византийского Херсона пока никак не представлена. Однако находки продолжают и возможно появятся и чиновники этой провинции подобно тому, как в 2011 г. в окрестностях Херсона был обнаружен моливдовул диоикита Халдии.

На фоне выше представленного можно вспомнить еще несколько примеров из сфрагистических находок в самом Херсоне, указывавших на тесные контакты херсонитов с южным побережьем Понта. Здесь можно назвать еще одну недавнюю находку (2011) моливдовула Анастасия, ипата, императорского валнитора и главного коммеркиария аптеки Онориады, Пафлагонии и приморского побережья Понта до Трапезунта времени правления Льва III и Константина V (720–741). Напомним, что к тому же VIII в. относится уникальная печать буллотира Иерона.

Тесные контакты Таврики с приморскими районами южного Понта и Геллеспонта продолжают и в дальнейшем. Свидетельство тому моливдовулы в свое время принадлежавшие так называемым «комитам проливов», двух основных морских таможен Византии: Иерона и Абидоса.

Развитие контактов и активизация торговых отношений в причерноморском регионе обусловили появление в Херсоне (около середины IX в.) официальной должности коммеркиария.

Таким образом, подводя итоги, мы можем констатировать, что Таврика и в период развитого средневековья по-прежнему остается в центре особого внимания имперского государственного аппарата и провинциальных администраций Византии. Одним из наиболее важных и активных по контактам выступает приморский регион Южного Понта, с которым у Херсона сложились давние связи еще со времен античности.

Все это в свою очередь характеризует Таврику и как важный и стратегически ценный регион для всей империи. И, видимо, совсем не случайно Константин Багрянородный в своих наставлениях сыну столь подробно описывает действия, которые позволят империи удержать Херсон под своим контролем.

К. Ю. Бардола (Харьков)

О СТЕПЕНИ ГОСУДАРСТВЕННОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ РАННЕВИЗАНТИЙСКОЙ ВНЕШНЕЙ ТОРГОВЛИ НА ДУНАЕ

Признаки государственного контроля над внешней торговлей в разной степени можно отыскать в любом централизованном государстве, которое имело определенные границы. Византия в этом плане не исключение. Многие аспекты внешней торговли подвергались государственному контролю в той или иной мере. К этому можно отнести и списки запрещенных к вывозу и ввозу товаров, и весьма затруднительную процедуру получения права на торговлю для иностранных купцов в Империи, а также систему налогов и пошлин, при помощи которых византийское государство не только пополняло бюджет, но и пыталось ликвидировать диспропорции торгового баланса. Наряду с этим византийское правительство активно вмешивалось в процесс локализации внешней торговли.

Тем не менее, не следует преувеличивать роль государственного контроля внешней торговли для некоторых провинций, особенно в период ранней Византии. Очевидно, что основная торговля с готами и гуннами была сосредоточена в приграничных городах на берегах Дуная. Однако приграничная торговля была достаточно свободной и не ограничивалась единичными городами, как это было, например, на восточной границе. Источники определенно говорят о «свободной» торговле между римлянами и готами, начиная с императора Константина Великого. Это было связано с достаточно мирными взаимоотношениями в первой половине IV в., общинным укладом готского, преимущественно сельскохозяйственного населения, а также отсутствием стратегических товаров, которые могли поставлять готы римскому правительству.

Основным предметом экспорта со стороны готов, а затем гуннов, были рабы, торговлю которыми патронировали некоторые представители военно-бюрократической верхушки при императорском дворе.

Усилия этой группы увенчались римским вторжением при правлении императора Валента (364–378). К этому же периоду относится «экономическая война» 367–369 гг., при помощи которой император смог заставить готов пойти на определенные уступки. Вероятно, подобное ограничение торговой деятельности

было скорее шагом политическим, и не было связано с социально-экономической мотивацией.

С другой стороны, источники свидетельствуют, что тогда же Валент пытался ограничить торговлю на Дунае двумя городами, правда, не указывают какими [Themist. Or. X. 136]. Одновременно с этим император ужесточил общие правила ведения внешней торговли, в частности ввел обложение октавой (octava). Что же касается регламентации мест торговли, то, вероятно, что подобная мера была осуществлена для улучшения условий торговли, по просьбам римских купцов, и по настоянию готских торговцев. При многочисленных злоупотреблениях со стороны римлян подобное распоряжение было на руку в первую очередь готам. Однако судя по данным источников, торговля между готами и римлянами оставалась в этот период довольно спонтанной и повсеместной. Именно поэтому исследователям достаточно сложно локализовать города, выделенные императором Валентом. Источники говорят о торговых контактах в крупных городах Марге, Виминациуме, Сирмиуме. Но вероятно обмен товарами продолжался и в небольших местечках и военных фортах, например Коммерциуме, который был построен как раз благодаря процветавшей там торговле [ILS.775].

После неудачи внешнеторговой политики чиновников императора Валента, которая во многом привела к катастрофе 378 года, торговля в V веке, теперь между гуннами и римлянами, велась по Дунаю беспрепятственно [Приск Панийский]. Предложения гуннов о возврате специальных мест для торговли на Дунае так и не заинтересовали византийских императоров [Приск Панийский].

Таким образом, по всей вероятности, внешнеторговая деятельность на Дунае регулировалась общими правилами ранневизантийского государства, а именно приграничным характером и уплатой налогов. Велась эта торговля по всему Дунаю, но иногда в интересах варварских и римских работорговцев предпринимались попытки, как правило, неудачные, сконцентрировать ее в специально отведенных административных центрах.

К. Н. Болгов (Белгород)

ИТОГОВАЯ СИСТЕМАТИЗАЦИЯ ЛАТИНСКОЙ ГРАММАТИКИ В КОНСТАНТИНОПОЛЕ VI В.

В течение VI в. в столице Ранней Византии шла серьезная работа по систематизации и завершению оформления многих культурных феноменов. Осознанно или неосознанно, культурные и государственные деятели империи двигались в том же направлении, что и «последние римляне» на Западе, «упаковывая» накануне Средневековья те или иные знания. Отличие заключалось лишь в важной направляющей роли византийского государства и в роли латинского языка в Константинополе как государственного. Возникла

парадоксальная ситуация, когда за небольшим исключением (провинция Иллирик), в Ранней Византии латынь осталась языком исключительно государства, армии и права. В этой связи очень показательны не только завершение кодификации римского права (Corpus Juris Civilis), но и итоговая систематизация латинской грамматики, предпринятая Присцианом Цезарейским при императоре Анастасии. После Сервия, Доната и Харисия (IV в.) Присциан предстает завершителем развития науки о латинском языке в то

время, когда он стремительно терял значение живого языка на Западе. Помимо сочинений самого Присциана, источниками по данной теме являются труды вышеупомянутых римских грамматиков IV в., а также синхронные Присциану исторические труды Прокопия Кесарийского, Марцеллина Комита, Иоанна Малалы. В отечественной науке никто не занимался наследием Присциана специально. Из иностранных работ отметим комментарии первых издателей А. Криля, М. Херца, Х. Кайля (XIX в.). Из новейших специалистов выделим исследования А. Луталы, А. Шенбергера, А. Камерона, П. Койн. Присциан родился в Цезаре Мавританской, стал учителем грамматики в Константинополе на рубеже VI в. Самая известная работа Присциана — *Institutiones Grammaticae* (Установления грамматики) представляет собой систематическое исследование латинской грамматики в 18 книгах. Из них в 16-ти разбираются фонетика, словообразование, флективная система языка; последние две — синтаксис. Труд основан на работах Геродиана и Аполлония Дискола, но многое взято и у римлян Капера, Доната, Проба, Сервия. Главными достоинствами являются полнота изложения и изобилие примеров. Благодаря Присциану, сохранились многие фрагменты из произведений Энния, Пакувия, Акция, Луцилия, Катона, Варрона. Присциан также цитирует многих сохранившихся авторов. Краткая версия «Грамматики» — *De nomine, pronomine, et verbo*

(«О существительном, местоимении и глаголе») — использовалась как учебник. «Малые сочинения» об отдельных частях грамматики: *De accentibus* (Об ударениях), *De metris comicis* (О стихотворных размерах в комедии), *De figuris numerorum* (О падежах числительных). Сочинение *De XII versibus Aeneidos* (О 12 строках Энеиды) содержит грамматические вопросы о начальных 12-ти стихах отдельных книг Энеиды. *Præexercitamenta rhetorices* (Грамматические предварительные упражнения) дают краткое наставление в риторике на основе Гермогена. *Periegesis* (Землеописание) — перевод и отчасти переделка греческой поэмы Дионисия Перизгета. *De laude Anastasii* (Панегирик Анастасию) — одна из последних античных эпических поэм. Ориентация на греческую грамматическую систему иногда вводила Присциана в заблуждение, например, когда он усматривал наличие в латыни оптатива, не отличимого от конъюнктива; там, где греческая схема не подходит, его описание становится бессистемным. Однако, несмотря на все недостатки, его труд стал нормативным учебником вплоть до XIX в. Сочинения Присциана находятся в главном культурном контексте Поздней античности, и поэтому представляют немалый интерес для современного исследователя этой эпохи в духе Британской школы П. Брауна, рассматривающей IV—VI вв. как единый сложный исторический период с суммой взаимодействий разнонаправленных исторических факторов.

А. М. Болгова (Белгород)

ГРАММАТИСТЫ ВЫСШИХ ШКОЛ РАННЕЙ ВИЗАНТИИ (IV—VI вв.).

В период Поздней античности (IV—VI вв.) в Римской (Ранневизантийской) империи продолжала существовать сложившаяся ранее система высшего образования. Главными учебными заведениями того времени были специализированные школы — риторические (так как умение хорошо говорить было необходимо в любом виде деятельности), юридические, медицинские, грамматические, философские, языческие, богословские, христианские. Позднейшей модели универсального образования к тому времени еще не сложилось. В указанных школах огромную роль играла личность учителя, руководителя (схоларха), который собственно и определял содержание образования, исходя из своих интересов и потребностей. В 1997 г. Р. Кастер составил список учителей грамматики (грамматистов) в высших школах восточных провинций империи (т. е. в территориально-культурном комплексе Ранней Византии), включая латинскую Африку, которая с середины V в. находилась в орбите политики Константинополя, а с VI в. вошла в состав Византии. Используя его подготовительные материалы, можно сделать просопографический анализ и новые наблюдения над персональным составом «профессоров»-грамматистов Ранней Византии. В Константинополе IV—VI вв. работали 30 грамматистов. Из них в IV в. — 8; в V в. — 12; в VI в. — 10. Латинских грамматиков известно из общего числа — 11. Точно известных уроженцев столицы нет, все приехали из других городов империи. Из Африки известно 20 имен грамматистов. Из них 11 работали

в IV в. (времена латинской провинции). 6 работали в вандалский период V — начало VI вв. Трое относятся к византийскому VI в. Все известные по языку грамматики — латинские. Только о двоих точно известно, что они работали в столице провинции — Карфагене. В Египте установлены имена 60 специалистов. К концу III в. относится деятельность 4-х учителей, к IV в. — 25, к V в. — 18, к VI в. — 12. Из 60-ти в Александрии работали 20; 7 — в Панополе, 6 — в Гермополе. В Азии (Азиане) известны по именам 9 учителей грамматики. 2 из них — латинские. К IV в. относится 1, к V в. — 3, к VI в. — 5. В Понтике работали 8 грамматистов. Конец III—IV вв. — 5, VI в. — 3. Один — латинский. 4 из известных по имени учителей работали в Никомедии (Вифиния), трое — в Галагии, один — в Кесарии Каппадокийской. В Македонии (включая Грецию) известны 4 учителя. Один — кон. III в., один — IV в., два — V в. Трое из четырех работали в Афинах. На Востоке (Ориенс) известны по именам 39 грамматистов. Двое из них относятся к концу III в., 17 — к IV в., к V в. — 6, к VI в. — 14. Два учителя — латинские. 14 работали в Антиохии, 5 — в Газе Палестинской, 3 — в Исаврии, 3 — в Киликии, 2 — в Финикии (Берит), 2 — в Кесарии Палестинской, 1 — в Осроэне. Для этого региона характерна частая смена мест работы, по два места отмечено у 6 педагогов. Можно отметить в качестве общего места, что в работе преподавателя высшей грамматической школы в Ранней Византии имела место активная жизненная и академическая мобильность. Место рождения

торичної географії Чорного моря та його колонізації генуезцями фактично повторюють висновки Ф. Бруна (R. S. Lopez, M. Balard, D. Quirini-Poplawska, E. Тодорова). Сьогодні спеціалісти визнають: точне місце локалізації замка Леріче-Іліче невідоме (В. Миц).

Виявлення рештків Іліче пов'язано з наявністю в нижній течії Дніпра середньовічного городища з характерними рисами матеріальної культури. Проте огляд середньовічних карт і портоланів дозволяє звузити зону локалізації. На ділянці від Березанського лимана до Буга наявний лише один об'єкт такого типу: Дніпровське-2. Це багатошаровий пам'ятник був відкритий в 1848 р. на обриві в 2 км на південний захід від села Сари-Каміші (нині Дніпровське, Очаківський р-н, Миколаївської обл.), а вперше оглянутий в 1862 р. Проте захоплення в ХІХ ст античною спадщиною перешкоджало вивченню середньовічних пам'яток.

Лише в 1913 р. В. Гошкевич надав повну характеристику пам'ятника і провів топографічну зйомку. У 1949 р. невеликі розкопки провела тут С. І. Капошина. Проведені розкопки та топографічні дослідження дозволили датувати укріплення ХІV–ХV ст., яке, за припущенням дослідників, належало татарам і туркам. На жаль, польова документація цих повоєнних розкопок втрачена.

У 70–80-х рр. ХХ ст. короткочасні дослідження цієї пам'ятки тривали. Значні результати мали роз-

копки одного із загонів Ольвійської експедиції в 1982 р. (В. Бураков, С. Буйських). Роботи 1982 р. дозволили скласти план пам'ятки, який відображав сучасний його стан. Вдалось уточнити площу городища. Кераміка, знайдена на городищі (чотири миски і тарілки), віднесена до поліхромної кераміки візантійського кола ХІІІ–ХІV ст., яка добре відома за знахідками на синхронних пам'ятниках Північного Причорномор'я, особливо Крима. За припущеннями учасників експедиції, кераміка виготовлена в одній майстерні та, можливо, навіть одним гончаром з Херсонеса. М. Руссев та О. Мельников прийшли до висновку, що кераміка з Дніпровського-2 родинна гончарній продукції Білгород-Дністровського ХІV чи навіть ХV ст.

Нумізматичний матеріал також підтверджує припущення істориків та археологів про наявність «генуезької фортеці» на Дніпровському-2. На жаль, більшість знахідок з «посада», який не досліджувався, осіли в приватних колекціях. За припущенням М. Руссева, на початку ХХІ ст. тут знайдено від 200 до 400 середньовічних монет. З оглянутих 70–80 монет, 30–40 екз. становлять емісію кримських ханів, 15–20 — чеканку Кафи, кілька джучидських монет. Наявність монет з кафінською чеканкою дає підстави говорити про зв'язок Леріче з Кримом.

А. Н. Домановский (Харьков)

ИМПЕРАТОР ЮЛИАН И АНТИОХИЙЦЫ: ОБ ЭФФЕКТИВНОСТИ ПРИНУДИТЕЛЬНОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УСТАНОВЛЕНИЯ ЦЕН НА ПРОДУКТЫ ПИТАНИЯ В РАННЕЙ ВИЗАНТИИ

Одной из важнейших целей ранневизантийского правительства в сфере регулирования торговли было наполнение городского рынка продовольственными товарами, продававшимися по доступным для большинства городского населения ценам. Эта проблема продолжала обостряться в связи с происходившими в это время изменениями в сфере землевладения, которые приводили к доминированию в торговле продуктами питания двух групп торговцев: крупных земельных собственников, продававших плоды своих имений, и объединенных в специальные корпорации купцов-посредников, занимавшихся перепродажей скупленного у крестьян прибавочного продукта.

Контролируя городской продовольственный рынок эти торговцы-оптовики нередко шли на установление монопольных цен на продукты питания. Источники сохранили немало красноречивых свидетельств о конкретных фактах подобного рода. Наиболее яркие из них относятся к жизни Антиохии. Например, в 362–363 гг., крупные землевладельцы из городской знати решили придержать продажу сельскохозяйственной продукции и установить на нее высокие монопольные цены. По свидетельству Ливания, причиной их действий стал неурожайный год, позволявший нажиться на спекуляции. Произшло это во время пребывания в городе императорского двора Юлиана II (361–363), прибывшего в восточные области империи с целью организации военного похода против Персии.

Действия своекорыстной городской верхушки вызвали недовольство широких слоев антиохийцев, и им-

ператор лично попытался навести порядок. Юлиан II приказал незамедлительно снизить цены на продукты питания и продавать хлеб по сниженным твердым ценам. В качестве примера выступил он сам, начав реализовывать зерно, доставленное в город из императорских зернохранилищ. Несмотря на это, владельцы крупных продовольственных запасов ослушались прямого указа императора и продолжали либо прятать свои запасы, либо продавать их по прежним высоким ценам. Того же зерна, которое продавалось с государственных складов, было явно недостаточно для нормального продовольственного снабжения горожан. Кризис усугублялся тем, что значительную часть дешевого императорского хлеба скупили все те же городские богачи и пустили его в оборот по спекулятивным ценам, когда государственные распродажи закончились.

Все это в итоге привело к еще более сильным волнениям антиохийского плебса, возмущенного неэффективностью предпринятых Юлианом II мер и даже к прямым выпадам против личности императора. Разгневанный правитель покинул город, ответив на действия антиохийцев жесткой политической сатирой, специально написанной по этому случаю. Таким образом, даже прямое вмешательство самого императора оказалось бессильно перед сплоченными действиями торговцев-монополистов из среды крупных знатных землевладельцев. Речи Ливания пестрят и другими примерами подобного рода, когда принудительная продажа продовольствия по сниженным твердым ценам приводила только к острому противостоянию между

торговцями и администрацией и даже полному исчезновению хлеба с городского рынка. Принудительное ценоустановление оказывалось абсолютно неэффективным и лишь усугубляло положение. Крупные земельные собственники стремились к извлечению максимальной выгоды из торговли продовольственными товарами и потому шли на монопольное установление завышенных цен, идя наперекор прямой воле городской администрации, а иногда даже и самого императора.

М. Є. Домановська (Харків)

**М. С. ДРИНОВ ПРО БАЛКАНСЬКІ ПОХОДИ КНЯЗЯ СВЯТОСЛАВА 967 ТА 969 РР.
У КОНТЕКСТІ ВІЗАНТІЙСЬКО-БОЛГАРСЬКОГО ПРОТИСТОЯННЯ X СТ.
(ДО ПИТАННЯ ПРО МЕЖІ ОБ'ЄКТИВНОСТІ ІСТОРИКА)**

Походи київського князя Святослава 967 та 969 рр. на Балкани відіграли важливу роль у боротьбі Візантійської імперії та Першого Болгарського царства за панування на Дунаї. В дослідженні складної історичної ситуації візантійсько-болгарсько-руського конфлікту науковцю важко утриматись від симпатій на користь тієї або іншої сторони. Не став винятком і М. С. Дринов (1838–1906), який одним із перших звернувся до цього сюжету у докторській дисертації «Южные славяне и Византия в X веке» (1876). У вказаній роботі відчуваються глибокі переживання автора за долю болгарського народу і прагнення довести історичне право болгар на самовизначення, хоча М. Дринов і заявляє про власну неупередженість. Критикуючи точку зору О. Гільфердінга, Ф. Рачкого, А. Гфререра, Д. Паппаригопуло щодо подій другої половини 60-х рр. X ст. в болгарських землях, автор прагне встановити так званий «правильний погляд» на русько-візантійську війну та її значення в болгарській історії.

Серед причин порушення болгаро-візантійської мирної угоди 927 р., що діяла майже сорок років, М. Дринов називає нечесні дії візантійців, спрямовані на послаблення болгарського уряду та повернення втраченої частини Фракії. Серед подібних заходів — допомога Візантії сербам, результатом чого стала втрата Першим Болгарським царством сербських територій, а також введення в оману царя Петра з метою розкриття болгарських державних таємниць. Про Петра дослідник говорить позитивно, наголошує на чесному виконанні ним домовленостей, що полягали в наданні імперії військової і дипломатичної допомоги у боротьбі з князем Ігорем і арабами. Однозначно оцінюючи «хорошого царя» і «підступну Візантію», М. Дринов не враховує конкуренції трьох держав в Північному і Західному Причорномор'ї і засуджує цілком справедливе прагнення Никифора повернути до складу імперії захоплену Симеоном Фракію. При-

Подобное явление было весьма распространено в течение всего ранневизантийского периода, и урегулировать его «вручную», как это попытались делать представители местной администрации и даже сам император Юлиан, было невозможно. Предпринимаемые ими меры по установлению твердых сниженных цен на зерно не согласовывались с законами рыночного формирования цен, основывались на сугубо административных, силовых методах контроля за их соблюдением и потому были обречены на провал.

чинами конфлікту, що розпочався 966 р., М. Дринов вважає також відмову болгар порушити мир з уграми і заборонити їм переходити через Дунай до візантійських володінь, образу болгарських послів на прийомі у Никифора і відмову візантійців сплачувати болгарам традиційну данину.

Поява Святослава в Болгарії, за словами М. Дринова, від самого початку сприймалася місцевим населенням як агресія, натомість щодо греків автор утримується від негативних оцінок. Серед причин поразки Святославового війська автор називає перехід частини болгар на бік імператора Цимісхія, який «надавав своєму походу вигляд війни за визволення болгар від руського іга».

Відома в історіографії «антивізантійська позиція» автора в даному сюжеті майже не виявляється. М. Дринов вважає, що візантійці були «меншим злом» для болгар, аніж руси. Це підтверджується прикладами звірств Святославового війська в Болгарії, зокрема стратою понад 300 бояр та численними жертвами серед населення, а також справедливими, з точки зору автора, спільними діями сил та імперії проти русів. Дії візантійців в болгарських землях зображені без негативу, хоча навряд чи вони, подібно до русів, утримались від розорень. Перетворення східних областей Першого Болгарського царства на візантійську провінцію наближало їх до могутньої імперії, було об'єктивно прогресивним. Панування добре знайомої Імперії з її впорядкованою системою управління і спільною православною релігією видавалося, у сприйнятті науковця, значно кращим варіантом для болгар. Воно мало забезпечити подальший розвиток болгарського суспільства шляхом наслідування блискучої візантійської цивілізації. Можливість же опинитися під владою жорстокого руського князя-язичника Святослава відкинула б болгар назад у ще недавнє варварство, з якого їм вдалося вийти, знов-таки, завдяки Візантії.

С. В. Дьячков (Харьков)

**НОВЫЙ ОБЪЕКТ НА КАРТЕ
ГЕНУЭЗСКОЙ КРЕПОСТИ ЧЕМБАЛО (XIV—XV вв.)**

В 2009–2011 гг. объединенная экспедиция Национального заповедника «Херсонес Таврический» (Н. А. Алексеев) и Харьковского национального университета

(С. В. Дьячков) при участии Харьковского университетского лицея проводила раскопки башни № 6 генуэзской крепости Чембало в Балаклаве, расположенной в ниж-

ней части северного склона г. Кастрон (15 м над уровнем моря). Во второй половине XIV в. башня-водохранилище (более 560 куб. м.) входила в систему приморской оборонительной линии крепости. Ныне она является самым крупным из сохранившихся сооружений Чембало и находится в труднодоступном месте.

Особое внимание в ходе работ было уделено изучению южной стены башни № 6, которая была скрыта натечной землей. На этом участке в начале XX в. проводились работы по обустройству прогулочной тропы на мыс Балаклавский, а в 50-х гг. воздвигли высокую каменную ограду военной части. В 2010–2011 гг. на площади квадратов 7, 8, 9 открыты остатки средневекового сооружения, получившего условное название «строение 1». Сохранился значительный фрагмент цокольной части и фундамента возведенных непосредственно на скале стен прямоугольного в плане здания. Северный угол обнаруженного здания расположен в 0,56 м к югу от центральной части внешнего фаса южной стены башни № 6. «Строение 1» было возведено по касательной к башне, и западный угол этого здания практически смыкался с южным углом башни № 6.

Интересно, что «строение 1» не отмечено на известных нам планах, схемах и топографических картах, за исключением плана Чембало, составленного в середине XIX в. по указанию графа А. С. Уварова. Очевидно, руины здания были погребены уже после Крымской войны в ходе благоустроительных работ.

Восточная стена «строения 1» ориентирована по оси север-юг. Своим южным концом открытая часть стены уходит в борт раскопа под каменную ограду бывшей воинской части. Размеры сохранившейся части стены: длина 1,6 м; ширина 1,0 м; высота (max) 1,8 м. Северная стена образует с восточной стеной северный угол здания. Стена ориентирована по оси запад-восток. Раз-

меры: длина 10,6 м; высота до 3,05 м; толщина стены 1,0 м. Обе стены сложены (преимущественно) из местного мраморовидного известняка с грубо обработанными лицевыми сторонами на густом известняковом растворе, круто замешанном с крупным морским песком. Трехслойная кладка стен забутована мелким камнем, щебнем и раствором. В угол здания, а также в кладку цоколя уложены отдельные хорошо обработанные известняковые блоки правильной прямоугольной формы явно вторичного использования (0,45 × 0,45 м; 0,45 × 0,25 м; 0,38 × 0,35 м; 0,41 × 0,32 м и др.). Не исключено, что готовый камень для своих построек генуэзцы извлекали из руин постройки античного времени. Аналогичный прием, придававший постройкам дополнительную прочность, местные строители применяли, например, при сооружении консульской церкви. Кроме того, в кладку стены мастерским образом включен естественный выступ скалы, что добавляло прочности всему сооружению. Внешняя поверхность верхних рядов кладки северной стены «строения 1» была покрыта слоем известковой штукатурки (0,02–0,03 м). Западный угол северной стены «строения 1», очевидно, был разобран при сооружении подпорной стены на рубеже XIX–XX вв.

Стратиграфия и местоположение башни № 6 и «строения 1» позволяют предположить, что «строение 1» было возведено позже башни. Толщина стен этого большого здания (1,0 м) указывает на его общестроительный характер. В византийской и генуэзской градостроительной практике отмечено сооружение христианских храмов рядом с действующими водохранилищами и цистернами. Не исключено, что «строение 1» является остатками храма, сооруженного на территории крепости в рамках масштабного строительства, развернувшегося в Чембало после подавления восстания 1433–1434 гг.

Г. А. Косовская (Белгород)

К ИСТОРИИ ДРЕВНЕЕГИПЕТСКИХ КУЛЬТОВ В РАННЕВИЗАНТИЙСКОМ ЕГИПТЕ

После смерти Феодосия Великого (379–395 гг.) Римская империя была разделена между двумя его сыновьями. Египет стал владением первого императора Византии Аркадия. Ранневизантийский период истории Египта уже был предметом отдельных работ по истории провинции в целом (Р. Богнелл, А. Боумен), Александрии (К. Хаас), религии (Д. Франкфуртер), папирусов Оксиринха (И. Ш. Фихман), риторики (А. Б. Ковельман), коптов (Е. Г. Толмачева), египетской политики Юстиниана (Э. Харди), кануна арабского завоевания (А. Батлер). Но если борьба с греко-римским язычеством и становление христианской традиции уже достаточно хорошо изучены в историографии, то финал древнеегипетских культов еще не был предметом специального исследования. Источниками по теме являются как письменные свидетельства (Гораполлон, Руфин, Созомен, Сократ Схоластик, Палладий, Иоанн Кассиан, коптская традиция), так и памятники материальной культуры, археологии.

Новизна наших подходов заключается в определении новой проблематики, в рассмотрении имеющихся

источников под новым углом зрения. Христианизация Египта проходила в борьбе церкви не только с античными культами, но и с египетскими. В IV–V вв. многие древние храмы были превращены в монастыри — в Фивах появились Дейр-эль-Медина и Дейр-эль-Бахри. Подобная участь постигла и второй из заупокойных храмов Рамсеса III в Мединет-Абу, и храм Аменхотепа III в Луксоре. Одна из ранних церквей была построена между Родильным домом и Коронационным залом в храме богини Хатор в Дендера с использованием каменных блоков, взятых из Родильного дома. Многие святые боролись с демонами в развалинах древних храмов. Префект претория Матерн Кинегий (384–388 гг.), был послан в Египет (383/4 г.), чтобы запретить поклонение египетским богам и закрыть их храмы. Приказ был выполнен. Но остатки египетских культов продолжали существовать. Еще в 485 г. недалеко от Александрии действовал храм Исиды. При храме жили священные бабуины и кошки, часть статуй, наполнявших его, была перенесена из разрушенных мемфисских храмов, а стены святилища были покрыты иероглифическими

надписями. Храм Исиды в Филе, у южных границ Египта, просуществовал до 535 г., пока не был превращен в христианскую церковь.

Примером живучести египетской традиции стало появление в V в. трактата египтянина Горapolloна «Об иероглифике» в двух книгах, где он дает толкование и переводы смыслов основных знаков иероглифического письма. Этот трактат перевели на греческий язык, а это значит, что импульс древнеегипетской религии был все еще сильным. В некотором роде пережитком териоморфизма египетской сакральной иконографии можно считать иконографию христианского святого Христофора Кинокефала с песьей головой. Такой мотив древнеегипетской религии, как Исида с младенцем Хором на коленях, повлиял на формирование образа Богородицы. В ранневизантийский период было распространено изображение Хора в облике конного воина с головой сокола, пронзающего копьем Сета в образе крокодила. Этот

сюжет восходит к изображениям триумфа Хора над Сетом.

Магическая и медицинская литература коптов является непосредственным продолжением древнеегипетской. Коптские магические тексты близки демотическим. В заклинаниях нередко присутствуют образы древней мифологии, соотносясь с их прямым назначением — победить заклятого врага, дать жизнь ребенку, наложить любовные чары. Став христианами, египтяне сохранили свою, отличную от других народов, идентичность. Копты создали монофизитскую «национальную церковь». Таким образом, древнеегипетские культы не исчезли совершенно бесследно, а древнеегипетская традиция продолжила свое существование в некоторых культурных феноменах последующих исторических эпох. В этой трансформации главное место занимает ранневизантийский период — время завершения бытования в той или иной форме собственно древнеегипетских культов.

В. В. Майко (Симферополь)

СТЕКЛЯННЫЕ БРАСЛЕТЫ ВИЗАНТИЙСКОЙ ТАВРИКИ. ВОПРОСЫ ТИПОЛОГИИ, ТЕХНОЛОГИИ И ХРОНОЛОГИИ

Специалистам по византийской археологии хорошо известно, что эта категория украшений является одной из наиболее массовых при археологических исследованиях провинциально-византийских и византийских центров. Это справедливо и по отношению к византийскому Крыму. Коллекции данных изделий, происходящие из материалов разнообразных памятников полуострова, насчитывают не одну тысячу экземпляров. Только в юго-восточном Крыму в Сугдее и на Боспоре, насчитывается в настоящее время более 1000 фрагментов и целых браслетов.

Ориентируясь на способ изготовления, все браслеты традиционно разделяются на три основные группы. Первая, наиболее многочисленная, представлена гладкими прозрачными экземплярами. Орнаментация на них по большей части отсутствует или не сохраняется. Вторая — браслеты, изготовленные из матового стекла. Почти на всех экземплярах присутствует орнамент, получивший условное название «византийской лозы». Он представлен сочетанием спиралей, крестиков, точек, стилизованных птиц, разделенных вертикальными или закругленными линиями и заключенных в две параллельные линии по краям изделия. Третья — витые браслеты прозрачного стекла. Однако на сегодняшний день внутри этих групп можно выделить некоторые стабильные морфологические типы. Пока их известно 8, включающие от 2 до 5 вариантов.

Судя по полуспектральному анализу, все типы браслетов относятся к натриево-кальциево-магниево-кремнеземному типу стекла. Данный тип стекла является золистым, что характерно для изделий из ближневосточных и византийских областей, начиная с VIII в. после завоевания Египта арабами. Повышенное же содержание марганца характерно для браслетов закавказского происхождения, датируемых не ранее конца X в. Значительное же содержание кальция свидетельствует о применении при изготовлении золы

солончаковых растений, регион распространения которых указывает на восточные области. Вторым источником повышенного содержания кальция мог стать песок с примесью раковин моллюсков. Самая большая группа браслетов плоско-выпуклого сечения изготовлена методом вытягивания. Уплотненная форма изделия достигалась за счет плоскости, на которую помещалась стеклянная заготовка.

По поводу времени появления стеклянных браслетов в Северном Причерноморье высказаны две основные точки зрения. Согласно первой это произошло во второй половине или рубеже IX—X вв. При этом многими авторами время появления стеклянных браслетов обоснованно связывается со временем прекращения функционирования салтово-маяцкой культуры. Согласно второй точке зрения, это случилось не ранее второй половины X в.

Все известные автору закрытые городские и поселенческие комплексы Таврики свидетельствуют о том, что ранее середины X в. стеклянные браслеты в них не фиксируются. Наличие же их в культурных горизонтах предшествующего времени долговременных городских памятников является естественной «примесью сверху». Сказанное справедливо и по отношению к памятникам Таманского полуострова и Балкан. Особенно показательны в этом плане материалы раскопок стеклоделательной мастерской в Старой Загоре (Болгария). Обнаруженные там расписные браслеты встречены с монетами середины XI в. Позже этого времени мастерская не существовала. Не ранее XI в. датируются и находки браслетов на территории Сербии и Паннонии, где их появление связывается с византийским влиянием. Более того, материалы раскопок стекольных мастерских и памятников на территории центральных провинций Византийской империи и Константинополе свидетельствуют, что все обнаруженные браслеты датируются не ранее середины X в.

Проблема времени появления стеклянных браслетов в Причерноморье напрямую связана с вопросом об их возможном производстве в Крыму и на Тамани. В пользу этого свидетельствует их чрезвычайно массовый характер. Однако подавляющее большинство находок обнаружено в материалах городских центров Херсонеса, Сугдеи, Боспора, Тматархи-Тмутаракани. Можно согласиться с С. Б. Сорочаном в том, что в условиях небольшого эргастерия организовать такое производство было не сложно, а торговать выгоднее и удобнее, чем дешевой посудой. Однако если для Херсонеса такой вариант в качестве рабочей гипотезы рассматриваться может, хотя мастерские по производству стеклянных браслетов пока не обнаружены, то для остальных городских центров Таврики и Тамани, на мой взгляд, даже в качестве предположения, этот вариант анализировать пока нет оснований. При этом надо учитывать,

что, по справедливому мнению исследователей, распространение браслетов, в отличие от стеклянных бус, было монопольной государственной прерогативой.

Не менее сложно определить верхнюю хронологическую границу существования браслетов. Во всяком случае, в материалах второй половины XIII в. они встречены в виде отдельных мелких фрагментов. Основная масса обнаруженных и типологизированных браслетов известных в материалах Золотоордынских памятников, отличается от византийских. Данное утверждение справедливо и по отношению к браслетам Древнерусского производства.

Таким образом, являясь одним из ярких индикаторов моды средневизантийского периода, стеклянные браслеты, на мой взгляд, служат и хронологическим репером, позволяющим говорить о наличии материалов второй половины X—XI вв.

А. А. Роменский (Харьков)

ОГЛАШЕНИЕ КНЯЗЯ ВЛАДИМИРА: МИФ ИЛИ РЕАЛЬНОСТЬ?

Вопрос о последовательности крещения киевского князя Владимира Святославича столь же дискуссионен, как и проблема места и времени его погружения в купель. Исходя из анализа сведений древнерусских летописных и агиографических источников и их сопоставления с византийскими («Аноним Бандури») и скандинавскими («Сага об Олаве Трюгвасоне») повествованиями, ученые предположили, что по отношению к князю применялась огласительная практика древней Церкви. Подробный анализ чина оглашения был проведен Мигелем Арранцем. Дмитрий Оболенский обосновал мысль, что Владимир, как и княгиня Ольга, первые шаги на пути к христианству предпринял еще в Киеве. Принятие христианства состояло из предварительной фазы (*prima signatio*) и заключительного акта крещения, произошедшего уже в Херсоне. Подобная ситуация была характерной для скандинавов раннего Средневековья. Крещение правителей Руси в современной историографии рассматривается сквозь призму концепции «варяжского христианства», выдвинутой Джоном Линдом.

Крещальный чин в древности представлял собой ряд последовательных этапов: первое оглашение (в случае крещения детей — молитвы 8 и 40 дня после рождения); второе оглашение, преимущественно происходящее во время Четыредесятницы, включающее в себя: молитву «чтобы сотворити оглашенного», закланья и отречение от дьявола; сочетание с Христом накануне крещения; освящение воды и помазывание крещаемого елеем; самое Таинство крещения. После совершения Таинства происходило облачение в белые одежды, возложение креста, миропомазание (конфирмация), шествие вокруг купели, разоблачение и пострижение волос. В раннесредневековый период крещальный чин в основном соответствует древним образцам, но практика оглашения и крещения несколько изменяется, сообразно ситуации с распространением христианства и потребностями Церкви. Пасха и Пятидесятница перестали быть исключительным временем

обрядов, уже с VI в. распространился обычай крещения в младенческом возрасте, что исключало процедуру оглашения, однако и для взрослых прозелитов время приготовления к крещению сократилось до 40 дней, а в экстренных случаях, например, при потребности крестить целый народ, бывало и меньшим. В X в. Константинопольский Патриарх совершал крещение пять раз в году: на Пасху, между Вечерней и Литургией Св. Василия Великого, в утро Великой Субботы, после утрени на Пятидесятницу, утром в день Богоявления и в Лазареву Субботу.

Как же теория катехизации отразилась на практике в конкретном случае крещения «архонта росов» Владимира? Согласно «Корсунской легенде» акт оглашения и крещения произошел именно в Херсоне, в центре византийской Таврики: «Епископ же корсунский с попы царицыны, огласив, крести Володимира...» Сведения «Памяти и похвалы Владимиру» Иакова мниха позволяют предположить, что предварительное ознакомление князя с христианством произошло еще в Киеве, за три года до Корсунского похода. Но следует учесть, что в византийской миссионерской практике к X в. не всегда соблюдались нормы древних предписаний об обращении язычников, и крещальный чин претерпел эволюцию в сторону упрощения. Таким образом, применение раннехристианской процедуры оглашения в полной мере маловероятно. Выглядит обоснованной аналогия с предварительным крещением скандинавских правителей. Именно для «варяжского христианства» характерно внимание к обрядовой, а не догматической стороне культа, прагматическое восприятие религии как средства для получения материальных благ уже в земной жизни.

Представляется, что акт крещения мог иметь место именно в Херсоне, как завершение победоносной для Владимира военной операции. Победа продемонстрировала силу христианского Бога, его преимущества перед старыми богами киевского пантеона и предопределила окончательный выбор веры в сознании росов.

С. Б. Сорочан (Харьков)

О КОМИССИОНЕРАХ В ВИЗАНТИИ VII—IX вв.

Специализация в византийской сфере услуг эпохи «темных веков» будет выглядеть неполной без учета комиссионеров, являвшихся купцами с точки зрения торгового права. Классический пример такого рода деятельности содержит «Учение новокрещенного Якова» (*Doctrina Jacobi nupter baptizati*) (первая половина VII в.), где рассказывается о некоем иудее из Анатолии, продававшем в Карфагене за комиссионные в 15 солидов переданные ему товары. Вопреки мнению, сложившемуся среди византийцев, можно утверждать, что Византия VII—IX вв. не забывала практику посреднической торговли, которая имела давнюю, в том числе правовую традицию, а не относилась, как считается, к «новым установлениям» Льва VI (886–912).

В частности, к одной из важнейших комиссионных специальностей принадлежала особая профессия, связанная с освидетельствованием (*martyrias*) качества лошадей, поставляемых на рынок, и платным посредничеством при их продаже, какую имели ис-

кусные в ветеринарии лица. Книга Эпарха наделяла их странным названием — прозвищем *bothroi* (дословно — «ямы», «ямники»). Закон о них, частично включенный в Книгу Эпарха, согласно сведениям указателя Типуки к Василикам, был издан «мудрым василевсом Львом», но это не значит, что сам институт контролеров-посредников по продаже лошадей возник не раньше конца IX в. и вскоре исчез. Весь смысл распоряжения Книги Эпарха о вофрах отражал достаточно давнюю организационную практику этой профессии (*episteme*) и самой «науки оценки», которая могла сложиться в результате долгого функционирования и которую, «согласно с обычаем» (*nomimos*), лишь упорядочил и более четко регламентировал Лев VI. Феофан тоже писал об особом контроле за торговлей лошадьми, что подразумевает существование специальности вофров по крайней мере в конце VIII — начале IX вв. Судя по всему, это были своего рода маклеры, крупные или мелкие барышники, обслуживавшие торговцев.

Е. Н. Столяренко (Харьков)

О ВРАЧЕБНОЙ ПРАКТИКЕ В ГЕНУЭЗСКИХ КОЛОНИЯХ КРЫМА (XIV—XV вв.)

В XIII—XIV вв. в европейской средневековой медицине происходят значительные изменения. Врачи-теоретики, которые имели университетское образование, начали заниматься практической медициной. Теперь, лечя пациентов, они зарабатывали себе на жизнь. Кроме врачей медицинскую помощь населению оказывали хирурги и цирюльники. У них не было высшего образования, и они занимались исключительно практической медициной. В социальной лестнице хирурги и цирюльники находились на ступень ниже, чем врачи.

В уставе генуэзских колоний Крыма 1449 г. цирюльник упоминается дважды: в разделах, касающихся Солдайи и Чембало. Отдельная статья расходов Солдайи предусматривала выделение 180 аспров в месяц на зарплату цирюльника (*barberius*), знающего хирургию. В Чембало цирюльник входил в число сорока солдат, оборонявших крепость. Его жалование, как и остальных, несущих службу, составляло 150 аспров в месяц. Как не удивительно, но в уставе Каффы, главного города генуэзцев в регионе, лекари не упоминаются.

Регесты документов фонда «*Diversorum filze*» секретного архива Генуи сообщают, что в Каффе был человек, знающий медицину. Известно, что в 1424 г. *magister phisici* Томмазо ди Феррари отправился из Генуи в Каффу в качестве врача. Судя по его магистерской степени, Томмазо ди Феррари имел университетское медицинское образование. Из метрополии в колонию он перебрался в надежде улучшить свое скудное материальное положение. При этом дома на попечение матери Феррари оставил свою жену.

О медиках-практиках в генуэзских колониях Крыма сообщают археологические источники. При раскопках Консульской церкви крепости Чембало в одном из захоронений был найден небольшой крючок, изготовленный из серебра высокой пробы. Судя по размерам и материалу, его, вероятнее всего, использовали при лечении травм и обработки открытых ран. Здесь же, в районе башни № 8, обнаружен миниатюрный металлический нож, такого же размера пинцет и свинцовая лопатка, рабочая часть которой была согнута на 90°.

М. В. Фомін (Харків)

ПРО ПІРСЬКУ ФОРТЕЦЮ СЮЙРЕНЬ (ШИВАРІН)

Одним з найпривабливіших і загадковіших пам'ятників південно-західного Криму є Сюйренська фортеця. Цей пам'ятник привертав увагу Н. І. Репнікова та Є. В. Веймарна, Д. Л. Таліса та І. А. Баранова, Ю. С. Вороніна та В. Н. Даніленко. Але при цьому системних досліджень не велося. Це породило багато питань,

серед яких – датування комплексу. Так Н. І. Репніков, А. Л. Якобсон, Є. В. Веймарн, С. Б. Сорочан, О. В. Вус відносять його до VI—VII ст. На свою чергу, Д. Л. Таліс датує XI—XII ст., А. І. Айбабін датує IX ст.

Існують припущення, що ця оборонна споруда, розташована в просторі розселення готів, називалася

Шиварін. Про це в XVI ст. повідомив у своїх мемуарах барон Бусбек. У Константинополі Бусбек зустрів двох кримчан (гота і грека), які розповіли йому про головні центри гірської Таврики — Мангуп та Шиварін.

Нерівну поверхню скельного мису перегороджують під тупим кутом дві куртини, які сходяться до круглої вежі, винесеної у фронт оборони. Загальна довжина укріпленого периметру — 111 м. Товщина куртин — 2,5 м, а висота (збережена) сягає 4,5 м. Стіни двоповерхової круглої вежі мають товщину 1,5 м кладка стін аналогічна стінам ранньовізантійських міст Херсона, Мангупа, Єскі-Кермен, Чуфут-Кале, та може бути датована VI ст. Внутрішня сторона зберегла постелі під дерев'яні конструкції бойових майданчиків. У південно-західній куртині існував додатковий вхід, який перетворився на основний після того, як були замуровані головні ворота. Це сталося не раніше XIII—XIV ст., тоді ж на відстані 240 м від ранньовізантійського укріплення була споруджена додаткова стіна довжиною 145 м, що повністю перегородила мис Куле-Вурун. Центр оборони — двоповерхова кругла вежа, висота досягає 10 м, а разом з кам'яним парапетом та зубцями, ймовірно, складала не менше 12 м., діаметр — 8 м. Наверху вежі є майданчик, викладений добре витесаними прямокутними плитами вапняку. Стіна мала ступінчастий малюнок фасаду, парапет та зубці-мерлони з клиноподібним завершенням. Перекриття між поверхами було дерев'яним. Верхнє перекриття — сферичне, викладене клиноподібними блоками. У нижньому

ярусі вежі збереглося дві амбразури, а на другому поверсі — три. На верхньому майданчику могли встановлювати балісти, які прострілювали ділянку дороги, що піднімалася до головних воріт. Під час досліджень 1978 р. на Куле-Буруні було знайдено до 500 болів — круглих кам'яних ядер невеликого калібру для баліст. Візуально простежуються два будівельних періоди. Під час першого було збудовано стіну та невисоку вежу з зубцями. Під час другого було добудовано ще один поверх та кам'яний дах з бойовим майданчиком. На другому поверсі збереглися фрагменти фрескового розпису, можливо, тут була розташована церква. Перебудова може бути віднесена до XIII—XIV ст.

На самому кінці мису залишилися штучні заглиблення у скалі. Серед них деякі могли бути підтесами під дерев'яну сигнальну вежу, з якої, у разі необхідності, могли оповіщати про небезпеку. Навіть біглий топографічний аналіз розташування ранньосередньовічних укріплень дозволяє припустити існування у південно-західному Криму щось подібне до «телеграфу».

Проаналізувавши наявні дані, можемо стверджувати, що прикордонний бург Шиварін був зведений на командній висоті у Бельбекському каньйоні наприкінці VI ст. за ініціативою візантійської адміністрації для несення розвідувально-дозорної служби, а саме — забезпечення контролю за пересуванням у передгір'ях нових, небезпечних для Імперії, ворогів — військ Тюркського каганату. Надзвичайно вигідне місце розташування комплексу забезпечувало візуальне спостереження у північному напрямку.

ИСТОРИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ НАУКИ: к 110-летию XII Археологического съезда

А. Ю. Баукова (Львів)

КОНФЕРЕНЦІЯ 1926 Р. В КЕРЧІ ЯК АНАЛОГ РОСІЙСЬКИХ АРХЕОЛОГІЧНИХ З'ЇЗДІВ

Археологічні з'їзди — це видатні віхи розвитку вітчизняної археології. Вони відіграли важливу роль у формуванні методичної основи розкопок, сприяли виробленню цілісного уявлення про історичне минуле Східної Європи та створенню єдиного плану дослідження теренів Російської імперії. Після проведення археологічного з'їзду у Новгороді, намічений на 1914 р. з'їзд не відбувся у зв'язку із політичними подіями. Таким чином непевність часу призвела до певної стагнації у наукових колах. Поступ археології в нових історичних умовах перших післяреволюційних років ускладнювався й браком коштів. На початку 20-х рр. XX ст. остаточно сформувалась ієрархія державних археологічних установ, правова основа їх діяльності та проведення археологічних пошуків і назріла потреба у відновленні традиції проведення всеросійських археологічних з'їздів. Проте в нових політичних умовах було зрозуміло, що про таку назву навіть мова не може йти. Хоча П. Курінний і назвав у своїй праці конференцію 1926 р. Шістнадцятою Всеросійською Археологічною Конференцією в Керчі. Ця назва є слушною, зважаючи на склад учасників конференції та особливості її проведення.

Крим, як територія, насичена пам'ятками античної культури, завжди посідав особливе місце серед об'єктів пильної уваги російських наукових установ. Важливу роль у процесі становлення тогочасної античної археології відіграв і Керченський музей старожитностей. Тому століття з дня його заснування було обрано нагодою для проведення наукової конференції радянських археологів.

Конференція у Керчі була організована КримОХРІСом та Керченським музеєм з дозволу ДАІМК, АН СРСР та Головнауки. У роботі конференції взяли участь 135 учених з 73 установ та 30 міст СРСР. Серед них були представники Москви (29 осіб), Керчі (21 особа), Сімферополя (18 осіб), Ленінграда (15 осіб). Серед делегатів конференції були Ф. Петров (голова Головнауки), академіки М. Марр, С. Платонов, В. Бузескул, проф. В. Городцов, О. Спіцин, Б. Фармаковский, Ю. Готьє, І. Бороздін, Т. Пассек та ін.

До початку конференції у музеї вперше експонати було розміщено за сучасним принципом, а також для огляду були відкриті видатні пам'ятки боспорського мистецтва — розписні склепи на північному схилі Мітридату.

На конференції працювало чотири секції: первісної (доісторичної), ірано-еллінської, середньовічної та тюрксько-татарської археології. За час роботи конференції проведено 27 засідань, з них чотири пленарних. Кожного дня видавався бюлетень із короткими тезами виступів. Їх аналіз дозволяє уявити стан розробки, головні проблеми, центри і напрямки досліджень.

Проблематика доповідей стосувалася переважно історії дослідження різночасових старожитностей півдня СРСР. Також було заслухано доповідь В. Городцова «Типологічні та порівняльні методи в археології», в якій порушувалось питання розробки методології археологічних досліджень.

Важливо, що у своєму виступі директор Керченського музею та Керченського відділення ОХРІСу Ю. Марті торкнувся питання про необхідність складення плану цілеспрямованих археологічних досліджень античних пам'яток. За результатами роботи конференції прийнято резолюцію, в якій, по-перше, наголошувалося на необхідності прискорення процесу розробки та уточнення археологічних методів, з метою перетворення археології на точну науку і, по-друге, передбачалося складення єдиного плану археологічного дослідження пам'яток Криму. Також резолюція містила рекомендації розширення викладання археології у вищих навчальних закладах та відкриття Археологічного інституту. Також пропонувалося проводити періодично археологічні з'їзди. Значення пам'яток Керчі для світової археології та науковий потенціал стали передумовою прийняття конференцією пропозиції заснувати у Керчі філіал ДАІМК. Більшості з цих планів не судилось збутися, однак конференція 1926 р. стала важливою подією історії вітчизняної археології.

ДОНСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО КОМИТЕТА XII АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО СЪЕЗДА

С момента создания Харьковского университета и образования Харьковского учебного округа Область войска Донского стала важной составной его частью. Именно в этом университете Войско Донское имело несколько «льготных» мест для подготовки специалистов по различным направлениям гуманитарного знания, прежде всего юристов и филологов. С директивой правления Харьковского университета о собирании раритетов связано появление первого собрания древностей на Дону (1807 г.), находившегося в стенах войсковой гимназии. Выпускник ее А. К. Кушнарев провел и первые раскопки на Недвиговском городище в 1824 г.

В составе Статистического комитета Области войска Донского (1836 г.) и Комиссии по устройству Донского музея (1890 г.) так же были выпускники Харьковского университета, что ускорило создание в Новочеркасске отделения Предварительного Комитета XII Археологического съезда. Уже 17 июля 1900 г. (ст. ст.) в торжественной обстановке состоялось его открытие. Важность события подчеркивало участие в мероприятии наказного атамана войска Н.Н. Максимовича, и назначение председателем отделения генерал-лейтенанта А. М. Грекова. Для донских любителей старины открытие самостоятельного отделения Предварительного комитета стало событием большой важности, поскольку стало первым серьезным мероприятием для сотрудников Комиссии по устройству Донского музея. Сам музей был открыт посетителям лишь в конце 1899 г., а собранные до этого времени коллекции, предназначенные для музея, представлялись лишь «на высочайшее воззрение» и пополняли Эрмитаж, а в археологическом отношении Дон был так «неизвестен, что можно ожидать на нем встретить все, что угодно».

Отделением были организованы экспедиции для изучения древностей региона (работы В. А. Харламова на Северском Донце и М. А. Миллера в Северо-Восточном Приазовье) незначительный бюджет которых определил их итоги.

Принципиально иная ситуация сложилась с организацией научного анкетирования. Не имея возможности оказывать значительную материальную помощь отделению, администрация Войска Донского могла использовать «административный ресурс» в организации любых широкомасштабных исследований. Опыт сбора данных по анкете Д. Я. Самоквасова в 1872–1873 гг., наглядно показал действенность жестких военно-бюрократических методов сбора и обработки информации.

К началу XX в. ситуация в обществе изменилась. Акцент Предварительного Комитета на анкетный метод сбора информации для съезда, наличие 6 типов опросных листов и отсутствие финансирования для их обработки создали типичную для России картину: несмотря на посев, жатву, погодные условия и др., администрация наказного атамана и нижестоящие органы власти (администрации окружных атаманов) буквально выбивали информацию из заполнявших анкеты станичных атаманов и волостных старост. Этим объясняется серьезный дисбаланс в количестве заполненных анкет и их качестве.

Самой массовой из распространенных на Дону была анкета о каменных изваяниях («Сведения о каменных бабах Донской области»), разосланная многими сотнями экземпляров не только по территориальным органам управления, но и по православным приходам. Точное количество заполненных анкет и сегодня не установлено, поскольку они не составляют единого массива архивных документов. Известно, что заведующий Донским музеем Х. И. Попов продолжал пересылать П. С. Уваровой данные о каменных изваяниях и их зарисовки еще несколько лет после съезда в Харькове. При всем несовершенстве механизма сбора и обработки информации по анкетам, Донскому отделению съезда удалось сконцентрировать и частично обработать огромный объем информации по памятникам археологии огромной области (шестой по площади в Российской империи).

К. А. Гусев (Москва)

К ЮБИЛЕЮ МЕЖДУНАРОДНОГО КОНГРЕССА ПО АНТРОПОЛОГИИ И ДОИСТОРИЧЕСКОЙ АРХЕОЛОГИИ 1892 года

В 1892 г. в Москве прошел Международный конгресс по доисторической археологии и антропологии. К его проведению было приурочено открытие в залах Исторического музея двух выставок: географической и археологической.

Этот научный форум был уже одиннадцатой сессией Конгресса. Такие форумы проводились в крупнейших научных центрах того времени. Единственный раз такое мероприятие организовывалось в Российской империи. Этому Конгрессу практически не уделялось внимания в научных работах.

Вся тяжесть организационных работ легла на Общество Любителей Естествознания, Антропологии и Этнографии при Московском университете. В 1889 г. был организован специальный организационный Комитет для проведения Конгресса. Его председателем был избран Анатолий Петрович Богданов, автор важнейших работ по антропологии и зоологии, маститый ученый, обладающий большим авторитетом в международном научном сообществе. Секретарем же стал Дмитрий Николаевич Анучин, первым занявший образованную в Московском университете в 1876 г. Кафедру антропологии, основоположник академической географии в России.

Работа Конгресса была организована по 5 секциям. Первая из них называлась «Геология и палеоантропология в связи с изучением первобытного человека» и была посвящена вопросам, отражающим экологическое окружение первобытного человека. В ее работе наряду с другими приняли участие почвовед В. В. Докучаев и геолог С. Н. Никитин.

Работа секции «Первобытная археология» акцентировалась на вопросах археологии каменного века. Признанные авторитеты, такие как Л. Нидерле, Р. Вирхов, А. Де Картаж, рассматривали самый широкий спектр вопросов от различных палеолитических индустрий Евразии до погребений эпохи Великого переселения народов.

Секция «Курганы и городища» была представлена работами отечественных археологов. А. А. Спицын излагал результаты своих исследований на севере Европейской части России (в Вятской губернии), генерал Н. Е. Бранденбург подготовил сообщение о пояском наборе скифов, В. В. Передолский выступил с докладом, посвященным новгородским жальникам.

Исследования, представленные в секции «Антропология» были посвящены вопросам расовой антропологии, методическим проблемам антропометрии (в том числе краниологии). В ее работе принимали участие видные представители науки о человеке,

такие как А. П. Богданов, Д. Н. Анучин, Ю. Топинар, П. Брока.

Пятая секция получила название «Первобытная этнография». Участники этого подразделения Конгресса занимались как изучением традиционных направлений (доклад Н. И. Троицкого о реликтах язычества в Доно-Окском междуречье), так и новаторских тенденций в науке. Так реконструкции обрядовых действий на базе антропологического и археологического материала были посвящены сообщения И. Н. Смирнова и А. А. Иностранцева. Князь П. А. Путятин докладывал результаты своего исследования «Следы царапин на скелетах палеолитического и неолитического периодов».

Широкое использование палеоантропологического материала из археологических характерно для отечественной научной традиции, а выступления с результатами своих исследований на Международных форумах свидетельствуют о международном признании отечественных ученых.

Проведение в Москве в 1892 г. Международного Конгресса по доисторической археологии и антропологии было важнейшим событием для научной жизни. В работе этого научного форума принимали участие крупнейшие ученые того времени. Среди них были широко представлены и исследователи из Российской империи, что свидетельствует о широком международном признании их работ.

Н. В. Кукса (Чигирин)

АРХЕОЛОГІЧНІ ДОСЛІДЖЕННЯ В ЦЕРКВІ СЯТОГО ПРОРОКА ІЛЛІ В СУБОТОВІ В СЕРЕДИНІ ХХ — НА ПОЧАТКУ ХХІ СТ.

Всередині 50-х рр., в 70–90-х рр. ХХ ст. та на початку ХХІ ст. в церкві в ім'я Святого Пророка Іллі в Суботіві мали місце археологічні дослідження, основною метою яких були пошуки поховання Богдана Хмельницького.

В 1953 р. експедицією Інституту історії і теорії архітектури Академії архітектури УРСР Г. Логвином здійснено перші історико-архітектурні дослідження Іллінської церкви. Незважаючи на досить обмежені кошти, експедиція провела розвідкові розкопки. В міру фінансових та технічних можливостей дослідження стосувалися лише зовнішнього аналізу архітектурних особливостей споруди.

Наступні дослідження припадають на 1969–1973 рр. Експедицію Інституту археології АН УРСР очолювали Р. Юра, П. Горішний, М. Кучера.

Ретельно досліджено вівтарну частину церкви та вірогідне місце поховання гетьмана. Виявлено, що домовини Б. Хмельницького тут немає.

В західній частині розкопу розчищено частину плити чи великого каменю, можливо, покладеного зверху поховальної ями. У східній частині на глибині 1,7 м біля фундаменту виявлено фрагмент обгорілої дубової дошки розміром 0,5 × 0,12 м, можливо, з дерев'яної домовини.

Тут же знайдено невеликий шматок майже зітлілої тканини, а в проломі фундаменту — кістку з людського ребра. На глибині 2 м розчищені контури, а потім яма, яка за своїми розмірами 0,7 × 2,2 м свідчить, що тут було поховання, яке пізніше пограбовано і викинуто.

Поблизу фундаменту північної стіни та біля входу знайдено три чоловічих поховання в дерев'яних домовинах. На одному з кістяків збереглися залишки шовкового пояса, який датує це поховання ХVII ст.

В шурфі біля напівколони на глибині 1,90 м виявлено поховання в зотлілій дерев'яній домовині. Належить чоловікові 40–45 років, збереглося погано, знайдено хрестик із шкіри, більше ніякого супроводжуючого матеріалу не виявлено. Слід відзначити, що про існування в Іллінській церкві поховань, крім поховання Богдана Хмельницького, до розкопок відомостей не було. Можна лише висловити припущення, що виявлені поховання належать членам родини гетьмана або представникам козацької старшини.

Тоді ж було прийнято рішення про необхідність реставрації споруди. За проектом С. Кілессо проведено цикл відновлювальних заходів. Архівних матеріалів щодо первісного вигляду храму було виявлено небагато, тому в основу проекту реставраційних робіт було покладено висновки археологічних досліджень.

Подальші археологічно-архітектурні дослідження навколо пам'ятки, що мали місце в 70–90-х рр. ХХ ст., як правило, супроводжувалися реставраційними роботами.

На початку ХХІ ст. знову активізувалися реставраційно-археологічні студії навколо усипальниці гетьмана, що є суттєво новим етапом в дослідженні пам'ятки.

Розвідувальною експедицією Інституту археології НАН України під керівництвом Н. Шевченко 24.08.2005 р. було проведено ультразвукове обстеження південної і південно-західної стіни споруди.

Помічено, що південна стіна майже на метр довша за північну і це при тому, що точність архітектурних елементів, які повторюються, дорівнює 1 см, чого свого часу не відзначив Г. Логвин.

З огляду на дослідження 2005 р., найбільш вірогідним місцем, де могло бути поховання гетьмана чи його сліди, вважалася ділянка біля південної стіни храму.

Проте неабияку інтригу складав і південно-західний кут споруди, який вважався суцільним і завдяки своїм розмірам, що становили близько 20 кв. м, на думку дослідників, цілком міг приховувати як вхід в одне з підземель, що могло бути під церквою, так і власне поховання.

Заслужують уваги цікаві, не відмічені раніше особливості побудови храму. Зокрема, фундамент колон церкви, на які опираються хори і арковий звід стелі, має глибину 1,3 м. Тоді як глибина фундаменту в цьому ж південно-західному кутку — 2,6 м. Однак,

обидва фундаменти опираються не на материк, а, як зафіксували прилади, знаходяться на «порушеному» ґрунті, що, як відомо, неприпустимо для будь-якого будівництва.

Південна стіна споруди, окрім того, що на 1 м довша від північної, ще й впродовж 8,5 м не «втрапила» на свій фундамент. Вона зміщена з фундаменту всередину храму майже на 0,2 м. Напрошується думка, що загальна архітектура церкви не відповідала початковому задуму, або будівельники намагалися щось приховати.

Як бачимо, результати досліджень, як не парадоксально, поставили перед науковцями ще більше запитань, невідомих раніше і не дали жодної відповіді. Причому, відповіді на питання, що несподівано виникли, реально знайти лише спільними зусиллями археологів, архітекторів, реставраторів — знавців середньовічної архітектури.

М. О. Принь (Луганськ)

ПАМ'ЯТКООХОРОННІ ДОСЛІДЖЕННЯ ХАРКІВСЬКОГО АРХЕОЛОГІЧНОГО МУЗЕЮ В СТАРОБІЛЬСЬКІЙ ОКРУЗІ

Старобільщина розташована у північній частині нищійої Луганської області, належить до Слобідської України і ще на початку ХХ ст. входила до Старобільського повіту Харківської губернії. 1920 р. Ізюмський і Старобільський повіти Харківської губернії відійшли до створеної тоді ж Донецької губернії. В 1923–1930 та 1933–1938 рр. Старобільська округа — адміністративно-територіальна одиниця Української СРР з центром у місті Старобільськ.

Усвідомлюючи важливість збереження пам'яток культурної спадщини краю та враховуючи звернення ВУАН, уже в серпні 1927 р. Старобільський окрвиконком повідомив, що для проведення археологічних досліджень пам'яток Старобільщини він зможе виділити кошти — 500 крб, допомогти з проживанням на квартирах та засобами пересування. В свою чергу, ВУАК розподілив отримані кошти порівну між харківськими дослідниками С. А. Таранушенком та О. О. Потаповим по 225 крб.

Завдяки отриманому фінансуванню Старобільська округа стає сферою професійних інтересів науковців Харківського археологічного музею — директора, професора Олександра Семеновича Федоровського і його аспірантів О. О. Потапова та І. М. Луцкевича, які вперше в Радянській Україні провели дослідження курганів біля с. Нещеретово у 1928–1929 рр.

1928 р. вперше на Старобільщині було проведено археологічні розкопки в селі Нещеретово коштами Старобільського окрвиконкому та зусиллями науковців Харківського археологічного музею. Археологічні дослідження виявили, що Старобільська округа надзвичайно багата археологічними пам'ятками, які дали змогу дати відповідь на цілу низку важливих наукових питань з давньої історії східної України. Як зазначав у своєму звіті О. О. Потапов: «...*Справжнє дослідження Старобільщини з боку передісторичного лише тоді дасть корисні наслідки, коли справа вивчення буде провадитись систематично за пляном та безупинно рік у рік, здобути матеріали будуть збиратися в однім місці, а саме в Старобільському Музеї...*» Експедиція працювала на Старобільщині у жовтні

у складі сімох осіб: керівника, лаборанта та 5 найма-них копачів.

Ще в 1927 р. на східній околиці с. Нещеретово селяни знайшли рештки поховання людини із зруйнованого глиняним кар'єром кургану. Схематичний план розміщення Нещеретовського могильника дозволяє стверджувати, що стародавній могильник містив сім курганних насипів. У польовий сезон 1928 р. О. О. Потаповим та І. М. Луцкевич були розкопані два кургани, які містили поховання епохи бронзи та пізньосарматське поховання. Дослідження кургану № 1, діаметром 22 м і висотою 1,33 м, проводилося з застосуванням розбивки площі методом «квадратованого кесону» на 196 кв. м (14 × 14 м) і виявило два поховання. Поховання 1 у насипу зруйноване, друге — пізньосарматське — теж було пограбоване ще за давніх часів. У похованні знайдено уламки залізного меча з рукояттю, срібна застібка з сердоліковою вставкою — гемою із золотим обідком навкруги восьмигранного сердоліка, на якому була вирізана фігура козла. Знайдені й інші речі.

Розкопки другого кургану виявили наявність сімох поховань. Шість було досліджено, одне законсервовано для досліджень у 1929 р. Зафіксовано обряд поховання, характерний керамічний посуд, бронзові скроневі кільця в півтора оберти, наявність досипки крейдою та червоною фарбою (вохрою) дає змогу віднести досліджені поховання до епохи бронзи: зрубної та катакомбної культур. Після завершення польових досліджень кістяк з катакомбного поховання № 3 з другого кургану, бронзові прикраси, керамічний посуд та 28 фотографій процесу досліджень поповнили експозицію та фондову колекцію Старобільського музею.

Надавши науковий звіт до ВУАКу та Старобільського окружного виконкому, О. О. Потапов зосередився на польовому дослідженні Слобожанщини, а отримані результати були науково опрацьовані та надруковані тільки 1952 р. Завдяки проведеним археологічним дослідженням на території Старобільської округи вдалося виявити пам'ятки археології, які згодом були взяті на державний облік.

В. В. Скурда, І. М. Скурда (Харків)

XII АРХЕОЛОГІЧНИЙ З'ЇЗД У ХАРКОВІ: 110 РОКІВ ПОТОМУ

У серпні 2012 р. виповнилося 110 років з часу проведення XII Археологічного з'їзду у Харкові, якому судилося стати першим масштабним науковим форумом у місті та регіоні. В роботі з'їзду взяло участь понад 400 вітчизняних та зарубіжних науковців і краєзнавців. Навіть сьогодні вражають масштаби підготовчих робіт, проведених до з'їзду. Основна робота по їх організації велася Московським Попереднім комітетом та створенням у березні 1900 р., Харківським Попереднім комітетом (ХПК), а також допоміжними комітетами та комісіями, створеними у Ніжині, Полтаві, Курську, Воронежі, Катеринославі, Катеринодарі, Новочеркаську. Діяльність останніх на сьогодні залишається маловивченою, а матеріал, зібраний ними — малодослідженим. За час свого існування Харківським Попереднім комітетом було проведено 24 засідання. Його робота тривала протягом 2,5 років і за цей час ним було дуже багато зроблено в напрямку наукового вивчення минулого Харківщини та прилеглих до неї територій. Особливу увагу ХПК було приділено організації та проведенню археологічних та етнографічних експедицій, в результаті яких було досліджено близько 200 археологічних пам'яток, відбувалося вивчення традиційно-побутової культури регіону, творчої спадщини кобзарів та лірників, архівних матеріалів тощо. Найбільший внесок в організацію та проведення з'їзду був зроблений такими вченими як Д. І. Багалій, Є. К. Редін, М. Ф. Сумцов, Є. П. Трифільєв, О. М. Покровський, В. О. Городцов, К. М. Мельник, П. О. Радакова та ін.

Значна частина матеріалів, отриманих в ході проведення наукових експедицій, лягла в основу виданих ще до початку роботи з'їзду двох томів «Трудів Харківського Попереднього комітету».

В ході підготовчих робіт було створено виставку, що складалася з кількох відділів, найбільшу увагу серед яких привертала археологічний та етнографічний. За час роботи з'їзду виставку відвідало близько 60 тис. чоловік.

Робота самого з'їзду тривала протягом двох тижнів. Підсумки роботи були узагальнені в 3-х томах «Трудів

XII Археологічного з'їзду». Учасники з'їзду взяли безпосередню участь у розкопках поблизу с. Ніцаха та Донецького городища.

Підготовку і роботу XII Археологічного з'їзду у Харкові слід визначити як глибоко продуману систематичну наукову та пошукову роботу, яка активно сприяла процесу розвитку академічних традицій в Україні, подальшим професіоналізації та інституалізації історичної науки, розширенню напрямів і тематики наукових пошуків, дослідженню історичного наративу, акумулюванню наукового потенціалу тощо. Організатори з'їзду не тільки врахували досвід своїх попередників, а й збагатили його новими організаційно-методичними прийомами. Без усякого перебільшення можна стверджувати, що слобожанське краєзнавство протягом кількох наступних десятиріч розвивалося за алгоритмом, який був заданий з'їздом. Вивчення історії регіону та актуалізація регіональної історії взагалі сприяли національному забарвленню історичної науки.

Проаналізувавши підготовку та роботу XII Археологічного з'їзду, слід відзначити, що на сьогоднішній день в Україні подібні наукові форуми, на жаль, не мають аналогів. Мало який сучасний науковий форум може зрівнятися з XII Археологічним з'їздом за масштабами експедиційної та видавничої роботи, зібранням музейних колекцій, відкриттям та початком вивчення нових археологічних культур та підтримкою місцевої адміністрації тощо. Слід відзначити, що значна частина артефактів, які потрапили до музейних колекцій після роботи з'їзду, ще багато років використовувалися та вводилися до наукового обігу дослідниками. Матеріали, здобуті вченими до XII Археологічного з'їзду, продовжують використовуватися і сучасними дослідниками. Про це свідчить велика кількість посилань в наукових працях, присвячених дослідженню ямної, катакомбної, зрубної та салтівської археологічних культур, історії та історіографії археології. Не зважаючи на це наукова спадщина з'їзду до сьогодні залишається до кінця не вивченою і потребує більш ретельного аналізу та переосмислення.

В. В. Скурда, І. М. Скурда (Харків)

ДОСЛІДЖЕННЯ В. О. ГОРОДЦОВА НА ТЕРИТОРІЇ СУЧАСНОЇ УКРАЇНИ

Перші археологічні розкопки на території України В. О. Городцовим були проведені в 1901 р. й приурочені до XII Археологічного з'їзду в Харкові. У наслідок масштабних та систематичних досліджень в Ізюмському повіті Харківської губернії вченим були розкопані 107 курганів, які містили понад 200 поховань. Серед них він виділяв пам'ятки неолітичної та металеві доби. До періоду неоліту вченим були віднесені знахідки 5 стоянок по берегу Сіверського Донця, на яких були знайдені кам'яні знаряддя праці. Металева доба була поділена В. О. Городцовим на бронзову та залізну епохи. Серед курганних поховань бронзової доби ним було виявлено та описано 3 типи поховань, які в подальшому лягли в основу виділення нових археологічних культур — ямної, катакомбної та зрубної. Ці культури, на думку вченого, протягом бронзової доби змінювали одна одну. До пам'яток ямної культури ним було віднесено 74 поховання в 41 кургані. Катакомбні поховання в кількості

30 були виявлені дослідником в 25 курганах. Важливо відзначити, що вчений започаткував дослідження ґрунтових поховань біля хутора Зливки, які мали безпосереднє відношення до вивчення пам'яток середньовічної салтівської культури. Близько 30 впускних поховань В. О. Городцовим були датовані Х—ХІІІ ст. і визначені як половецькі або торські. До того ж, В. О. Городцовим було виявлено й оглянуто два городища, час створення яких він відніс до ХVІІ ст. Активну участь В. О. Городцов приймав у розкопках Донецького городища, а також одного з двох городищ та курганів поблизу с. Ніцаха Охтирського повіту, які проводились безпосередньо під час роботи XII Археологічного з'їзду.

Наступні розкопки В. О. Городцова в Україні були проведені у 1903 р. на території Бахмутського повіту Катеринославської губернії. Їх проведення було пов'язане з підготовкою до ХІІІ Археологічного з'їзду у Катеринославі. В пошуках відповіді на одне з осно-

вних питань з'їзду про прив'язку кам'яних баб до курганних поховань, дослідник прийшов до висновку, що вони належали народу, який знаходився під сильним римським впливом і мешкав на даній у II–III ст. до н. е. Поховання пізніх кочівників, В. О. Городцовим були розподілені на торські та такі, що належали невизначеній монгольській народності XII–XIII ст. Загалом до XIII Археологічного з'їзду вченим було розкопано 80 курганів, які містили в собі 212 поховань, більшість з яких належала до доби енеоліту-бронзи. Особливий інтерес у дослідника викликали 5 поховань у кам'яних ящиках, які на його думку були пов'язані з переселенням частини населення Північного Кавказу в басейн Сіверського Дінця. За часом вони були «старшими за зрубні й наближені до грецької культури». Крім того, В. О. Городцовим в Бахмутському повіті було досліджено 2 стоянки неолітичної доби, стародавні мідяні копальні біля с. Калинівського, що розроблялися населенням катакомбної культури.

В подальшому дослідження В. О. Городцова на території України відносяться до 1906 р. і пов'язані з проведенням чергового XIV Археологічного з'їзду у Черніго-

ві. В цей час вчений провів дослідження Більського городища, яке він розділив на Велике, Східне, Західне та Куземинське. Основні розкопки були проведені на території Західного городища, на якому основну увагу дослідника привернули зольники. На думку В. О. Городцова, вони являли собою сміттєві кучі, аналогії яким він зустрічав в Австрії. З точки зору вченого, перші зольники з'явилися раніше за укріплення Більського городища. Поблизу цього городища дослідником було розкопано 22 кургани, які мали тотожній внутрішній устрій. Особливу увагу В. О. Городцова привернула курганна група «Скоробор», яка складалася з 40 курганів, розташованих у 5 рядів по 8 курганів у кожному. На думку вченого, таке розташування свідчило про їхній безпосередній зв'язок.

Підбиваючи підсумки, слід відзначити, що розкопки В. О. Городцова на території України були пов'язані з Археологічними з'їздами початку ХХ ст. Найважливішим його досягненням цього часу слід вважати виділення ямної, катакомбної та зрубної культур, започаткування наукового вивчення салтівської культури та Більського городища.

А. С. Яненко (Київ)

АРХЕОЛОГІЧНА СЕКЦІЯ КАФЕДРИ ГЕОГРАФІЇ ТА АНТРОПОЛОГІЇ ПРИ ХІНО

Важливою рисою становлення самоусвідомлення вітчизняної археології новітнього часу стала прискіплива увага до свого минулого, історична саморефлексія, що здійснюється силами як істориків, так і археологів. Важливе місце у структурі історії археології посідає т. зв. інституціональний напрямок, що має на меті дослідити історію археологічних установ, організації наукових досліджень тощо. Сучасний історіографічний доробок, присвячений аспектам інституціональної історії археології Харківщини, представлений головним чином науковими розвідками В. В. Скирди. Загальна характеристика роботи кафедри географії та антропології ХІНО міститься у ґрунтовних працях з історії Харківського національного університету ім. Н. В. Каразіна, а також у статтях Я. В. Денисенко. Разом з тим діяльність археологічної секції кафедри географії та антропології й досі залишається своєрідною «білою плямою» на тлі інституціональної історії археології регіону.

Науково-дослідна кафедра географії та антропології (на момент заснування — українознавства) була утворена 1920 р. Секція археології увійшла до інституції у 1924/1925 р. й проіснувала до моменту розформування кафедри 1930 р.

Археологічна секція складалася з незмінного керівника О. С. Федоровського, аспірантів О. О. Потапова (з 1928/1929 р. — науковий співробітник кафедри), М. К. Фукса, В. П. Ступницького, дійсного члена М. Я. Рудинського. Активну участь у роботі секції брали також аспірант Харківського археологічного музею І. Н. Луцкевич і студент ХІНО М. А. Заховаєв. З науковими доповідями на засіданнях кафедри географії та антропології виступали А. В. Добровольський, П. П. Курінний, П. І. Смоличев.

Завдання й напрямки досліджень археологічної секції кафедри географії та антропології при ХІНО були тісно пов'язані з науковою діяльністю Харківського археологічного музею, директором якого був О. С. Федоровський.

Робота секції археології була зосереджена у двох напрямках: безпосереднє проведення наукових досліджень з археології та підготовка і підвищення

кваліфікації наукових та науково-педагогічних археологічних кадрів у аспірантурі при кафедрі географії та антропології.

Науково-дослідна робота секції охоплювала дві провідні теми: 1) вивчення городищ України й Харківщини зокрема (скіфських, слов'янських, золотоординських), розробка типології та аналіз топографії останніх; 2) дослідження «попелищ»/зольників, визначення особливостей розташування й культурно-хронологічної належності зазначеного типу археологічних пам'яток. Крім того співробітники секції проводили індивідуальні дослідження, наприклад, у 1927 р. О. С. Федоровський продовжував вивчення гірництва і металургії бронзової доби, вивчення археологічних культур «часів переселення народів» та Золотої Орди; дійсний член М. Я. Рудинський розробляв питання «передісторичної» археології Полтавщини, досліджував культури доби неоліту і римського часу на теренах України; М. К. Фукс вивчав археологічні пам'ятки скіфо-сарматської доби; О. О. Потапів — кераміку «скорчених кістяків», а також археологію Закавказзя; В. П. Ступницький досліджував археологію Лебединщини в цілому й рештки часів «української колонізації» Слобожанщини.

Розробка наукової проблематики секції археології здійснювалась у різноманітних формах: реферування й узагальнення опублікованих матеріалів/літератури, проведення екскурсій/розвідок і участь членів секції у розкопках, засідання й виступи з доповідями, ознайомчі й навчальні відрядження до музеїв та науково-дослідних установ СРСР.

Впродовж другої половини 20-х рр. ХХ ст. члени археологічної секції кафедри підготували за матеріалами своїх досліджень низку робіт, які побачили світ на сторінках друкованих органів Укрнауки, ВУАК, ВУНАС — «Наука на Україні», «Записки ВУАК», «Східний світ» тощо.

Після розформування кафедри географії та антропології 1930 р. її традиції були успадковані новоствореним Українським науково-дослідним інститутом матеріальної культури, директором якого був призначений О. С. Федоровський.

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОГРАММА Международной научной конференции «Проблемы истории и археологии Украины»	5
--	---

ЭПОХА КАМНЯ И ПАЛЕОМЕТАЛЛА

Берестнев С. И. (Харьков). Об «инсигниях власти» эпохи палеометалла	12
Бровендер Ю. М. (Алчевск). О производственных культах Донецкого горно-металлургического центра (по материалам Картамышского археологического микрорайона памятников эпохи бронзы)	13
Горбенко К. В. (Николаев). Раскопки производственного помещения на «цитадели» городища Дикий Сад в 2011 году	13
Дьяченко Я. О. (Харьков). К проблеме «математизации» археологии	14
Загородняя О. Н. (Алчевск). Новые данные о функциональном назначении орудий из кости Картамыша	15
Кислий О. Е., Исламов Е. М. (Сімферополь). Информативність декоративного мистецтва епохи енеоліту—бронзи	16
Максимова О. А. (Воронеж). Бытовые памятники срубной культурно-исторической общности в бассейне Северского Донца в оценке украинских исследователей последнего десятилетия XX столетия	17
Пробейголова А. С. (Луганск). Керамический комплекс Давыдо-Никольского поселения финала эпохи бронзы (по материалам 2007–2011 гг.)	18
Пряхин А. Д. (Воронеж). К обоснованию целесообразности закрепления за одной из культур срубной культурно-исторической общности названия «мосоловская срубная культура»	18
Семенова А. А. (Київ). До інтерпретації функціонального призначення прикрас з мушель молюсків (за матеріалами комплексів пізньопалеолітичних стоянок Східної Європи)	19
Сніжко І. А. (Харків). Визначення часу існування стоянки біля с. Кам'янка	20
Супруненко О. Б. (Полтава). Енеолітична гробниця-циста з пониззя Сухого Кобелячка на Полтавщині	21
Шерстюк В. В. (Полтава). Поховальні комплекси зрубного часу нижньої течії Псла	22
Шутелева И. А., Щербаков Н. Б. (Уфа). Казбуруновский I курганный могильник: сакральный комплекс срубно-алакульского населения Башкирского Приуралья (первоначальные результаты исследования)	23

РАННИЙ ЖЕЛЕЗНЫЙ ВЕК

Бабенко Л. И. (Харьков). О содержимом амфоры на пекторали из Толстой Могилы	24
Бабенко Л. И. (Харьков), Вальчак С. Б. (Москва). Еще раз об атрибуции черногоровских удил: 20 лет спустя	25
Бойко Ю. Н. (Винница). Культ Диониса в Северном Причерноморье и на его скифской периферии	25
Буйнов Ю. В. (Харьков). Этносоциальная атрибуция погребения скифского времени в кургане 11 у пос. Старый Мерчик в Харьковской области	26
Головченко Н. Н. (Барнаул). К вопросу о типологии наплечной одежды носителей археологических культур скифо-сакского мира	27
Гречко Д. С. (Киев). К вопросу об археологических памятниках киммерийцев VII в. до н. э.	27
Гуцал А. Ф., Гуцал В. А. (Кам'янець-Подільський), Могилов О. Д. (Київ). Курганы скифского часу біля сіл Спасівка та Іванківці на Західному Поділлі	28
Задников С. А. (Харьков). История изучения античной керамики Бельского городища	29
Кашуба М. Т., Вахтина М. Ю. (Санкт-Петербург). Немировское городище на Южном Буге — фокус контактов варварских культур и раннегреческой цивилизации	30
Крютченко А. А., Пеляшенко К. Ю. (Харьков). Этапы фортификационного строительства на Циркуновском городище	31
Ліфантій О. В. (Київ). Семантичне навантаження міток на наконечниках стріл скіфського Надчорномор'я	31
Плешивенко А. Г. (Запорожье). Работа Б. Н. Гракова на Бельском городище	32
Полидович Ю. Б. (Донецк). Зооморфно оформленные псалии предскифского времени	33
Разуваев Ю. Д. (Воронеж). Семилукское городище в системе скифоидных памятников лесостепного Подонья	34
Фіалко О. Є. (Київ). Музика та музичні інструменти ранніх номадів	35
Шрамко Б. А. (Харьков). Важные, но забытые открытия	35
Шрамко И. Б. (Харьков). Большие городища лесостепной Скифии	36

ИСТОРИЯ И АРХЕОЛОГИЯ СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ В АНТИЧНУЮ ЭПОХУ

Венцова М. И. (Донецк). Погребения с украшениями в некрополях Боспора.....	37
Грибанов Д. В. (Харьков). Боспорское государство в эпоху правления Левкона I: от симмахии к симполитии.....	38
Ивченко А. В. (Киев). Погребение римского легионера на некрополе Ольвии.....	38
Колесников К. М. (Дніпропетровськ). Херсонітські балістарії трактату Константина Багрянородного: походження, комплектування, тактика.....	39
Крапивина В. В. (Киев). О находке двух мраморных скульптур в Ольвии в 2010 году.....	40
Красникова Е. А. (Белгород). Образ человека на Боспоре и художественные приемы его создания.....	41
Медведев А. П. (Воронеж). Восточное предместье Фанагории.....	41
Новичихин А. М. (Анапа). О синдской топонимии в Северо-Западном Причерноморье.....	42
Ручинская О. А. (Харьков). Сакральная эвергетия в античных городах Северного и Западного Причерноморья в I—III вв. н. э.....	43
Шепко Л. Г. (Донецк). Формирование боспорской аристократии.....	44
Ярцев С. В. (Тула). К вопросу о регламентации религиозной жизни населения черняховской культуры.....	44

ИСТОРИЯ И КУЛЬТУРА АНТИЧНОГО МИРА

Акимов А. Б. (Харьков). Missio honesta и гражданская карьера римских ветеранов.....	46
Бандровський О. Г. (Львів). Політика останніх Антонінів в Карпатському регіоні та її наслідки.....	47
Барышников А. Е. (Калуга). Актуальные проблемы изучения городов Римской Британии.....	47
Беликов А. П. (Ставрополь). Кто оставил страну, будут лишены гражданских прав (OGIS. I. 338. v. 27–30): к причинам миграции из Пергама в 133 г. до н. э.....	48
Боднарюк Б. М. (Чернівці). Сарабаїтизм і поширення маргіналізованої аскетичної практики у східному чернечому середовищі IV ст.....	49
Габелко О. Л. (Москва). «Тилийское царство» кельтов во Фракии: в поисках фантома?.....	49
Зелинский А. Л. (Киев). Возможная причина воздаяния божеских почестей Птолемею Сотеру родосцами.....	50
Казаров С. С. (Ростов-на-Дону). Додонский Зевс: некоторые особенности культа.....	51
Квашнин В. А. (Вологда). Загадка плебейского трибуна 212 г.....	52
Коваль І. А. (Львів). Тіберій та Германік — два проекти зовнішньополітичної стратегії Римської імперії.....	52
Козак А. И. (Черновцы). Призвание лакедемонянина Ксантиппа карфагенянами (256–255 гг. до н. э.) в свете античной исторической традиции.....	53
Литовченко Е. В. (Белгород). К вопросу о «понимании и интерпретации» сочинений Сидония Аполлинария (V в. н. э.).....	54
Литовченко С. Д. (Харьков). Публий Клодий и Тигран Младший.....	55
Мартемьянов А. П. (Харьков). О налогообложении сельского населения Нижней Мезии и Фракии в первых веках нашей эры.....	55
Нефедов К. Ю. (Харьков). Коронация Птолемея I и возникновение эллинистической монархии.....	56
Петречко О. М. (Дрогобич). Рескрипт Адриана Мініцію Фундану.....	57
Сергеев И. П. (Харьков). Проблема кризиса III века в Римской империи в современном «западном» антиковедении.....	57
Синицын А. А. (Саратов/Санкт-Петербург). Фронтон и финал: по поводу «заимствования» Геродотом у Фукидида принципа хронологического повествования.....	58
Федорук А. В. (Черновцы). К вопросу о командовании лагидской элфантерией в битве при Рафии 217 г. до н. э.....	59
Чередниченко А. Г. (Белгород). Античная традиция об одном из древнейших названий Фракии 'Αρία.....	59
Янко А. Л. (Полтава). Етрусський термін hatrenci та його інтерпретація.....	60

СЛАВЯНСКИЙ МИР И ЕГО СОСЕДИ

Апареева Е. К. (Луганск). Атрибуты и обряды половецкого святилища в Подонечье.....	62
Бібіков Д. В. (Київ). Хронологічні рамки побутування обряду кремації в Середньому Подніпров'ї в давньоруський час.....	62
Варачева К. Г. (Харьков). Нестандартные формы глиняных кубков черняховской культуры.....	63
Володарець-Урбанович Я. В. (Київ). Трубочки-пронизки раннього середньовіччя із слов'янських пам'яток.....	64
Голубева І. В., Муслімов К. Р. (Харків). Скарб рубежу XVI—XVII ст. у Цареборисівській фортеці.....	65
Денисова И. В., Болгов Н. Н. (Белгород). К истории славян в византийской Греции.....	65
Зиньковская И. В. (Воронеж). Новые находки предметов женского раннесредневекового убора в Верхнем Подонье.....	66
Івакін В. Г. (Київ). Археологічна карта поховальних пам'яток давньоруського Подолу Києва.....	67
Калініченко В. А. (Чернівці). Шилевидні наконечники стріл: проблема поліваріантності та інтерпретації (за матеріалами Прутсько-Дністровського межиріччя).....	68
Колода В. В. (Харьков). Жилища роменского городища Водяное.....	68
Корниенко В. В. (Киев). Новое свидетельство русско-финских контактов XI в.....	69
Омельяничук С. В. (Владимир). Особисті відносини між непрямыми родичами у Давній Русі.....	70
Прохненко И. А. (Ужгород). Проникновение печенегов в Верхнее Потисье.....	70

Родинкова В. Е. (Москва), Егорьков А. Н. (Санкт-Петербург). Клад раннесредневекового времени из Суджи-Замостья и состав металла его артефактов	71
Родинкова В. Е., Сапрыкина И. А., Сычева С. А. (Москва). Раннесредневековые клады Поднепровья: традиционный взгляд и новые данные.....	72
Сергеева М. С. (Київ). Матеріали до історії деревообробної справи у давньоруському місті Воїні (Воїнська Гребля)	72
Тараненко С. П. (Київ). Гідрологія давньоруського Подолу Києва за археологічними даними	73

ХАЗАРСКИЕ ДРЕВНОСТИ

Аксенов В. С. (Харьков). К вопросу о погребениях с разрушенными костяками на катакомбных могильниках салтовской культуры Подонечья	74
Аксенов В. С., Хоружая М. В. (Харьков). Наборы личных украшений населения лесостепного варианта салтово-маяцкой культуры (этнический аспект)	75
Иванов А. А. (Ростов-на-Дону). Котлы с внутренними ушками из раскопок Крымского городища в 2006–2011 гг.	75
Квитковский В. И. (Харьков). Жилища с двумя параллельными стенами на лесостепных памятниках салтово-маяцкой культуры	76
Красильников К. И. (Луганск). Формы хозяйственных структур населения степи в хазарское время	77
Лаптев А. А. (Харьков). К проблеме монолитности лесостепного варианта салтовской культуры.....	78
Решетова И. К. (Москва). Комплексный антропологический подход к изучению материалов могильника Верхний Салтов	78
Хоружая М. В. (Харьков). Погребения в дромосах катакомбных захоронений Верхне-Салтовского могильника	79
Яниш Е. Ю. (Киев). Результаты определения костей рыб (Мангуп-Кале, 2009–2010 гг.)	80

ВИЗАНТИЯ И ИТАЛЬЯНСКИЕ КОЛОНИИ В СЕВЕРНОМ ПРИЧЕРНОМОРЬЕ

Алексеенко Н. А. (Севастополь). Моливодовулы соседей Херсона из южного Понта	81
Бардола К. Ю. (Харьков). О степени государственного регулирования ранневизантийской внешней торговли на Дунае	82
Болгов К. Н. (Белгород). Итоговая систематизация латинской грамматики в Константинополе VI в.	82
Болгова А. М. (Белгород). Грамматисты высших школ Ранней Византии (IV—VI вв.).....	83
Гордієнко Д. С. (Київ). До хронології науково-літературної діяльності Константина Порфирогенета.....	84
Господаренко О. В. (Миколаїв). До питання про локалізацію замка Леріче	84
Домановский А. Н. (Харьков). Император Юлиан и антиохийцы: об эффективности принудительного государственного установления цен на продукты питания в ранней Византии	85
Домановська М. Є. (Харків). М. С. Дринов про балканські походи князя Святослава 967 та 969 рр. у контексті візантійсько-болгарського протистояння X ст. (до питання про межі об'єктивності історика)	86
Дьячков С. В. (Харьков). Новый объект на карте генуэзской крепости Чембало (XIV—XV вв.).....	86
Косовская Г. А. (Белгород). К истории древнеегипетских культов в ранневизантийском Египте.....	87
Майко В. В. (Симферополь). Стекланные браслеты византийской Таврики. Вопросы типологии, технологии и хронологии	88
Роменский А. А. (Харьков). Оглашение князя Владимира: миф или реальность?	89
Сорочан С. Б. (Харьков). О комиссионерах в Византии VII—IX вв.	90
Столяренко Е. Н. (Харьков). О врачебной практике в генуэзских колониях Крыма (XIV—XV вв.)	90
Фомін М. В. (Харків). Про гірську фортецю Сьюрень (Шиварін)	90

ИСТОРИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ НАУКИ: к 110-летию XII Археологического съезда

Баукова А. Ю. (Львів). Конференція 1926 р. в Керчі як аналог російських археологічних з'їздів	92
Бойко А. Л. (Ростов-на-Дону). Донское отделение Предварительного Комитета XII Археологического съезда.....	93
Гусев К. А. (Москва). К юбилею международного конгресса по антропологии и доисторической археологии 1892 года	93
Кукса Н. В. (Чигирин). Археологічні дослідження в церкві Святого Пророка Іллі в Суботіві в середині XX — на початку XXI ст.	94
Принь М. О. (Луганськ). Пам'яткоохоронні дослідження Харківського археологічного музею в Старобільській окрузі	95
Скирда В. В., Скирда І. М. (Харків). XII Археологічний з'їзд у Харкові: 110 років потому.....	96
Скирда В. В., Скирда І. М. (Харків). Дослідження В. О. Городцова на території сучасної України	96
Яненко А. С. (Київ). Археологічна секція кафедри географії та антропології при ХІНО	97